

РЕУЧЕ



1985

17

Вече

Независимый русский альманах

17

Пятый год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

**Российское Национальное Объединение в ФРГ
© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1984
München**

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ. Пятый год издания...	5
РОССИЯ И ЦЕРКОВЬ	
А. Карташев. Влияние Церкви на русскую культуру	29
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	
И. А. Ильин. Мировые причины русской революции	41
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ	
Н. Новосильцев. Генерал А. А. Власов - Председатель Комитета Освобождения России	51
ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ	
Л. Келер. Владимир Соловьев - слепой вождь слепых	75
ПРОБЛЕМЫ РАДИОВЕЩАНИЯ	
О. Поляков. Вопросы улучшения антикоммунистической пропаганды, в частности радиовещания на Советский Союз	103
Трибуна «ВЕЧЕ»	
А. Троицкий. О той же проблеме с другой стороны	129
Епископ Григорий. Где духовный прогресс: в разуме или в сердце?	137
В. Вулич. Мысли по поводу одной статьи	141
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
О. Красовский. Римский скандал	169
А. Тольский. Открытое письмо в газету «Новое Русское Слово»	211
Письмо в редакцию	
Д. Панин. По поводу обращения Л. Бородина к русской эмиграции	217

*Христос Воскресе!
Воистину Воскресе!*

*Подписчиков
и друзей альманаха
«Вече»
сердечно поздравляю
со Светлым Праздником
Воскресения Христова!*

О. Красовский

Пятый год издания...

Альманах «Вече» в зеркале писем читателей

Четыре года назад, весной 1981 г. русскому Зарубежью был представлен первый номер независимого русского альманаха «Вече», ныне вступающего в пятый год своего существования.

Четыре года – короткий срок в жизни печатного органа. Но за эти годы определилось и место «Вече» среди русских зарубежных изданий, и с достаточной четкостью были выражены его позиции, как рупора независимой русской национальной мысли, а также был дан однозначный ответ на вопрос о его жизнеспособности. Больше того, если относительно необходимости издания „еще одного“ печатного русского органа в Зарубежье четыре года назад, кое-кто высказывал сомнение, то теперь в национально мыслящих русских кругах царит уверенность – альманах «Вече» своевременен и необходим.

Четыре года были нелегкими годами преодоления трудностей – больших и малых. Ведь, начиналось все на пустом месте. Ничего не было – ни издательской базы, ни сотрудников, ни авторов, ни элементарных канцелярских условий, ни читателей. Даже времени не было. Приходилось готовить альманах после службы ночами, в воскресные и праздничные дни, отказываясь от отпуска. И материальные средства были более нежели скромные. Сбережения за долгие годы трудовой жизни, предназначенные для дополнения к пенсии, пожертвованные на русское дело, обеспечивали издание 5-6 выпусков альманаха.

Была лишь воля к созданию независимого русского печатного органа, была уверенность в его необходимости как здесь в Зарубежье, так и на родине и глубочайшая вера в Божью помощь.

Многие трудности позади. Альманах твердо встал на собственные ноги и будет жить, опираясь на всестороннюю поддержку подписчиков во всех странах мира. Существование альманаха «Вече» опровергает утверждение редактора «Континента», самого тучного русскоязычного журнала, В. Максимова, что в Зарубежье невозможно существование русского органа печати, не имеющего крепкой финансовой поддержки иностранных инстанций, заинтересованных в его издании. Невозможно, повидимому, существование русскоязычного органа.

Вместо подробного отчета о внутренних редакционных делах альманаха, повествования о том, что пережито за четыре года и сообщения о том, что намечается, планируется за порог пятого года издания, слово предоставляется читателям «Вече». Уже неоднократно поступали жалобы на то, что в «Вече» редко публикуются письма читателей. Опубликовали, дескать, подборку в № 4 - и все.

Не публиковались же письма или выдержки из них лишь потому, что почта приносит в редакцию «Вече» письма, содержащие, в основном, похвалу, выражающие одобрение и даже восторг. Неудобно же публиковать только хвалебные отклики. Ведь наши недруги (писем в редакцию они почему-то не посылают), после публикации выдержек из писем в «Вече» № 4, злорадно закричали: „Самореклама!“

Но, что поделаешь? Нам пишут главным образом наши друзья. И им предоставляется здесь слово. Предоставляется слово и тем немногим авторам писем в редакцию, давшим нелестную оценку альманаху. К счастью, за последние три года несколько таких писем было получено. Не цитируются письма тех лиц, которые просили, чтобы их высказывания, даже помеченные только инициалами, не публиковались. Подписываются цитаты из

писем инициалами их авторов, без указания точного места их проживания. Только цитаты из некоторых писем критического содержания подписаны фамилиями их авторов. Ведь им-то опасаться нечего. В нашем свободном мире за хвалебный отзыв о «Вече» можно потерять работу; за ругань по его адресу – следует ожидать повышения в должности.

Итак, альманах «Вече» в зеркале писем читателей...

*

„Могу лишь присоединиться к тем, кто так положительно встретил появление «Вече»; еще один голос правды, исключительно необходимый. Чем нас будет больше, тем лучше, тем громче мы будем кричать против захватчиков нашей Родины. А чем больше мы будем защищать святое имя России, её честь, её славу, тем больше мы будем её честными сыновьями. Вот именно нужно перекричать всех лгунов и хулителей её... Цена альманаха по сравнению с теми ценностями, что он защищает, ничтожна, всегда можно что-то от себя урезать, тем более, что все мы тут не бедные...“

Н. К. Бразилия

*

„Прошу оформить мою подписку на журнал «Вече» и прилагаю для этой цели банковский перевод на 50 долларов. «Вече» считаю **единственным** истинно русским и национальным органом теперь за границей и перечитываю все номера несколько раз (журнал получил от своей сестры)...“

А. Т. США

*

„Желаю получать ваш журнал и далее. Дело не в том, что я согласен со всеми положениями и взглядами, которые печатаются на страницах «Вече» – нет. Мне кажется, что вы независимы от нерусского, часто просто иностранного влияния на направление вашего журнала.“

А. З. США

*

“Судя по внешности вашего журнала и по тем немногим статьям, которые я просмотрел бегло, он мне ближе к сердцу, чем современная „русская пресса“, как например «Русская мысль».

Б. Р. Франция

*

„Я очень рад, что уже тридцать с лишним лет после войны, наш русский огонек не угасает. Я посылаю Вам посильную поддержку для продолжения издания, а журнал можете посылать в русские организации, или в дом для стариков, или в церковь. Я же по зрению не в состоянии читать.“

А. Л. США

*

„Ваш альманах создан, чтобы пробуждать национальную совесть...“

Н. К. Аргентина

*

„Если одним „русским“ Родина-Русь была названа сукой, и обнаглел он до того, что стал угрожать содрать с нее шкуру, то почему бы такому кобелю не ответило «Вече» взаимностью и не попросит его не вмешиваться в „сучьи“ дела. В таких кобелях большая нужда в другом месте, но не там где русский дух!..“

Н. Ф. ФРГ

*

“Я собирался уже писать своему другу Александру Андреевичу Х., чтобы он подписался на «Вече», как получил письмо от него, с подобным же советом мне: подписаться...”

И. П. Франция

*

„...«Вече» приковывает, схватывает за сердце щемящей болью и не пускает пока не прочтешь от корки до корки. «Вече» как индикатор в химии точно и определенно разделяет на две составные части: на белую и красную... Да помощи Вам Бог, в Вашем замечательном деле.“

Д. Е. Австрия

„Спасибо Вам, что создали Ваш альманах, пусть его главная цель будет возрождение России... Возрождение для всех народов России. А может и облегчение всему миру, так как он приобретет равновесие. Россия с её народами – это целый континент и надо мыслить континентально, а не по-деревенски.

Если во всем мире чувствуется упадок, потеря идеалов, деградация, то мы в будущем должны будем восстановить равновесие (как это было в истории) именно весомостью своих положительных идеалов, а не пафосом разрушения.

Н. К. Бразилия

*

„С удовольствием читаем Ваш журнал и радуемся, что он преуспевает и продолжает выходить. Бог Вам в помощь!“

В. П. ФРГ

*

„Приятно взять «Вече» в руки, посмотреть: наше, чисто русское. Поздравляем... «Вече» – Ваш альманах (и наш тоже), не сомневаюсь, что регулярный выпуск журнала будет налажен. Мы же Вам в этом готовы помочь. Журнал весьма полезный. Во многом мне открывает глаза и отвечает на вопрос: 'Откуда есть пошла беда на нашу голову?..'“

Б. Т. США

*

„Молодцы, господа! «Вече» – колоссальный журнал. Посылаю 100 долларов. Держитесь, Ваня.

США

*

„По правде, я обязан Вас благодарить за прекрасный Российский национальный журнал «Вече», за хлопоты и т.д. Для русского патриота святая обязанность поддерживать этот печатный орган. По мере моих сил и финансовых возможностей с радостью посылаю в наше общее „Русское дело“ взнос. Да поможет Вам Господь Бог и

Царица Небесная и даст силы и здравия еще в будущем служить этому великому святому делу.“

В. Н. США

*

„Содержание и оформление «Вече» замечательное. Особенно нравится обложка с цветами нашего национального русского флага и оттиск Св. Георгия Победоносца. Художник поистине замечательный... Мне бы хотелось видеть в альманахе отдел объединенный Евангелия, Деяний, посланий Апостолов, наших церковных православных обрядов, традиций и т.д...“

Г. Г. Австралия

*

„...Вот прочитал статью в журнале «22» № 29 „Потерянный континент“ и еще более перестал что-то понимать. Кончается статья следующим выводом автора: „Иисус прославлял царство Божие, учение его во всех деталях глубоко укоренено в иудаизме“. Чтоб такое понять и объять, надо обладать гораздо большим багажом, чем имею я. Альманах «Вече» христианский, и хотя я себя не могу причислить к категории верующих, но есть вера изнутри меня и базируется на незлобности и прощении. Уклад правления в теперешней России более чем злобный, потому не могу простить преступления, которые совершали все бывшие и настоящие руководители, начиная со времен бандитского переворота 1917 года...“

Е. Р. Израиль

*

„Большое спасибо за очередной номер «Вече» с его, как всегда, разнообразным, информативным и интересным содержанием...Состоялась у меня встреча с небезызвестным Вам эмигрантом-диссидентом, русским скульптором Эрнстом Неизвестным. Мы в течении трех часов беседовали или вернее, я поучался от настоящего знатока всех тайн советской политической, экономической и культурной структуры... Этот разговор раскрыл передо мной всю пропасть которая отделяет нас русских от этих „руссо-

фобов с русскими фамилиями“. Но их-то слушают на Западе через всевозможные (и невозможные) организации, а вот наших Солженицыных не слушают. Наверное «Континент», экземпляр которого он мне преподнес, в финансах особенно не нуждается, а вот «Вече»?!“

Г. П.

*

„Альманах пришелся во всех отношениях по-душе. Особенно его независимость порождает большие надежды на сохранение в нем русскости, на сохранение приоритета русских интересов на его страницах. Но как долго удастся сохранить это? Ведь, почти все остальные издания перешли на иждивенчество в урон русскому интересу, лишились свободы слова, сохранив только русскую речь, и то, зачастую, перенасыщенную до тошноты вульгаризмами. Думаю, что Вам придется пережить большой шторм со стороны третьей волны „русской“ эмиграции и много стараний приложить, чтобы не быть выкатапультированными.

Так долго, пока альманаху удастся сохранить свою русскость, свою независимость, быть свободным от инфильтрации бусурманского духа, прошу высылать мне каждый очередной вышедший номер... От души желаю альманаху «Вече» развивать идею возрождения национального сознания на зло врагам, жукам-могильщикам русскости и на радость русским людям!“

Ф. Р. ФРГ

*

„...Читая статьи альманаха получаешь большое нравственное удовлетворение. Нельзя не приветствовать выбранную вами, кажется, единственно правильную дорогу, между „максимовщиной“ и посевским „псевдодисидентством.“

В. Х. Австралия

*

„По-моему, наша общая задача сейчас, это разоблачение, разоблачение и разоблачение! Все мы, кому доступно, должны срывать овечью шкуру с замаскирова-

вшегоя под ней кровожадного волка! «Вече» это делает, спасибо Вам.,,

П. П. Бразилия

*

„С вашим альманахом я познакомился через моего знакомого... Я вижу, что «Вече» представляет и отражает интересы России и русского народа, вернее, россиян. От вас не скрыто, что на Западе разжигают русофобство. Мне кажется, что американские русофобы приняли эстафету „дранг нах остен!“ и готовят против нашей страны и нашего народа крестовый поход. Пошлите мне, пожалуйста, все номера с начала. Если у вас есть пробные номера, то пошлите хотя один. Я хочу его послать и рекомендовать моему знакомому в США. Прилагаю чек... Господи да благословит вас в этом служении. Всего вам доброго. Храни вас Бог!.,

И. К. ФРГ

*

„Альманах получил. Большое спасибо. Получил почти одновременно и письмо из Аргентины. Цитирую без изменения выдержку из него. „Получаю из Германии «Вече» тоже нашего толка. С большим вниманием и удовольствием читаю его и с нетерпением жду следующего номера...“ Выписку эту решил послать Вам потому, что отзыв о «Вече» – „тоже нашего толка“, не единственный среди читателей его. Приходится он по-душе русскому человеку и где бы он ни был, или в Аргентине, или в другом полушарии. Мила и внешность его, и трехцветом разукрашенная обложка...“

П. Н. ФРГ

*

„...Теперь я смог погрузиться в чтение Вашего альманаха... В Финляндии немного русских. Из старой эмиграции – многие умерли, а новой – считанные единицы, ибо по договору Финляндия возвращает тех, кто ищет убежища в ней. Но я убежденный пропагандист «Вече» и

при любой возможности активно буду вербовать новых подписчиков...”

В. Г. Финляндия

*

„Видать, что люди взявшие на себя такое благородное дело как печатание российского национального альманаха, достойны звания Российских патриотов. Помогай Вам Бог, дорогие соотечественники. Высылаю при сем 20 международных купонов. Я нахожусь уже 10 лет на пенсии и готов помогать Вам большими деньгами, но беда в том, что с пересылкой денег имеется затруднение. Может быть, есть у Вас здесь в Англии люди, которым можно передавать подписную плату на «Вече»...”

С. С. Англия

*

„...Мне все же было бы любопытно узнать от кого Вы обо мне „очень метко“ узнали, т.к. мой круг знакомых весьма ограниченный. Читаю альманах с большим интересом, и многому русская душа радуется. Делюсь с несколькими лицами вокруг себя...”

О. Т. Франция

*

„Мы с большим удовлетворением и интересом читаем альманах. В письме, к сожалению, невозможно перечислить все понравившиеся нам статьи, их очень много.

Как искренние друзья «Вече» мы позволим себе высказать пожелание видеть в альманахе несколько больше материалов на темы русской истории не только до и послереволюционного периода, но также более ранние. Русских часто упрекают Иваном Грозным, крепостным правом, татарами, как-будто не было у нас лучших времен. Знание и добросовестный анализ истории очень помогает освободиться как от советских штампов, так и совпадающих с ними традиционных антирусских, знаем это по собственному опыту. Русская религиозно-философская мысль, кажется нам, тоже очень важным моментом в развитии национального самосознания. Статьи на эти темы

помогли бы читателям разобраться в духовном и историческом процессах, имевших место в России.“

В. и К. К. ФРГ

*

„Альманах читаю с большим удовлетворением. Прочел уже одиннадцать номеров. Направление и содержание «Вече» – правильные: Вы бьете не по оглоблям, а по коню... От всей души желаю Вам всего, всего самого лучшего, а главное – здоровья и помощи Божией в Вашем нелегком труде по изданию серьезного независимого национального органа...“

М. Т. США

*

„Большое спасибо за присланные Вами четыре номера «Вече». Для нас это было действительно приятное открытие. Кроме хорошей и интересной подборки материала хочется также отметить очень удачное оформление журнала. Важность и значение такого альманаха просто трудно переоценить...“

В. К. ФРГ

*

„По моей занятости мне редко приходилось держать в руках журнал «Вече». Но попался в руки № 13 ... В результате этого знакомства, посылаю чек на 30 долларов и прошу принять мою подписку.“

И. А. США

*

„Являясь подписчиком «Вече» осмеливаюсь обратиться к Вам с идеей – „давать почитать“ занимающему альманах «Вече» с условием, что он выпишет или купит его себе или для передачи другим. Я уже испытал мою (не новую) „идею“ на практике: даю «Вече» для прочтения с условием, что он или она на него подпишутся. Срабатывает. Не хотели бы Вы эту „идею“ обнародовать в журнале? Написать нечто вроде воззвания, призыва или опубликовать часть моего письма, можете решить сами...“

С. Г. США

*

„Спаси Господи за посланный Вами пробный № 10 «Вече» прекрасного содержания. Прилагаю свой чек – 30 долларов, а также список адресов, по которым, думаю, полезно будет послать пробный номер...“

Г. Л. США

*

„Получил «Вече» № 13; читаю, упиваюсь, познаю истину. Посылаю Вам мою „подмогу“. Знаю, что времени у Вас мало отвечать всем нам. Если напишете только одно слово: „получил“ и то буду рад. А то боюсь всегда, что пропадут деньги, будет жаль.“

Б. Н. Франция

*

„Ваше «Вече» – истинное вече, где слово получает каждый, кому оказывается близка судьба нашей страны, важно только – любит ли он эту страну и чтит ли христианские принципы, без которых нет и спасения сегодня. Допустима ли на вече эмоциональная выразительность, иногда чуть бóльшая, чем хотелось бы, и одновременно – рядом статьи академического характера? Возможно. Но думается, журнал должен обладать стопроцентной защищенностью, поскольку его можно рассматривать как летопись разворачивающегося процесса, идущего в нашей стране.“

Е. Б. ФРГ

*

„Журнал ваш ценю и читаю с первого номера. Присоединяю свой голос к хору тех русских патриотов, кому национальная и православная Россия дорога и необходима. Вы и А. И. Солженицын – это единственный бастион и защита безгласных русских масс, у которых кляп во рту.“

Н. А. Австралия

*

„Весьма Вам благодарен за номер, издаваемого Вами прекрасного альманаха «Вече»...“

И. Ц. Польша

*

„Проясняется русское национальное сознание. Свидетельство тому – Огурцов, Осипов, ваше «Вече». Это конечно не может нравиться делателям революций. Отсюда и рецензия журнала «Время и мы»... Теперь, когда их эксперимент в России близится к катастрофическому концу, когда они сами покидают ими же созданный „рай“, правду им слышать невыносимо. Эткинды не желают слышать. У них возможно отцы были комиссарами, революцию творили, так как же им признать правду-то? Это не мешает однако им говорить: „Мы – русские“... Я родился за границей в 27-м году во Франции. Мне постоянно тычат, что я не у себя дома, должен ехать в СССР. За все мои унижения я обязан Эткиндам, которые устроили на родине моих отцов интернационал, а теперь как крысы с тонущего корабля бегут за границу и еще запрещают нам говорить правду...“

В. Б. Франция

*

„...А что на «Вече» озлобилась третья волна – это хорошо. Плохо бы было, если бы не озлобилась...“

П. П. США

*

„...Прошу разрешить перепечатать статьи „Солженицын и Запад“, „Ошибка или вина Запада“, как для распространения на Западе, так и в Сов. России (без коммерческих целей, конечно)...“

А. Р. Австралия

*

„Недавно начал просматривать первые номера Вашего журнала «Вече», правда, прочел еще не все, и хочу поделиться своими впечатлениями, хотя и не знаю, сочтете ли Вы их полезными или нет, придутся ли они Вам по вкусу, или нет. Итак: внешнее оформление журнала очень хорошее – что, зная эмигрантскую среду и её возможности, сразу заставляет задуматься: а кто вас финансирует? Кто дергает ниточки за кулисами? Кому Вы отчитываетесь? Извините за недоверие, но уж слишком много раз, нам эмигрантам, приходилось разочаровываться во

всяких русскоязычных изданиях: на первый взгляд – борцы за свободу, герои, дерзнувшие высказаться вслух, русские патриоты, а на поверку оказывается, что это только чучело, выряженное героем и имеющее задачей привлечь эмигрантов в очередную западную, ввести их в очередное заблуждение, отвлечь, не то, что от настоящей борьбы (борцов давно ликвиднули), но даже от неподдельного, незараженного русского самосознания, подменить его очередной „теорией“, „течением“, „идеей“, или просто бессмысленным набором слов. А у меня нет средств проверить, что у Вас в мыслях, что на уме, ведь чужая душа – потемки.

Но предположим, что Вы настоящие, искренние, прямые русские люди, действительно любящие свою страну, свой народ, прошлое, будущее. Что тогда? Как оценивать содержание Вашего журнала?

Некоторые статьи серьезные, полезные и интересные. Статьи Оганесяна заставляют вспомнить, что не все нерусские считают нас кровожадными извергами, варварами и диктаторами – что звучит необычно, облегчающе и освежающе. Похвально и многое другое. Думаю, что было бы интересно иметь больше статей о современных событиях, о текущих делах (и о преступлениях против рода человеческого). Но вот зато, непристанное упоминание и упование на Бога, звучит как детский лепет, как парение в облаках.

Подчеркивание православия, это одна из черт, которая позволяет надеяться, что Вы действительно и искренне русские (или замаскировались лучше других), но все же, думаю, что всем нам, русским, пора призадуматься о значении веры наших предков вообще, и в современном мире и её последствиях, в частности.“

П. Т. США

*

„Извините, но мы должны отказаться от подписки на «Вече». С уважением Людмила Торн.“

Нью-Йорк

*

„По глупости и по нечаянности а обратился к Вам с просьбой подписаться на Ваш журнал «Вече». Это огромная ошибка: Знай я раньше об этом, я никогда не сделал бы такой грех перед Богом. Только что прочитав декабрьский экземпляр самого лучшего выражения настоящих русских дел, я считаю неизбежным заявить Вам, что я уверен в знании и мудрости господина Ваулина, редактора «Нива» в этом отношении. Сомнений нет, что и господин Н. Тетенев, редактор «Русское Самосознание» соглашается с Г. Ваулиным тоже и с неограниченной несомненностью Вам делают строгий выговор. Боже, да прости мне! Вычеркните, пожалуйста, меня из списка немедленно.“

Г. Б. США

*

„Констатирую, что «Вече» чуть ли не единственный русский журнал, не боящийся давать отпор 3-ей волне. Надо сознаться, что мы, русские, приняли оборонительную точку зрения. Если пакостят – мы стараемся дать отпор. Хорошо было бы перейти в наступление – если можно так выразиться.“

Г. А. Франция

*

„Недавно я имел счастливую возможность ознакомиться с содержанием 7/8 (сдвоенного) выпуска альманаха «Вече». Признаться, где-то год тому назад я бегло просмотрел один из первых выпусков, но посчитал все это очередной коммерческой затеей „русскоязычных“ прохвостов и далее судьбою альманаха и публикуемыми в нем материалами не интересовался, как впрочем и другими „русскими бизнесами“, начиная с «22» и кончая respectableм с виду «Континентом». Повсюду махровое русофобство весьма вольготно нагуливало жиры и некому было остановить злодеев. Вконец распоясавшиеся „новодовлатовские американцы“ единолично правили свой нечестивый шабаш. „Тихое“ и явное глумление „русскоязычных“ периодических изданий над русским народом, бывших высокооплачиваемых активистов советской

пропаганды мутили взор, повергая в состояние гнева и безысходности одновременно.

Теперь ситуация изменилась к лучшему. Появился в эмиграции один, но достаточно хороший и полезный русский альманах «Вече»... Продукция высшего качества в особой рекламе не нуждается, но, с другой стороны, не может потребляться всеми подряд... Обыватель постоянным подписчиком «Вече» быть не может. Но и брести за подонками и лавочниками, засушившими свои души в чековых книжках – грех. Дилемма сложная. Для обретения массовой популярности, качество альманаха слишком высоко. «Вече» – не «Континент» и в этом зрим ключ к пониманию счастья и бед лучшего русского альманаха...”

В. Г. США

*

„Сердечное спасибо за присылку альманаха «Вече». Прочел с глубоким вниманием и интересом. Немедля оформляю подписку на 1984 г. Если сохранились номера за прошлые годы, не откажите в любезности прислать и укажите какую сумму следует за них перевести.“

Т. П. Финляндия

*

„Итальянец, мой единственный друг, .в совершенстве владеющий русским языком, подарил мне одиннадцать тетрадей «Вече», которые с увлечением прочитал. Прошу Вас убедительно прислать все тетради «Вече», начиная с номера двенадцатого. Деньги перешлю почтовым переводом.“

Л. С. ФРГ

*

„...Какой паскудник В. Рудинский! Читал в «Голосе Зарубежья» его бессвязную критику «Вече», его наглую ложь. Как ему не стыдно? От «Голоса Зарубежья», редактор которого Пирожкова заявила, что монархизм – тот же тоталитаризм и диктатура, отказываюсь...”

П. Н. США

*

“У нас введены ограничения на заграничные переводы, поэтому посылаю Вам 30 долларов – подписная плата за 1984 г. – через моего доброго знакомого /.../, проживающего в США.“

Р. К. Бразилия

*

„Внимательно прочел юбилейные статьи. Написаны они хорошо. Но... (Мне придется набраться терпения и воздержаться от высказываний. Даже в Союзе, работая в весьма сложных условиях, я не кривил душой и здесь кривить не стану, потому лучше помолчать). Вы делаете большое и нужное дело, а это самое главное – остальное все встанет на свои места.“

А. Т. ФРГ

*

„К сожалению, я не могу подписаться на журнал, хотя и сознаю его уместность и нужность. Я подписана на 5 журналов и газет, больше я осилить не могу – ни духовно, ни финансово. «Вече» я могу получить от друзей по прочтении ими альманаха.“

З. М. США

*

„Должна сказать Вам, что и сын, и я – всегда с интересом читаем «Вече». Вот в последнем номере, обращение Бородина – признаюсь, как-то оставило горький осадок... Лично я, хотя и была ребенком, но хорошо помню как почти все, кого я знала в детстве, в той или иной степени, на деле показали во время последних мировых событий, свою полную готовность пожертвовать всем на благо русского народа.“

Е. Р. Швейцария

*

„Теперь наступила ситуация, когда «Вече» можно переправить безболезненно (без контроля) в Россию...“

Т. Г. Франция

*

„Получил высланный Вами любезно номер 13 (за 1984 г.) журнала «Вече». Как и предыдущий он очень интере-

сен, полон ценных материалов: особенно статья „От редакции“ и статья о Православной Церкви в России.“
В. Л. Польша

*

„Ко всему должен присовокупить слова искренней благодарности за присылку мне «Вече». Мне весьма неловко говорить это, но жесткая правда заставляет сознаться, что в нынешнем соотношении валют и во всех тех запретах, рогатках, поставленных на пути выпуска хотя бы одного одиношенького доллара из Аргентины, я совершенно не вижу ни срока, ни возможности расплатиться за присылаемые мне журналы. Единственно чем могу соучаствовать – это передавая журнал другим, чтобы тем содействовать распространению его идейного мира.“

К. Ч. Аргентина

*

„...подпишите – Сергей Г-т. Полной моей фамилии я давать не хочу по понятной Вам причине: я живу около города Нью-Йорка, надеюсь Вы меня понимаете...“

С. Г-т. США

*

„Мне нравится в Вашем альманахе толерантность по отношению ко всем народностям, проживающим на территории России. Я придерживаюсь того мнения, что плохих народов нет. Есть народы недоразвитые культурно, есть народы цивилизованные, но плохих народов нет. Есть только плохие личности. Просто непонятна поднятая свистопляска русофобии, захватившая очень многих, казалось бы людей образованных.“

А. М. США

*

„Прошу Вас подписать меня на следующие четыре номера журнала «Вече»... Хочу также воспользоваться случаем, чтобы выразить Вам мою глубочайшую признательность за Вашу защиту национальной, истинной и единственной России. Бедная наша Россия! Кто только не нападает, не клеветает на нее, не обливает её грязью, не издевается над ней?.. В такое отчаяние иногда приходишь

от всей этой травли, что грустно становится... Если бы не Вы и не люди, подобные Вам – не знаю, как бы я эту пытку выдержала. Да поможет Вам Бог! И главное – никогда не сдаваться.“

Н. В. Австрия

*

„Мне попался, к сожалению, недавно только «Вече» № 4 за 1982 г. Он мне показался очень интересным. Как многие мои однолетки, я стараюсь понять за что и почему я нахожусь на чужбине. Что сделали мои предки, чтобы вызвать, а потом прозевать, начало революции, а главное, в чем Белое Движение ошиблось, что привело к такому разгрому.“

М. С. Бельгия

*

„Хочу присоединить свой голос к тем многочисленным голосам, которые одобряют тот путь, который Вы выбрали для журнала «Вече». Стремлюсь Вам помочь новыми подписчиками. Уже на своем счету имею трех, скоро будет четвертый...“

И. Н. США

*

„Мне жалко вас огорчить, но к сожалению подписки я брать не собираюсь. Интересно, как к вам попали не только мой адрес, но даже отчество!“

А. Н. Франция

*

„Журнал хорошо оформлен. Удачно вписалась геральдика. Смотрится. По содержанию одного номера трудно понять кто вы и что вы... Если вы для русских не вредны, попробую помочь с подписчиками.“

М. США

*

„«Вече» № 14 исключительно интересен. Не буду Вас утомлять рассуждениями, которые возникают от такого интересного чтения. Могу лишь сказать: Россию жаль и без нее все потеряло равновесие.“

Н. Г. Бразилия

*

„Мы с Осиповым, Огурцовым, Солженицыным, с Вами всеми, кто искренне любит свое отечество и работает для его освобождения. Будем друг другу помогать, тогда и Бог нам поможет. Прикладываю чек...“

Т. Н. Бельгия

*

„Получил «Вече» № 9, за который сердечно благодарю...Я обратил давно внимание, что все „вожди“ послеоктябрьской России в большинстве люди нерусской национальности (включая Ленина – наполовину еврей-черемис). По национальности (§ 5) я еврей, но об еврействе и евреях знаю обидно мало, очень мало! По воспитанию и духу имею право считать себя русским, – т.к. насквозь пропитан Русью, что не удивительно, ведь прожил 65 лет в России...“

Э. М. Израиль

*

„В думах тяжких, в одиночестве, в заботах остаток жизни пропадает здесь, в этом захолустьи Аргентины. Без общества, без церкви, без библиотеки при дороговизне, что поехать никуда нельзя. Я давно получаю Ваш журнал «Вече» и совершенно не знаю как Вас благодарить. Я от Вашего благородства в восторге, да хранит Вас Христос везде и всегда на многия, многия лета.“

Б. М. Аргентина

*

„Номера «Вече» пользуются большим успехом и мы по возможности, даем читать эти журналы русским, которые не могут оформить подписку из-за материальных причин.“

С.Е. Франция

*

„Книги авторов диссидентов, вроде Максимова и Григоренко я не заинтересован провозить туда. У нас один здесь такого же направления и ему все в русско-национальном духе не по-нутру. Он как-то о «Вече» выразился

так, что это „националистический журнал“. Я поправил его: не националистический, а национальный...”

И. ФРГ

*

Из письма, полученного одним из подписчиков «Вече» из Польши – „Есть ли возможность достать комплект «Вече»?“

Н. К. ФРГ

*

„Я выписываю «Вече» через НТС, т.ч. регулярно получаю Ваш альманах. Начал выписывать «Вече» по любопытству, поскольку увидел объявление в «Посеве», а теперь с удовольствием читаю и раздаю приятелям. Точно не знаю с какого номера стал получать «Вече». т.к. много раздал, и как всегда, не получил обратно. Посылаю 100 долларов в пожертвование, надеюсь Вы будете продолжать Вашу работу. Продолжайте в том же духе...”

И. П. США

*

„Мне 72 года и к моему сожалению очень трудно читать, ибо плохо с глазами. Прилагаю чек в уплату за полученные журналы, но к сожалению, не могу возобновить подписку.“

Б. С. США

*

„...Что же касается фрукта Вашего бреда, то должен сказать, что Вы и «Вече» друг друга вполне заслуживаете. „Альманах“ Ваш может войти в историю русской письменности как пример монументальной бездарности и морального банкротства...”

В. Буссе, Австралия

*

„По состоянию своего здоровья, гл. образом зрения, а также по соображениям финансового характера, к сожалению, не в состоянии быть в дальнейшем подписчиком Вашего издания.“

А. Г. Австралия

*

„Ваше письмо получил с запоздалым сообщением, на мой запрос, что Вы моей статьи печатать не будете... Что поделаешь, друг другу мы не подошли и с 1-го января 1984 г. подписку на альманах «Вече» я прекращаю. Тем не менее, желаю Вам успеха в дальнейшей Вашей работе, если она будет продолжаться на пользу нашего общего русского дела.“

П. П. США

*

„Последние пять номеров «Вече» получил на прочтение от моего знакомого и Вашего подписчика. Прочел все эти журналы с большим интересом и удовольствием. Оформляю подписку.“

В. С. США

*

“...Еще к Вам просьба – если имеете «Вече» № 7/8, буду Вас просить хотя бы один экземпляр. Свои два я отдал – один дочери, а один в Югославии, а теперь у меня просят из Чикаго, а я и себе не имею.“

В. К. ФРГ

*

„Мои №№ я передал двум „белогвардейцам“ „пережиткам Добр. Армии“, а потом посылаю во Францию, вдове еще одного белогвардейца...“

В. Б. Бельгия

*

„Прошу ваш журнал «Вече» больше мне не посылать“.
Борис Ребиндер, Франция

*

„Получил «Вече» и с большим удовольствием, по очереди, читали интересные статьи. Финансовое положение Аргентины тяжелое и непрерывно увеличивается дороговизна. Покупка чего бы то ни было за границей подлежит строгому контролю. Практически из Аргентины платить за границу за подписку на журнал невозможно. Как быть?“

В. Г. Аргентина

*

„Относительно альманаха «Вече» скажу, что он мне понравился, но к сожалению, отсюда из Бразилии, очень трудно переводить деньги за границу. Кроме этого, для нас, проживающих в Бразилии, стране подверженной невероятной девальвации, подписная плата является чрезмерной.“

П. Р. Бразилия

*

„Вы спекулируете не по праву похищенным Вами названием «Вече». Но страдания Осипова, положившего жизнь за народ свой, да будут укором для Вашей совести.“

Игорь Синявин, США

*

„Случайно попал в мои руки, издаваемый Вами альманах «Вече» № 10 за 1983 г. В альманахе находится статья Н. Ульянова „Формальный национализм“. Относительно этой статьи желаю выразить мои соображения... Как может культурный человек (если он таковым есть) писать такую чепуху и этим оскорблять 50 000 000 украинцев... Ведь, если логически анализировать, что сделала Россия для Украины? Все время эксплуатировала все природные богатства Украины, закрыла все высокие школы на Украине и прочее их же несть числа. Насильно милым не будешь! Надеюсь, что на будущее в Вашем альманахе не будут появляться такие провокационные статьи как вышеупомянутая.“

П. С. ФРГ

*

„Антикоммунизм эмиграции – стерилен и беззуб, это привидение, а не антикоммунизм. Чтобы быть действенным, он должен равняться на силы внешние – Запад и Китай, или на силы внутренние, возрождающейся национальной России. На кого Вы рассчитываете в своем антикоммунизме? На США? На Китай? На союз между ними? Или на внутренние силы России? Или Вам неизвестно, что антикоммунизм Запада давно заменен русофобией? Зачем играть в прятки. Запад поставил себе целью перекрыть географию России, чтобы освободиться от опас-

ного конкурента и соперника раз и навсегда и гарантировать свое „номер один“ положение в мире.

Спасение России от коммунизма придет изнутри, от „извне“ нас ждет только гибель. С кем «Вече»? К кому призывает Ваш набат? Или Вы ни с кем, ни с „извне“, ни с „изнутри“, а просто сидите на обочине, чтобы не запачкать свои ризы?..“

В. Н. США

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

**НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ЧИТАТЕЛЯМ
АЛЬМАНАХА „ВЕЧЕ“**

приобрести замечательную, единственную в своем роде книгу

**СКЛОНЕН К ПОБЕГУ
2. Издание**

Автор книги Юрий Александрович Ветохин — русский, глубоковерующий православный человек — рассказывает о своей беспримерной, героической, длившейся 20 лет борьбе за свободу.

После двух неудачных попыток бегства из Советского Союза: вплавь из Батуми в Турцию, а затем на надувной резиновой лодке из Крыма в Турцию, Ветохин отбыл девятилетнее заключение в советских тюрьмах и в Днепропетровской психиатрической больнице специального типа. Непреклонная воля, непоколебимая вера в Господа Бога и железная целеустремленность помогли Ветохину выдержать жесточайшие пытки палачей от медицины, жертвой которых он стал в Днепропетровском психконцлагере КГБ.

Последняя попытка бегства вплавь с советского теплохода „Ильич“ в Индонезию в Молуккском море окончилась успешно. В конце 1979 года Ветохин обрел долгожданную свободу.

На 544-х страницах своей живо и увлекательно написанной книги Ветохин рассказывает о пережитом, пережитом, обдуманном и выстраданном им на пути к свободе, длившемся двадцать лет.

Книга прекрасно издана, в твердом коленкоровом переплете с иллюстрациями и фотографиями. Цена книги, включая пересылку, 18 американский доллар. Заказы направлять автору по адресу:

Mr. Yurii Vetokhin
P. O. Box 16084,
San Diego, Ca. 92116, USA

А. Карташев

Влияние Церкви на русскую культуру*

Сопоставление идей религии и культуры есть сопоставление самое естественное. Это понятия соотносительные, как и понятия культуры и национальности. Культуры „индивидуальны“, т.е. национальны и даже конфессиональны. Оно и понятно: творец культуры — душа человека, а душа формируется под сильнейшим влиянием сложившейся религии. Культура Тибета — буддийская, культура Новой Персии — мусульманская, культура Северо-Американских Соединенных Штатов — протестантская. Культура русская — культура православная. Недаром в талантливом произведении молодых лет профессуры П. Н. Милюкова, в его „Очерках по истории русской культуры“ добрая половина второго тома посвящена Церкви.

Слагаясь под воздействием и многих других факторов — географических, климатических, этнографических и т.п., под углом зрения религии, русская культура, как одна из культур восточно-европейских, родилась в тот момент, когда Владимир Святой, после долгих размышлений и борьбы конкурирующих влияний, сознательно избрал византийскую крещальную купель и в нее он решительно привел и весь русский народ. Это был момент опре-

* Речь, произнесенная 9 июня 1927 г. в Большом Амфитеатре Сорбонны на празднике „Дня Русской Культуры“.

деляющий, провиденциальный для всей нашей истории. И по мистическому учению Церкви, крещение есть „неизгладимая печать“, и фактически душа русского народа как будто случайно, как будто сверху и по государственному принуждению крещена, но стала исторически „запечатленной“ православием. Князь „Красное Солнышко“ таким образом сформулировал коллективную историческую душу народа и стал истинным отцом — родителем нашей культуры. Подавляемые культурными успехами Запада, некоторые из наших отцов и дедов сомневались в положительном значении дела св. Владимира и даже, как парадоксально смелый Чаадаев, считали его нашим несчастным роком. В противоположность им, не смущаясь никакими внутренними трагедиями нашей культуры и, наоборот, видя в них знамение великого призвания — *per aspera ad astra* — мы признаем восточную купель св. Владимира не проклятием, а благословением нашей истории. И в том, что, в отличие от других национально-настроенных народов, мы ни культурно, ни даже церковно не имеем особого национального почитания нашего крестителя, мы видим признак незрелости нашего национального сознания.

Не оторвалась Русь от восточного типа христианства под ударом монгольского нашествия, как ни заигрывали галицко-волынские князья с Западом.

Не пошла она и за своей Водительницей Византией в XV веке на унию с Римом, когда великий князь Московский Василий Васильевич в 1441 г., предвосхищая и выражая общественное мнение своей страны, арестовал и изгнал принесшего унию митрополита — Грека Исидора. Это отвержение московской Русью Флорентийской унии, по верной характеристике нашего историка Соловьева, „есть одно из тех великих решений, которые на многие века вперед определяют судьбу народов... Верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность северо-восточной Руси в 1612 г., сделала невозможным вступление на московский престол польского королевича,

повела к борьбе за веру в польских владениях, произвела соединение Малой России с Великой, условила падение Польши, могущество России и связь последней с единоверными народами Балканского полуострова“.

Мысль историка бежит по чисто политической линии. Но параллельно и по линии культурного интереса мы должны отметить момент отказа от унии, как момент ведущий за собой целую эпоху. После этого внутреннее отъединение русского мира от Запада, под воздействием вспыхнувшей мечты о Москве – Третьем Риме, уже твердо закрепило особый восточно-европейский характер русской культуры, которого не стерла ни внешне, ни тем более внутренне, великая западническая реформа Петра Великого.

Так проведена была Церковью и вероисповеданием грань, черта, иногда углублявшаяся как ров, иногда возвышавшаяся как стена, вокруг русского мира, в младенческий и отроческий период роста национальной души народа, когда успели в ней крепко залечь и воспитаться отличительные свойства её „коллективной индивидуальности“ и её производного – русской культуры. Таково, так сказать, онтологическое влияние Церкви на русскую культуру.

Другое, всем известное воздействие русской Церкви, касается еще не самой сердцевины культуры, но её важной составной части – во-первых, и её мощного условия – во-вторых. Разумею воспитание Церковью, на основе восточно-канонического и, в частности, византийского учения о православном царстве, русской государственной власти в духе теократического самодержавия, глубоко измененного затем Петром Великим и перешедшего с той поры в значительной мере в светский абсолютизм. Процесс этого церковного воспитания власти прекрасно изображен в труде покойного академика Дьяконова: „Власть московских государей“.

И надо правду сказать, что наша верховная власть была мощным культуртрегером для своих подданных. В стране первобытно земледельческой и только церковно-гра-

мотной, наши цари и императоры, по побуждениям государственной обороны и государственного престижа, насаждали при помощи иностранных мастеров и высокую технику, и высокое искусство, и потребную науку. Культура была насаждением сверху. Но только благодаря этому, так сказать, аристократическому методу культуры, Россия и была, по слову поэта, „вздернута на дыбы“ и дала эффект догона старших европейских собратьев, эффект Ломоносова, Пушкина, Достоевского, Толстого, т.е. эффект не только европейски равной, но и мировой культуры. Раз достигнутый мировой уровень культуры теперь стал уже надежной опорой для дальнейших стремлений. Теперь есть по чему равняться поднимающимся широким демократическим силам. В культуре ведь главное – не в экстенсивности, а в интенсивности.

Ряд частных сторон государственного, правового и социального строя древней России открыл для себя влияние образцов и идей византийской церковности. Блестящий анализ этой материи в применении к домонгольскому периоду дал Ключевский, показавший, как преобразовывалось по Номоканону наше право – уголовное, гражданское, имущественное, обязательственное, семейное, брачное, как возвышалась женщина, как таяла холопская неволя, обуздывалась кабала ростовщичества и т.п. Анализ Ключевского применим в известной мере и ко всей старорусской эпохе: и к Судебнику Ивана III и IV-го и даже к Уложению Алексея Михайловича. Правда, в этой полосе византийских влияний есть и обратная сторона: – напр., внесение к нам карательной жестокости, вместо прежнего битья по карману. Все знают, как епископы убеждали „ласкового князя“ Владимира ввести смертную казнь для уголовных.

Роль Церкви огромна и в области материальной культуры, в сфере народно-хозяйственной. Церкви и особенно монастыри, обеспеченные в древней Руси почти единственной тогда натуральной валютой – земельными угодьями, приняли гигантское участие в хозяйственном строении русской земли наряду со всеми служилыми и

тяглыми классами населения. Они колонизовали лесные дебри и болота, подымали земельную новь, насаждали промыслы и торговлю. К XVI веку церквям и монастырям принадлежала одна треть всей государственной территории с правами судить и рядить сидевшее на ней население, хозяйствовать, собирать подати и поставлять рекрутов. Это было разделение с центральной властью труда государствования, это был как бы особый громадный удел или штат в общем теле государства. То специфическое, что в связи с этим делали церковные силы, заключалось не в хозяйствовании и государствовании, а в христианизации и через то руссификации инородцев, стоявших на низшей ступени культуры, в сравнении с христианской Россией.

Но самое специфическое, самое прямое и в то же время универсальное влияние Церкви, конечно, относится к области просвещения и воспитания народного мировоззрения, т.е. к самой душе культуры. Это для России факт общий не только со всем средневековым Западом, но и с многими странами Востока. Вера и культ требовали минимальной грамотности, книжности и искусства и при том в широких общенародных масштабах. Школа, книга и наука были столетиями почти исключительно церковными. И все литературное и умственное творчество или было прямо церковным, или проникнуто церковным духом. Мир других искусств, доступных древней Руси, также естественно был почти всецело миром религиозным. На алтарь церковного культа принесены были все усилия меценатов и творцов. Архитектура, живопись и музыка воплотились в памятниках чисто церковных. Здесь история русского национального искусства почти совпадает с церковной археологией. Мировой вершиной достижений в этой сфере является наша древне-русская икона – шедевр мистически чарующей неземной красоты.

К просвещению церковному, привившему народу элемент общей культуры, присоединялось и все разнообразие чисто духовных, в собственном смысле религиозных влияний Церкви на совесть и душу нации. Воспита-

тельный результат этих просветительных и духовнических влияний Церкви отложился в православном интимном лике русской народной души. Она пропиталась главными стихиями православия: аскетизмом, смирением, сострадательным братолюбием и эсхатологической мечтой о праведном, сияющем умной красотой граде Божиим.

Эта робкая душа, напуганная зловещей западно-русской унией 1591 г. в Брест-Литовске (роковой город в истории России!), угрозой латинства в смутное время и надвигающейся волной латино-польской культуры при царе Алексее Михайловиче, метнулась в раскол старообрядчества, убежала в леса и подполье и закрепилась там под впечатлениями совершенно чуждой и жуткой для нее стихии Петровской реформы и нового европейского просвещения. Детски искреннее чутье этой души не обмануло её. С Петром пришло на Русь и воцарилось на ней совершенно иное просвещение, идущее от иного корня, имеющее иное основание. Там... целью было небо, здесь – земля. Там... законодателем был Бог, здесь – автономный человек с его мощью научного разума. Там... критерием поведения было мистическое начало греха, здесь – хотя и утонченная, но в конце концов утилитарная мораль общежития. Петр сделал России прививку великих переживаний Возрождения и Гуманизма и она блестяще удалась. Через 50 лет мы имели русскую Академию Наук в лице Ломоносова, а через 100 лет – Пушкина. Пушкин, как зачарованный близнец, как двойник-солнце, всем существом был устремлен к Петру. Он выявил этим свое мистическое сродство с Прометеевским, человеческим, только человеческим гением Петра. Пушкин был величайшим из птенцов гнезда Петрова, адекватным порождением его неосознанной гуманистической религии. Петр мечтал дать России европейскую интеллигенцию, и он дал её в лице Пушкина. В Пушкине свершились все приобретения Возрождения и века Просвещения. Он стал непререкаемым и неотменяемым доказательством европейской природы и европейского призвания рус-

ского гения. Ни мелкие и завистливые враги последнего на Западе, ни свои услужливые медведи, после Пушкина не в силах увести нас из Европы. Кто-то больший мог бы это сделать (если бы это было для чего-то нужно), но говорить об этом смешно.

В Пушкине для русской культуры зафиксирован не только русский язык, как орудие культуры мирового калибра. В нем зафиксировался самый дух европейской секуляризации. Пушкин – это светский, в классической чистоте лаический гений. С этой стороны европейцы его не чувствуют и не примечают. Как не приметен и прозрачен воздух, который нас объемлет, так Пушкин конгениален европейскому лаицизму. С этой стороны Пушкин стал навсегда закреплением и светскости русской культуры, олимпийски совершенным носителем пафоса Возрождения, неповторимым, как и вообще неповторим пафос возрождения в XX веке. В этом отношении Пушкин есть как знаменательное начало нашего европеизма, так и некоторый конец этого неповторимого стиля.

Уже у современников Пушкина – Лермонтова и Гоголя – слышны иные, саднящие ноты в творчестве. Чем дальше, тем этих диссонансов больше во всех духовно-культурных переживаниях русского интеллектуального слоя. Есть, конечно, в литературе и пушкинская линия. Её можно различно пролагать через Фета, Тургенева, Чехова до Куприна и Бунина. Но конфликт Гоголя и Белинского открыл серию моральных драм и страстной борьбы в душе русской интеллигенции и её корифеев-творцов. В разных измерениях, в разной постановке – все время, русскую культуру, её духовную глубину будоражат трагические, прозванные „проклятыми“, вопросы. Из области чистой мысли, где их воплощают Толстой и Достоевский, они бурями проносятся над областями ответственности и политического идеализма. Трагизм, кричащий трагизм, охватывает русскую интеллигентную душу. О классической безоблачности Пушкина нет и помину. С ней прямо враждует, как с чем-то чужим, сначала гимназически-рационалистическая писаревщина, а затем сек-

тантски-моралистическое народничество, да по пути и толстовство. Царственное спокойствие Пушкинского культураносительства и вместе с ним косномедлительное государственное культураносительство вызывают фанатическую вражду в целых поколениях душ, алчущих безмерной правды социальной, жаждущих освещающих катастроф и революций и верующих в апокалипсис совершенно новой жизни на земле, с утешением всех униженных и оскорбленных. Стремятся к этому героически, аскетствуя внутренне и даже по внешности, истаивая от альтруизма, жертвуя личным благополучием за счастье меньшей братии.

Что все это, как не знакомые нам существенные черты, воспитанной древнерусским Православием русской национальной души. Это её аскетизм, смирение, сострадательная любовь и искание града нездешнего в своеобразном преломлении сквозь новое внерелигиозное, светское европейское мировоззрение. Она вырвалась из под спуда, эта тысячелетняя оправославленная русская душа и запечатлела своим трагически-мистическим, почти апокалипсическим тоном всю новую русскую культуру, чем и привлекает к себе подсознательно внимание всего мира, как что-то необычайное, как некая музыка будущего (Шпенглер, граф Кейзерлинг).

Отдав свои огненные, пылкие элементы перед реформой Петра старообрядческим захолустьям и тайникам, несколько обессиленная русская православная душа раздавлена была превосходящей системой Нового просвещения. Она даже не могла не эволюционировать внешне под воздействием Просвещения. Православие новой латино-схоластической школы, новых храмов и живописи в стиле барокко и ренессанса, новой оперной музыки, светское, государственное православие, встревоженное научно-протестантскими проблемами, модернизированное задачами внутренней миссии. Вот результат этой эволюции.

Одновременно с этим, православие на своей, не захватываемой историческим и культурным движением глу-

бине, оставалось, конечно, кристально законченным и неподвижным и не принимало в себя нового стиля. Типы русских святых, этих точных зеркал максимального православия и в XVIII и в XIX веке, ничем по существу не отличались от героев киево-печерского подвижничества XI века. Преподобный Серафим и Пушкин современники, но друг друга не знавшие и друг в друге не нуждавшиеся. Как бы жители двух разных планет. Это ли не доказательство внеправославности Пушкина?!

Но отмеченные судьбы русской православной души в последние века русского европеизма относятся к сфере специально-церковной. Мирская православная душа, как бы прожив в молчании и недоумении XVIII век, век своей учебы, получив внешний аттестат зрелости, начала давать себя чувствовать и на поверхности культурного творчества. Чужестранный мистицизм конца XVIII и начала XIX в. был только подготовительной школой. В 40-е годы уже начинается прорыв светско-православного творчества. Гениально богословствует Хомяков и сгорает от извержения аскетического вулкана, из его православной души, Гоголь. Язычески чарующий Пушкин магией своего совершенства, как бы закупоривший все возможности для православной мистики, словно напугал православные души последним удушением. И они взбунтовались и вырвались из своей глубины, завопиали *de profundis*. Достоевский, смолodu возненавидевший живого Белинского за его антиправославие, преклонился однако пред Пушкиным. Почему? Да потому, что Достоевский был не просто стильным православным, а православным нового стиля, „розовым христианином“ по злой характеристике К. Леонтьева, пророчески дерзновенно соединившим в своей совести человеческую правду культуры и божественную правду христианства. Он признал Пушкина, ибо Пушкин внеправославен, но не антиправославен. И у Достоевского, поднявшего русский творческий синтез на необычайную высоту, сочетавшего православные основы своей души с высшими и подлинными ценностями европейской культуры, нашлись силы вос-

торженно возрадоваться и поклониться Пушкину, ибо Пушкин дал нам живое слагаемое для искомого синтеза. Без него не к чему было бы приложить то православное содержание, которое Достоевский носил в душе для мировых, а не узко конфессиональных целей. Толстой уже не вынес этой задачи синтеза. Он пожертвовал культурой, а с ней и Пушкиным. Его разъела укусуная кислота аскетизма и сострадания, без надлежащего в православном смысле смирения и мистики апокалипсиса. Творчество Толстого сложилось также на внутреннем землетрясении православной стихии его души, только осложненной, свойственным русскому типу, рационализмом. Вл. Соловьев, синтетик и модернизированный христианин уже не гармонировал душой с Пушкиным, потому что возглавлял современное нам поколение культурных работников, параллельно с лаическими культурниками, сознательно и планомерно взявшихся за синтез православия и современности. Богословскому уму Соловьева слишком уже ясны языческие корни драмы Пушкина, возврат к которому совершенно закрыт для эпигонов соловьевства.

Не просто православные резонансы, а уже специальное православное течение в русской культуре, в ряду других течений, настолько сильно и талантливо сложилось до революции, и сейчас имеет свое продолжение и своих последователей, что уместен вопрос о его судьбе в новой освобожденной России.

Будет ли русская культура религиозной в смысле Гоголя, Толстого, Достоевского, Вл. Соловьева, С. и Е. Трубецких, Леонтьева, Розанова, Мережковского, Бердяева, Новгородцева? Какое же может быть в том сомнение? Разве мы Иваны Непомнящие? Но это не значит, что русская земля превратится в принудительный, охраняемый полицией, православный монастырь. Некоторые наши молодые националисты, не зная науки и опыта прошлого, грезят о конфессиональной государственности. Это кошмар, к счастью просто невозможный в атмосфере

современности и прямо кощунственный с христианской точки зрения.

Будет просто свободное соревнование на поприще культурного творчества, талантов и групп – православных, инако верующих и неверующих.

И позвольте мне лично, как православному, высказать в заключение надежду, что мы в этом конкурсе победим. Доказательство? Оно уже есть. Когда нить аскетического православного идеализма, как некое отрицательное электричество проведена была от XVII в. под спудом XVIII к половине и концу XIX-го и соединилась с нитью положительного электричества, идущей из Европы через Петра и Пушкина, – вы сами знаете, какой это взрыв света и блеска!

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная демократическая ежедневная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год – 60,- долларов, на полгода – 35,- долларов, на 3 месяца – 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

New York, N. Y. 11379

Tel. (212) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

И. А. Ильин

Мировые причины русской революции Кризис религиозный*

1) Не надо быть специалистом историком для того, чтобы понимать, что не пришло еще время для обстоятельного, всестороннего и исчерпывающего определения причин русской революции.

Мы стоим еще слишком близко к этому событию; мало того: мы далеко еще не изжили его до конца – ни внешне, ни внутренне; не только документы революции, но и документы предшествовавшей ей великой войны и предвоенного периода нам еще далеко не все доступны; и души наши, еще не уравнились для необходимой объективности, и факты далеко еще не установлены и совсем почти не описаны. Словом, по-видимому, – несвоевременные размышления на недоступную тему. И тем не менее мое глубочайшее убеждение состоит в том, что именно мы, современники, призваны теперь же неустанно думать и исследовательски работать над этой темой.

Русская революция, которая уже на наших глазах все время делает попытки перекинуться в другие страны, несомненно составляет эпоху в мировой истории. И уже в силу одного этого необычайно важно, чтобы современники и участники этого события или этих событий –

* Первая лекция в курсе из четырех лекций, прочитанных проф. И. А. Ильиным в Берлине в 1928 году. Печатается впервые. Подготовка к печати Н. Полторацкого. Courtesy of Michigan State University Libraries' Special Collections. Copyright © 1985 by Nikolai P. Poltoratzky.

были не слепыми жертвами их, а зрячими, понимающими и способными к самостоятельным решениям людьми. Мы теперь же должны понимать, что происходит; а для этого нам необходимо разуть, откуда берется происходящее.

Вы, наверное, заметили и замечали, что современную революцию делают совсем особенные люди. Люди с особым способом мыслить; с особенной установкой воли; с особым укладом чувства; с каким-то специфическим напором, самоуверенностью, претенциозностью, ограниченностью, порочностью и одержимостью. Они настолько тверды и неизменны в этой своей установке, что к ним отбираются люди похожие на них, а непохожие незаметно ассимилируются и принимают даже их внешние манеры (эта нервная суетливость, это обилие ненавистно-ругательных слов, этот повелительный категоризм, эта быстрота на ложь и на жестокость, эта кривая улыбка...). Как если бы из всех народов, племен и рас, известных доселе, отбиралось новое, особое племя, с особенной жестоковыйностью, хищностью и цепкостью. Оно проходит через ассимилирующий фильтр в Советской России и рассыпается для своего мирового дела по всему миру...

И всего замечательнее, что это особое революционное племя, составленное из всех рас и наций – встречается отклики во всем мире. Иногда получается прямо такое впечатление, что люди этого уклада **зародились повсюду одновременно** и ныне скликаются друг с другом, как ждавшие друг друга и предназначенные друг для друга. Люди эти исчисляются по всему свету сотнями тысяч, если не миллионами; они всюду похожи друг на друга, быстро организуются и начинают действовать; разбитые прячутся, но не передумывают и не исчезают; маскируются, просачиваются и начинают работу (если это можно назвать работой) снова.

Замечательно также, что всюду, во всех странах они имеют как бы заранее приготовленную для них взрыхленную и плодоносную почву, точнее – социальную среду. Эта социальная среда не ими создана; скорее они в ней

выросли и созрели. Она создана не ими, но как бы для **них**; она им благоприятствует и содействует даже тогда, когда оказывается в состоянии конкуренции с ними, когда критикует их или даже бранит и злорадствует. Если они – вода, то эта среда болото; если они – огонь, то это среда накаленности; пополняются они из нее; агитируют в ней; и самая ругань, которые они на нее обрушивают, есть, в сущности, разновидность темпераментного уговаривания, которому **волевой** единомышленник подвергает **маловольного** единомышленника. И можно быть уверенным, что, как бы ни была временно обострена эта своеобразная ругательная агитация **волевых** и ругательная реакция на эту ругательную агитацию со стороны **маловольных**, – в критическую минуту маловольные единомышленники или **уступят** своим волевым единомышленникам **добровольно**, или будут ими **увлечены и смяты**.

И наконец, наряду с этим замечательно, что этим людям, окруженным их благоприятствующей средой, – на другом противореволюционном фланге (во **всех** странах) противостоит разброд сил или прямое безволие, а главное, прямая безыдейность. В мире сейчас дело обстоит так, что революционной, коммунистической воле и полуреволюционному социалистическому и радикальному маловолью – почти всюду противостоит противореволюционное безволие, безыдейность и разнобой.

Почему это? Откуда это? Как это сложилось? Куда это ведет?

Я бы мог это так выразить, выражая тем и постановку моего основного вопроса: **в человечестве постепенно возникло особое умонастроение и волевое направление, особое умонастроение, благоприятствующее современной революции и ведущее к ней**; в нем, в этом настроении души и ума и заключается основная творческая причина революции.

Откуда этот душевный уклад взялся? Как он сам возник? Чем вызван к жизни? И прежде всего: в чем его собственная сущность?

2) Эта постановка вопроса нуждается еще в нескольких разъяснениях.

В трактовании русской революции мы свиду компетентнее других: мы её видели. Но это имеет и свою обратную сторону: мы видели то, в чем жили; оно катилось через нас, обжигая и потрясая; события грозили нам – каждому из нас, имуществу, жизнеустроению, семье, самой жизни, всем работам и планам; приходилось бороться за себя – жить в собственной шкуре, нередко опасаясь за нее. Это бывает полезно в смысле урока и отрезвления, но это и опасно в смысле верного видения, познания и изучения. Это было как бы рассматривание картины в лупу: ограниченное поле зрения, застревание в деталях; страстное суждение об этих деталях; сведение всего к единичным поступкам единичных людей, склонность винить их во всем. Из-за деревьев не видеть леса, ни целого, ни общих причин; люди становятся близоруки, ожесточенны, и от этого еще более близоруки – самодовольны и агрессивны в своей слепоте; а когда к этому присоединяется еще праздное честолюбие, да еще осложненное серьезным недостатком образования, то получаются совсем жалкие объяснения.

От этого обывательства и дилетантства нам совершенно необходимо сторониться: ибо оно не открывает глаза для спасительного разумения и, следовательно, для лечения, а напротив, надевает на глаза повязку; оно успокаивает ум и дразнит страсть, успокаивает не на понимании, а на дурном суррогате. Именно таковы все обычные эмигрантские разговоры о том, что революция есть просто результат **заговора** – все равно чьего (одни говорят английского, другие немецкого, третьи еврейского; масоны говорят католического, католики говорят масонского). Отсюда: мир управляется заговорщиками, всемогущими, всех водящими за нос и всемогущими. А нам остается бежать за последствиями их поступков и разоблачающе их регистрировать – всюду подозревая иезуита, масона, еврея, англичанина или немца.

Вот от этого вульгарного и демагогического подхода я

совершенно отказываюсь. Совсем не потому, чтобы я думал, что иезуиты и масоны не влияют на события; нет несомненно влияют – одни в одну сторону, другие в другую, обычно прямо противоположную. Но потому, что это есть **не объяснение, а мнимое объяснение**; это ссылка не на **причину**, а на **одно из проявлений причины**. Оно оглушает человека ударом по его мании преследования (а таковая имеется в зародыше у каждого из нас); оно **обманывает** человека, внушая ему, будто он что-то **понял**, тогда как на самом деле он заведен в темный угол и оглушен ударом по темени. И если он когда-нибудь стал неспособен понимать что-нибудь в причинах, то именно после этой одурманившей его операции. Это все равно, что объяснять болезнь злокозненно сговорившимися бактериями и их всесильностью (после этого остается только все дезинфицировать и трепетать, подозревая, что на неопрыснутой сулемою скатерти, печке, шубе – бактерии кишат мириадами). Но бактерии не причина болезни, они только её возбудители; причина в организме, его слабости, его функциональном расстройстве; бактериологический анализ не есть диагноз, диагноз есть диагноз больного организма. Это **ложная** задача – бегать всюду с лупою и микроскопом и превращать физиологию и терапию в сыск о бактериях (для этого необходима санитария – и при том опытная и ученая санитария, т.е. изоциренная работа полиции, а не дилетантская и невежественная шумиха о всесильности бактерий).

Словом: ссылка на всесильные, тайные и злокозненные организации – **ничего** не объясняет; она переоценивает силу человеческих заговоров и внушает страх, не давая познания. Ибо – и это главное – **стихия жизни иррациональна и невероятно сложна**, действие заговорщиков же – есть действие человеческого **произволения и произвола**. Жизнь движется **таинственными и сложными законами природы** – вещественной, психологической, социальной, хозяйственной. Если иезуит, масон, еврей и англичанин чем-нибудь сильны, то прежде всего тем, что они **изучили эти законы** и потому могут ими удачно пользоваться себе

на пользу – знают законы человеческих страстей и слабостей, законы власти, биржи и рынка. Эти законы **заложены в природе**; они доступны **всем и нам**; почему же мы не пользуемся ими столь же искусно? А вот именно потому, что мы или совсем ни о чем не думаем, или думаем о том, что все дело в чужом заговоре. Мы как скверные и ленивые пастухи, которые не умеют ни разводить овец, ни стеречь их; и все беды собственной несостоятельности, собственного невежества, собственной неумелости, бесхарактерности и нечестности – сваливаем на **заговор лесных волков**. И каждый раз, как случится беда от нашей несостоятельности – начинаем выдвигать объяснение злою интригою коварных заговорщиков. Каждый раз, как придет опасность, что люди разглядят нашу собственную кривую рожу – начинаем пенять на зеркало, которое есть злое, магическое и таинственное. Старая мужицкая метода – на черта валить: „Я-то сам вот какой – знающий, опытный, честный, трезвый – но черт меня вяжет по рукам – и по ногам“. „Вражья сила“. „Путает“, „водит“. Вот эту демагогическую ссылку на Вражью Силу я категорически отвожу: это не объяснение, а затемнение; это не путь к силе и победе, не движение по линии наибольшего сопротивления, а дорога к слабости и поражению, движение по линии наименьшего сопротивления.

И наконец, еще одно слово: значит ли это, что я отрицаю влияние иезуитов, масонов, англичан и евреев – в ходе войны и революции? **Не значит**; Значит ли это, что я отрицаю целесообразность и необходимость научного изучения их деятельности? **Нет, не значит**. Что же я отрицаю?

1. Компилятивную болтовню об этом из вторых и третьих рук, ненаучную и демагогическую;

2. возможность **объяснить этим причины** мировой и русской революций;

3. пользу для русского национального дела, если кто-нибудь начинает заменять **самообличение** – мнимыми разоблачениями чужого злодейства, начинает подменять серьезный **диагноз – бактериологической манией преследо-**

вания (ты бактерия, он микроб, всюду бациллы; ты иезуит, он масон, они иллюминаты – и за всем этим: праведник один я, все это обличающий).

Словом: анализируя здесь мировые причины русской революции я поставлю проблему иначе. Я попытаюсь дать **духовный, хозяйственный и политический диагноз** той **болезни**, в которой сейчас застряло человечество; которая сложилась веками, органически, стихийно и иррационально; с которой можно и должно бороться, начав прежде всего и более всего с беспристрастного, дальнорзоркого и ответственного изучения; и в которой все и всякие заговорщики **застряли** не менее, чем мы; и если они почему-нибудь и чем-нибудь владеют – то потому, что

а) внимательно и зорко изучают причины и последствия,

б) умеют крепко сорганизовываться.

А мы лениво и демагогически задурманиваем себе головы, чтобы **не** изучать; и в лучшем случае ругаем их за то, что это **они** так сорганизовались, а не мы.

3) После этих предварительных разъяснений я перехожу к изложению моего анализа по существу.

Русская революция не есть чисто-русское событие, в России зародившееся и разразившееся она возникла в мировом контексте – она имеет не только внутри-русские причины, но и причины чисто внешние, обще-мировые. Она исторически обусловлена и вызвана всем предшествующим развитием человечества; строго и полно говоря: её история – есть **всеобщая** история человеческого рода. Не только потому, что идея коммунизма и уравнительного грабежа стара, как сам человек – известна и в Греции, и на Востоке, и в первые века христианства, и тысячу лет тому назад в магометанствующей Персии, и в средневековом Риме, и в Англии нового времени. Но еще гораздо больше потому, что она, русская революция, есть порождение трех великих мировых явлений:

1) мирового кризиса, переживаемого **религией и христианством**;

2) мирового кризиса, переживаемого **правосознанием и государством**;

3) мирового кризиса, переживаемого **идеєю собственности**.

Все это – явления общемировые; они задевали, вовлекали в свой ход, ранили и расшатывали и Россию; они отражались в ней по-своему, по особенному, но они **вырастали не только из её особенностей, а скорее нарастали на нее извне**.

Русская революция есть крушение и кризис. Чего? Отвечаю: прежде всего той общей мировой атмосферы, которая создана **дехристианизирующимся, политически поколебавшимся и хозяйственно неуправляющимся миром**. Это значит, что русская революция явление отнюдь не случайное, а состоявшееся (для нас: „неожиданно разразившееся“) под давлением глубоких и органических причин – духовных, хозяйственных и политических.

Как бы ни шептало нам непосредственное чувство близорукого наблюдателя, что тут такие-то хитрые или глупые люди **всему навредили, всё сорвали и всё погубили** – это несостоятельно, неверно, неумно. Позвольте пояснить образно:

Поперек бревна лежит доска – на оба конца её положены большие тяжести; тяжести доведены до предела; каждая пылинка может иметь значение чрезмерности; но мы участвуя в составе этих тяжестей – не видим и не понимаем этого; вдруг на одну сторону этих тяжестей садятся две стрекозы – треск, и доска сломалась. Не правда ли – причина в стрекозах?

Однако и этот пример еще не подходящий – потому что стрекозы являются здесь как бы случайно-привходящим элементом; а здесь последние капли пришли от образа действий тех элементов, которые сами уже входили в состав нагрузки и притом были порождены самою природою того материала, который перегруживал доску.

Революционеры были в русской революции проявлением большой мировой стихии – они были **симптомом болезни, следствием болезни, самою болезнью** – и притом

болезнью **мирового происхождения**. Но симптомом той же болезни были и те правые, которые не умели им ничего противопоставить – ни отрицательно, ни положительно; и та нейтральная, пассивная, безвольная, неумеющая организовываться масса – у которой не нашлось волевых сил для отпора и творческой **идеи** для оздоровления.

Словом, я ставлю вопрос так, что роль индивидуального вредителя (или нескольких индивидуальных вредителей) как бы тонет в общих условиях, а эти условия я мыслю отнюдь не как материальные, но **как духовные**.

При таком подходе, главная жизнь и главная деятельность человека – **душевные и духовны**. Человек есть и делает то, что он любит, что он желает, что он мыслит. Человек есть совокупность своего внутреннего мира, точное зеркало своих избраний и предпочтений, таинственный колодец своих воззрений и поступков. Человек есть его собственный инстинкт, ставший его собственным характером – то сильным, то слабым. Человек в отличие от камня и растения – живет не снаружи вовнутрь, но **изнутри наружу**. С такой точки зрения, все телесное и материальное не является решающим и непреодолимым фактором, но лишь обуславливающей его (внутренний разряд) вещественно-телесной **обстановкой**. Эта обстановка (например, окопный бой) может быть очень тяжела и затруднительна. Но это значит только, что внутреннее напряжение (воспринимающее, преломляющее, отражающее, выбирающее и поступающее) должно быть более сильным, самостоятельным и напряженным, чтобы справиться с нею. Словом, внешнее для души и духа есть лишь задача, постановка проблемы, не более.

И вот, русская революция порождена не просто внутренними процессами и событиями (как бы огромны и сложны они не были), а **внутреннюю несостоятельностью современного человека** – религиозной, духовной, моральной, хозяйственной и политической. Я бы мог так сказать: основная причина того мирового брожения, из которого выбилась, как пламя, трагедия русской револю-

ции, состоит в том, что **духовная выносливость, духовная прозорливость и власть, духовное умение и уклад** современного человечества оказались не на высоте, для разрешения тех сложных претрудных задач, которые поставлены перед ним.

Чем поставлены? Естествознанием, его открытиями и новой техникой; новым способом производства, механическим и капиталистическим; соответствующим ему классовым расчленением общества; ростом населения и мировой конкуренции. **Рассудок и инстинкт преуспели в овладении миром вещественным; но дух и воля НЕ преуспели в том овладении рассудком и инстинктом, которое стало необходимым для разрешения (индивидуального и социально-организационного) выросших из этого проблем.** В своих духовных содержаниях и в своих духовных умениях человек отстал от своих материально-технических возможностей и от вырастающих из них потребностей и опасностей. Вот центр и главный источник всего современного кризиса – из которого уже выросла русская революция и из которого может еще вырасти и **новая мировая война** и новая, уже **мировая революция.**

4) В чем же эта духовная несостоятельность современного человечества и как она сложилась?

Приблизительно за последние 5 веков в человеческом **бессознательном** происходил некоторый сложный и чрезвычайными последствиями процесс: **сдвиг и искажение.** Этот процесс вступил ныне в ускоренную и обостренную стадию; он как будто захвачен циклоном или катастрофическим вихрем. Вообще говоря: сфера сознания у человека невелика и скудно освещена, а сфера бессознательного велика, сложна и таинственна — (10% – 90%). **Сдвиг состоит в том, что сфера дневного сознания и его работы – значительно расширялась за счет бессознательного и его функций.**

Обычно дело обстоит так, что бессознательное объемлет:

а) всю жизнь инстинкта и большую часть связанных с ним страстей;

б) все психические корреляты телесных восприятий, раздражений и состояний, недостаточно сильные для проникновения в сознание;

в) все прожитое и хранящееся в памяти;

г) 2/3 работы воображения (от сновидения до искусства) и т.д.

Человек вследствие этого всегда знает гораздо более того, чем сколько он думает, что знает. Человек не знает сам себя – отсюда его походка, его характер, его душевные и нервные болезни. Человек чаще всего не делает свою жизнь, а бежит в ней и за ней, кое-как её создавая, не поспевая – качаясь на гребне волны и только воображая, что это он заведует качанием волн.

Дело в том, что главные и глубочайшие корни человеческой **духовности** заложены в бессознательном и имеют **иррациональную природу**. Таковы все драгоценнейшие истоки и проявления человеческой духовности: боговидение, молитва, совесть, художественное творчество и художественный вкус, чувство справедливости, чувство чести, чувство долга, правовая интуиция, патриотизм, героизм, национальное чувство, характер. Воспитывать детей значит прежде всего будить в них эти истоки, эти чувства, укреплять в них эти корни. Все эти указанные мною иррациональные чувства можно было бы обозначить единым выражением – **непосредственное восприятие и испытание божественного в жизни и делах людей**. Именно оно лежит в основе всей духовной культуры, и никакое размышление и рассуждение не может его заменить. **Духовность бессознательного** – вот живой исток всей культуры; вот ключ к современному кризису.

Я мог бы это еще так выразить: человечество призвано **одухотворять свой инстинкт**. А это одухотворение инстинкта всегда покупается ценою **живого страдания** и наследственного накопления его благих последствий и выводов. Бессознательное человека есть его судьба; чтение его – есть чтение судьбы его. Перед этой судьбой рассу-

док и произвол бессильны. Эту судьбу человек несет в себе самом и изживает или буйно извергает её в любви, в искусстве и в поступках. **Магия** и **религия** издавна стремились овладеть этой судьбой человека и умели делать это. **Магия** давала власть над своим и над чужим бессознательным, не одухотворяя душу, не очищая, не облагораживая, не обожествляя её (и потому неизменно соскальзывая в черную магию); а **религия** давала ту же и гораздо большую власть (встреча Симона волхва с апостолами), но именно через очищение души, облагораживание и одухотворение (вспомните Клингзора и Парсифаля). Отсюда уже ясно, что **ЕСТЬ** **верное** строение и **неверное** строение бессознательного в духовном отношении. Первое дает – **духовно-здоровое бессознательное**, а второе – **духовно-больное (извращенное) бессознательное**. И этим определяется всегда судьба индивидуума, поколения и человечества: **человек становится тем, во что его превращает строение его духовного акта, интенсивность его бессознательного (темперамент) и предметное направление его (интенция)**.

5) Теперь будет понятно то, что я говорю о сдвиге и перемещении в человеческой душе за 5 последних веков. Это есть процесс **атеизации, обезбожения** человеческого бессознательного – вследствие его человечество постепенно утрачивало восприятие Бога и **путь** к этому восприятию; и бессознательное его усваивало **безбожную, богопустынную установку**.

Этот процесс далеко еще не закончен; быть может он продлится еще век, а может быть и дольше. Он уже принес человечеству огромные опасности и страдания – может быть принесет еще более ужасные. Он имеет значение **судьбы, рока** для всех поколений Европы XIX века, особенно же для нашего поколения и для ближайших. Он вызывает к жизни **духовное разложение** и в первую голову разложение совести, искусства и правосознания. Он создает большую идеологию и извращенное целеполагание. Он создает почву для мировой революционной

эпидемии – коей первым и зрелым плодом является русская революция наших дней.

В самом деле, Христианство дало миру не только новое учение о Боге, новую догму, но прежде всего новую установку бессознательного: это установка **любви к Богу и боголюбивой любви к человеку** – и новое равновесие между инстинктом, чувством, волею и мыслью. Пусть полнота этой установки оставалась идеалом, но благовествованием Сына Божия и Его апостолов – эта установка, этот духовный ритм, это равновесие, этот критерий жизни и правило жизни – **широко влились людям в душу**. Человек знал где искать спасения; что должно и что запрещено; что добро и что зло; его осенила Благодать божественной **эвритмии и эвбулии** (прекрасноволения и прекрасноделания), а в себе самом он нашел непоколебимую скалу веры, бестрепетный оплот, твердыню.

Есть закон бессознательной духовности, который гласит: **человек постепенно становится тем, во что он с любовью верит и чем он интенсивно живет**. Это осуществляется в процессе верующего и любящего вживания, внедрения, отождествления. Это именно то, чему учил и что имел в виду Макарий Великий, говоря об **обожении** человека, как высшей и в сущности единственной заповеди Христа. Уже несколько сот лет прошло с тех пор, как эта установка, и это равновесие, и этот ритм заколебались. Начало этого процесса надо искать в исходе средних веков и в эпоху Возрождения; этапы этого процесса обозначаются терминами: **гуманизм, инквизиция, реформация, эпоха просвещения, позитивизм, экономический материализм, коммунизм и революция**.

Пройдем мысленно этот ряд.

б) Человеческая жизнь пытается построиться и устроиться на новом основании: на основе **сознания** – сознательного мышления, сознательного целеполагания. Наивное и доверчивое христианское мирозерцание средних веков было этим в корне потрясено, выведено из своего равновесия и – отвергнуто.

Во-первых, – через возобновившийся в эпоху Возрождения **античный** способ мыслить, чувствовать, созерцать и достигать истины. Конечно, возродившаяся античная установка была, как известно, **подчинена** христианской; но в действительности это подчинение стало ассимиляцией, видоизменением, приспособлением и отклонением...

Во-вторых, состоялось новое потрясение в эпоху великих открытий и изобретений. Оказалось, что помимо церковного миропонимания и способа познаний есть еще другое своеобразное, независимое, ведущее к великим и неожиданным последствиям; христианская вера не может ни запретить его, ни отменить его – это **свободный человеческий опыт**, который не нуждается в разрешении веры и утверждает свою самостоятельность. Напрасны были попытки подавить этот источник: выходило, что христианство **не** есть **единственный** источник истины и **не** есть источник **всей** истины; есть на свете внехристианские истины и внехристианские пути добираться до этих истин.

В-третьих, выступил гуманизм и в нем выступил человек, как самобытная и самостоятельная ценность. Античный, языческий, нехристианский слой бессознательного, оживленный эпохой Возрождения и укрепленный эпохой открытий, хотел изжить себя – он требовал, чтобы к нему отнеслись серьезно и дали ему простор. Неверующий человек **тоже** человек; знание без веры может быть **тоже** доброкачественным знанием; разум сам по себе есть источник истины; человеческая истина вовсе не заслуживает проклятия, она идет совсем не от сатаны и отнюдь не ведет к гибели.

В-четвертых, явилась реформация с её освобождающим духом. Разум набирается силы и храбрости и не только выступает самостоятельно от веры, но решается подойти к самой вере и к веруемому содержанию с вопросом и ответом, усмотрением и исследованием. Это имеет глубокое духовное значение: неразумная, безразумная вера ставится под вопрос; возникает вопрос, верно ли это, правильно ли это вообще – верить во что-то без своеобраз-

ного усмотрения ума... Но ведь это усмотрение переживается каждым из нас субъективно и лично...

В-пятых, наступает эпоха просвещения. Осмелившийся разум, отделившись от веры, вырождается, становится плоским, трезвым, так называемым, **здравым** человеческим рассудком. Человеческий же рассудок отвергает все, что его плоскому самодовольству не кажется тотчас же подходящим или вероятным. Рассудочный человек хочет видеть, слышать, обонять, осязать; его объем есть объем самодовольного дневного сознания; он прилеплен к внешнему; о внутреннем, духовном опыте он не знает ничего; он экстравертирован, а не интровертирован; он ищет чувственно-осязательного факта; он отщепляется от бессознательного, его глубины и его духовности; он издевается над бессознательной духовностью и её опытом; вместе с Вольтером он иронизирует.

В-шестых, все это закрепляется, узаконивается, систематизируется и методизируется научным позитивизмом 18 и 19 веков.

Что же произошло?

Человек **переложил свою жизненную базу из бессознательного в сознание**; из веры – в разум, из разума – в рассудок; из внутреннего мира во внешний. Он открыл в сверхчувственном – противоречие, бессмыслицу, невероятность, нелепость; осмысленно для него отныне только чувственное. Но чувственное тоже бывает обманчиво и призрачно; нужны объективные мерилы для чувственного. Люди начинают считать, мерять, вешать и усматривают в этом единственную гарантию истинности. Ищут господства над вещью, над материальным, которое и становится единственным предметом. Господство и проверка добываются экспериментом. Это удается; успех – блестящий: открытия и изобретения следуют одно за другим и кружат головы. Мир материальный раздается во все стороны, открывается всюду бесконечность – в объеме и в качестве и эта бесконечность дает точнейшее познание (метод бесконечно малых). Естествознание квантифицируется, математизируется. Человек овладевает природой,

он уже может предсказывать; познает законы, выдвигает гипотезы – гипотезы оказываются верными. Знание становится наукой, где все верно, точно, доказано, исчислено и предусмотрено. Наука становится методичною, математичною, механистическою, она обездуховливается и становится самоуверенной.

7) Поле сознания, завоеванное человеком, становится колоссальным. Сознание становится базой жизни; эта база расширяется; жизненный центр перелagается в нем, а бессознательное оказывается заброшенным. Чем шире материальный мир, чем бесконечнее он во всех измерениях – тем более плоским, скудным, узким становится участие бессознательного в жизни – бессознательного и его духовности. **Бессознательное не исчезает; но оно более не таит в себе и не бережет сокровище духовности.**

Люди пользуются бессознательным в жизни и **забрасывают его священные колодцы**. Человек становится властелином внешнего мира; и не замечает, как духовно выродившееся и опустошенное бессознательное, поработенное и эксплуатируемое, начинает **мстить** за себя; и эта месть выражается в том, что поработяющее сознание само делается рабом бездуховного инстинкта и бездуховных страстей и, не замечая и не понимая, рабствует само свиду поработенному бессознательному. Человек становится господином внешней природы и рабом внутренней природы – т.е. неодухотворенных и душевно-беспомощных, несчастных и злосчастно мятущихся страстей. Человек познает законы **внешнего** мира и становится жертвой непознанных и ни магически, ни религиозно не зачатых закономерностей душевно-подземного мира.

Наука растет за счет религии. Познание и доказывание преуспевают благодаря оплошению жизни. Человек становится мастером внешних средств и орудий и остается беспомощным в вопросе о цели жизни. Знание богатеет, а **зачем** оно – неизвестно. Земное **как** подавляет небесное **что** и **зачем**. Просвещенный рассудок знает все лучше

всех; он уже давно стал нападающим; для него все обусловлено и относительно, нет ничего абсолютного; рассудочный человек – релятивист. Релятивизм есть лишь обратная сторона нигилизма. Релятивист говорит: **все** относительно; нигилист: нет **ничего** абсолютного и объективно значащего. Эти **всё** и **ничего** – одинаково выражают бездуховность, захватившую бессознательное. В ней – сущность современного мирового кризиса, подготовившего русскую революцию и подготавливающего ныне её мировое продолжение.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

Михаил Мондич

«СМЕРШ»

1945 год. Советская армия „освобождает“ Европу. За нею следует СМЕРШ - «Смерть Шпионам», организация НКВД, специально созданная для истребления «врагов народа». В Закарпатской Руси, на этом клочке русской земли, принадлежавшем к довоенной Чехословакии, в СМЕРШ в качестве переводчика забирают местного паренька, автора этой книжки. Мондич умеет правдиво и просто рассказывать. Его описание службы в СМЕРШе, своих переживаний во время этой службы и побега читается с неослабевающим интересом. Записки Мондича - небольшой, но яркий отрывок, как бы луч света, внезапно освещающий читателю страшную правду о насаждении сталинщины в странах Восточной Европы. Сейчас, через 40 лет, минувшая война становится постепенно историей. Сталин умер, НКВД и СМЕРШ переименованы. Но дух угнетения и насилия жив, и книжка Михаила Мондича (опубликованная в первом издании под псевдонимом Синевирского) нужна не меньше, чем в то смутное время, когда она была опубликована впервые.

1984, 2-е изд., 216 стр.

26 нем. марок

Заказы направлять:
Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M. 80

Н. Новосильцев

Генерал А. А. Власов – Председатель Комитета Освобождения Народов России

**Слово человека, которого Власов считал
своим другом**

Читая советские публикации, в которых упоминается Власовское Движение, поражаешься потокам лжи, которыми поливается все Движение, а главным образом, его руководитель Андрей Андреевич Власов.

Что знают о Власове в Советском Союзе?

Некоторое время тому назад я был в одном американском университете, где очень интеллигентный человек, член Союза писателей СССР, после доклада отвечал на вопросы. На вопрос: „Что вы знаете о Власове?“, он ответил: „Я знаю только, что Власов предатель и больше ничего.“

И вот, зная как фальсифицируется история в Советском Союзе, я считаю, что на всех участниках Движения, и особенно на тех, кто были близки к генералу Власову, лежит долг рассказать правду. Поэтому прошу принять свидетельство человека, который был участником Власовского Движения, и, кроме того, был очень близок к Андрею Андреевичу, не как подчиненный, не как служащий учреждения, начальником которого он был, а просто как человек.

Я принадлежу к тому поколению русской эмиграции, которое имеет еще корни в России. После окончания гражданской войны мы ушли, но мы не забыли, откуда ушли, и несли все время в сердце своем желание служить своему отечеству. И вполне понятно, что когда началась война между гитлеровской Германией и СССР, мы считали, что открывается новая страница истории, решается судьба нашей родины. Мы надеялись и верили, что крушение ненавистного режима приведет к возрождению России, и наша родина вновь выйдет на прерванный исторический путь.

Ко дню встречи с Андреем Андреевичем Власовым, у многих из нас сложилось твердое убеждение, что план Гитлера – завоевание России – провалится, так как мечтать о создании колониальной державы в Европе в XX-м веке, мог только маньяк и невежда, каковым Гитлер в сущности и был.

Я приехал в Берлин из Чехословакии. В Праге, где эмигрантов из России было около десяти тысяч человек, я прожил 17 лет моей жизни. Приехав в Берлин я поселился в гостинице, в которой обитало много русских. Среди них был мой младший товарищ по кадетскому корпусу Александр Степанович Казанцев. Он работал в пропагандном отделе главного командования германской армии. Этот отдел размещался в доме на улице Виктория, в подвале которого за решеткой сидело несколько пленных советских генералов.

Однажды Казанцев рассказал, что туда привезли одного, недавно взятого в плен советского генерала Власова. Он добавил, что есть надежда, что этот генерал возглавит Российское Освободительное Движение. Казанцев мне сказал, что у генерала нет костюма, что его военная форма сильно поистрепалась и попросил меня привезти кое-что из Праги. Общими усилиями мы Андрея Андреевича одели.

Впервые выйдя из-за решетки, Андрей Андреевич пришел к нам в гостиницу. Мы заранее знали об этом и устроили ему встречу с ужином. Моя комната была

больше, чем у других и все собрались у меня. Целый вечер мы просидели, беседовали. Андрею Андреевичу было очень приятно, он в первый раз вышел как бы на волю и несколько раз он повторял: “Друзья мои, как мне хорошо среди вас.” Ужин затянулся и Андрей Андреевич попросил Казанцева устроить так, чтобы он смог остаться у нас ночевать. Казанцев позвонил по телефону в комендатуру и получил разрешение. Мы решили, что Андрей Андреевич будет спать у меня в комнате, потому что мой сожитель был на ночном дежурстве и его кровать была свободна. Когда мы легли, Андрей Андреевич сказал: „Не туши свет, будем разговаривать.“ И мы побеседовали до утра.

Годы войны были наполнены исключительными переживаниями, надеждой, верой, горечью неудач. Но в жизни каждого человека бывают особые переживания, которые остаются неизгладимо в памяти, до мельчайших подробностей, навсегда. Такими переживаниями были мои беседы с Власовым, ярко запечатлевшиеся в моем сознании.

Была поздняя осень 1942-го года. Тогда Андрея Андреевича Власова еще никто не знал. Выйдя из лагеря пленных, не зная немецкого языка, будучи совершенно одиноким, он тянулся к людям, и видя то радушное, душевное отношение, которое встретил у нас, он сблизился с нами. Андрей Андреевич часто приходил в наш пансионат побеседовать с нами. А так как из всех людей, познакомившихся с ним, я больше всех имел свободного времени, то чаще всего он бывал со мной. Мы гуляли по Берлину, ходили в рестораны, принадлежавшие русским эмигрантам, где мы могли съесть нечто, похожее на борщ, и все время беседовали на одну и ту же тему. Мы говорили только о России.

Я постараюсь обобщить то, что говорилось, чтобы было ясным, каким был истинный облик Андрея Андреевича. Я считаю себя вправе рассказывать об Андрее Андреевиче, потому что всегда, до последнего момента, до нашей последней встречи, когда уже все рушилось,

Андрей Андреевич неизменно тепло, дружески относился ко мне.

Всегда, когда мы встречались с новыми людьми, Андрей Андреевич, показывая на Казанцева или на меня, говорил с улыбкой: „Вот мои первые друзья.“ А про меня иногда добавлял: „Ему никогда не забуду мою первую чистую рубашку в Европе“.

Андрей Андреевич Власов родился 1 сентября 1900 года в семье крестьянина села Ломакино Нижегородской губернии. Дед его был крепостным. Отец Власова хотел дать сыну образование, и благодаря тому, что он был в свое время сверхсрочным унтерофицером первой гвардейской кирасирской дивизии, сын его Андрей получил стипендию в духовной семинарии, которую и окончил. В 1918 году он поступил на агрономический факультет Нижегородского университета. Весной 1919 года его призвали в армию. Начинается военная жизнь, которую Власов впоследствии очень полюбил. От солдата до полковника поднялся он за двадцать лет своей службы. После того, как он вернулся из Китая, где был начальником штаба советской военно-дипломатической миссии, в ноябре 1939 года он назначается командиром 99 стрелковой дивизии РККА, одной из самых отсталых дивизий Киевского военного округа. Через год после принятия командования Власовым эта дивизия, после маневров Киевского военного округа, объявляется лучшей дивизией красной армии. Как командир передовой дивизии Власов приобретает в военных кругах всесоюзную известность. В начале 1941 года Власов произведен в генерал-майоры и назначен командиром 4-го мотомеханизированного корпуса. На этом посту его застает Вторая мировая война. Корпус Власова оказался чуть ли не единственным соединением красной армии, который не был разбит немцами в начале их наступления на СССР. Маршал Буденный вызвал генерала Власова в Киев и возложил на него обязанности командующего 37-ой армией и начальника Киевского гарнизона. В конце 1941 года Власов командует 20-ой армией. Эта армия под его командова-

нием участвует в спасении Москвы, наносит первые поражения немцам и отбрасывает их до Ржева. За эту победу Власов произведен в генерал-лейтенанты и получает новое назначение – заместителем командующего Волховским фронтом, с заданием освободить осажденный Ленинград. Когда 2-ая ударная армия погибала в болотах и лесах под Ленинградом, генерал Власов полетел в окруженную армию. Долгая и безнадежная борьба окруженной армии, не получившей никакой помощи от верховного командования, велась в нечеловеческих условиях и закончилась её разгромом.

Такой была военная карьера в красной армии этого талантливого военачальника. И не напрасно Власов говорил: „Меня режим не обидел“. И его слова подтверждает и следующее заявление одного крупного западного политика: „Этот человек – Власов – был на очень высоком счету в Кремле“.

*

Говорят, что во время татарского ига наши предки молились так: „Пошли, Господи, переменить орду.“

Что это значит? Это значит, что они мечтали и надеялись, что новая орда облегчит их жизнь. Но не так думал Власов. Он не думал о перемене сталинской деспотии на орду немецкую, его мысли были другого порядка.

Какие же соображения были у Власова? Как он хотел использовать течение событий для реализации своего плана? Где истоки его размышлений, приведшие его к отрицанию советской идеологии? Об этом дальше и будет речь.

Для меня же лично самое главное, что совершенно очевидно, что во всем – в мыслях и в действиях – Власов руководствовался велением долга, как человек, любящий свой народ.

В первый раз у Власова появилась мысль об использовании возможностей, которые давала война СССР с Гер-

манией, для действий, направленных на свержение советской власти и возрождения России, в то время, когда он один, всеми оставленный, скрывался в лесной сторожке около деревни Пятница Новгородской области. Ему уже тогда стало очевидным, что Германия выиграть войну не может; завоевать Россию с её огромными пространствами и её народом, не под силу немцам. Доказательство тому он видел в истории государства Российского. Кроме того, опыт приобретенный в Китае, ему подсказывал, что Германия, как и Япония в Китае, завязнет в России. И поэтому нет ничего удивительного, что когда в нашей первой ночной беседе с Власовым, на вопрос его: „Ты веришь в победу Германии?“, я ответил: „нет, не верю“, Власов такому ответу не удивился и сказал лишь: „правильно, тем лучше для нас“.

Вполне естественен вопрос: когда и почему, человек, не пострадавший от режима, становится врагом официальной идеологии, или, как теперь принято говорить, превращается в антисоветчика?

Все то, что говорил мне Андрей Андреевич, целиком совпадает с тем, что я услышал от сотен людей, с которыми мне пришлось разговаривать после окончания войны, когда совершался второй великий из нашей родины исход сотен тысяч людей, не желавших возвращаться в Советский Союз. В Германии, после окончания войны, я присутствовал при разговоре полковника американской армии с известным солистом-тенором Большого Театра 30-х годов Иваном Жаданом. На вопрос полковника американской армии, почему он, не пострадавший от режима, не желает возвращаться в Советский Союз, Жадан ответил:

- Я не пострадал, мне было очень хорошо, я был материально всем обеспечен, но русский народ пострадал. А разве я не принадлежу к народу? Глаза-то у меня были, я видел все, что творилось.

Что это значит? А это значит, что он болел болью своего народа. И вот я думаю, не только думаю, но твердо уверен и знаю, что эти слова Ивана Жадана сове-

ршенно совпадают с переживаниями Власова. Он тоже болел болью своего народа.

Все же хочу отметить несколько деталей, вскрывающих отношение Власова к советской власти и указывающих на почву, в которую уходили корни его отрицания коммунистической партийной идеологии.

Андрей Андреевич часто говорил: „На все есть рецепт. Думать не надо. И хуже того – думать даже нельзя“. Это свидетельствует, что Власова, как личность, как человека, возмущало присваиваемое государством право духовного авторитета. Революцию он принял и пошел в красную армию не без энтузиазма, потому что верил и надеялся, что она принесет народу то, что так хорошо выражено словами его любимой песни:

За землю, за волю,
За лучшую долю.

Но разочарование пришло очень рано, когда он был еще молодым командиром красной армии. Вместо „земли крестьянам“ он видел, командуя батальоном, тогда стоявшим на Кубани в станице Куцевской, все ужасы уничтожения лучших русских хлеборобов. Он видел и не мог забыть, как ломали становой хребет русского народа. В страшные годы ежовщины, когда происходила чистка командного состава красной армии и когда многие его товарищи попали в тюрьмы, были расстреляны, Власова спасло только то, что он находился в военной миссии в Китае. Константин Рокоссовский, будущий маршал, его близкий друг, был привезен на фронт из тюрьмы. А таких, из тюрем, в армии было много.

Затем – ложь. Ложь партии, правительства, органов печати, ложь литературы, всех жанров искусства, вошедшая в обиход обыденной жизни. когда отец с сыном не могли разговаривать откровенно. Однажды, беседуя со своим другом, Власов похвалил какое-то мероприятие правительства. Жена же знала, что он совсем иного мнения. Когда друг ушел, она сказала: „Андрей, но разве можно так жить?“, – и посмотрела на него с укоризной. Он

много раз это вспоминал, приговаривая: „Не в силах я был больше так жить.“

Рассказываю я это, чтобы пояснить с какими настроениями очутился Власов в берлинском подвале на улице Виктория, где содержались пленные советские генералы. Попав туда, Власов думал не о себе, не о своей судьбе, а о России и народах её.

Вернусь к мыслям Андрея Андреевича, к его сомнениям относительно предпосылок реализации его плана.

Еще раз подчеркиваю: я имею право об этом говорить, потому что в первую ночь, когда у нас начался разговор, как говорится, по душам, я сказал Андрею Андреевичу, что если мы будем разговаривать на „щекотливые“ темы, то самое важное – обоюдное доверие. Андрей Андреевич высунул руку из-под одеяла и говорит:

– Давай друг другу руку пожмем. Ты – русский и я – русский, будем друзьями. Ты – эмигрант, ну а я – подсоветский человек, но мы сговоримся, мы оба об одном мечтаем, одним болеем и одного хотим. Поэтому мы должны с тобой совершенно откровенно разговаривать.

В рукопожатии Андрея Андреевича я почувствовал, что он имеет ко мне доверие. Впоследствии я никогда не замечал, чтобы Андрей Андреевич опасался мне что-либо сказать. Он всегда откровенно со мной разговаривал, так же как и я с ним.

Как я уже отметил, в победу Германии я не верил. Среди моих русских товарищей были люди из Франции, Югославии, Польши. Мы видели как немцы восстанавливали людей против себя, какие антигерманские настроения царили всюду в Европе. Мы знали, что отдельные сражения они могут выиграть, но войну – никогда. Выиграть войну той политикой, которую осуществляла нацистская Германия, было невозможно. Все это я говорил Власову. Он не прекращал со мной разговора, что свидетельствовало, что и его мысли шли совершенно параллельно с моими, вернее, нашими.

Между прочим, я ввел Андрея Андреевича в дом моего старого дяди, берлинского старожилы, в прошлом зани-

мавшего высокий пост в императорской России в министерстве земледелия. В этом доме Власов познакомился с людьми, для него как бы из „другого мира“, но он нашел с ними общий язык. Он встретился и познакомился там с генералом Красновым, с генералом Лампе – начальником Объединения белых воинов в зарубежье и представителями старой интеллигенции. Это интересно тем, что российская эмиграция, при всей её непримиримости к советской власти, во время войны очень критически относилась к нацизму и к идеям Гитлера. Недоверие было обоюдное.

В одном немецком документе читаем: „Привлечение и использование эмиграции, или вождей эмиграции – строжайше запрещено.“ Это – из разговора Гитлера с фельдмаршалом Кайтелем 8 июня 1943 года.

Весь наш расчет был на перемену политики Германии. Германия должна была прекратить войну на восточном фронте и предоставить Российскому Освободительному Движению перенять борьбу с коммунизмом, иначе катастрофа военного поражения для Германии неминуема. Мы считали, что чем больше будет у Германии затруднений в ходе военных действий на Востоке, тем больше будут шансы на перемену политики её руководства. Мы никак не могли предполагать, что встретим такое тупоумие и невежество. Очень хорошо это выразил немецкий генерал от кавалерии Кестринг, командовавший всеми добровольческими соединениями, давая показания в плену американцам: „Мы, немцы, безусловно из-за глупости, неспособности и незнания уничтожили величайший капитал, который когда-либо существовал для борьбы с коммунизмом.“

Андрея Андреевича Власова ошибочно считают инициатором Российского Освободительного Движения. Это движение зародилось до того как он попал в плен, оно было народно-стихийным. В том, что это Движение было истинно народным – моральное оправдание Власова. Как думал Андрей Андреевич, так думали миллионы людей и в занятых немцами областях, и томящиеся в германском

плону. В лагерях военнопленных в первые дни войны зародилась надежда, что немцы переменят политику, поддержат стремление подавляющего большинства русского народа освободиться от коммунистического ига.

Один из тогдашних моих друзей Сергей Николаевич Сверчков, актер Московского Художественного Театра и художественный руководитель московского театра им. Островского, мне рассказывал, что в лагере для военнопленных в Белоруссии, куда он попал и где находились тысячи командров красной армии, уже в первые дни плена было даже создано некое подобие временного русского национального правительства.

В годы, прошедшие после войны, я задавал один и тот же вопрос всем, кто сидел в лагерях для военнопленных: когда вы попали за проволоку, в первые дни плена, какие и о чем у вас были разговоры? Все спрашиваемые мне отвечали: мы все надеялись, что очень скоро выйдем из лагеря и вступим в российскую национальную армию.

Так что, Освободительное Движение было действительно народное и массовое. Его никто не выдумал, оно родилось потому, что сама идея витала как бы в воздухе. И уж, конечно, не немцы его создали и его изобрели. Андрей Андреевич лишь присоединился к Движению и дал ему свое имя.

Российское Освободительное Движение должно было иметь собственную базу. Такая база могла быть создана только на территории, занятой немецкими войсками. Конечно, это компромисс, но без компромиссных решений не может быть государственного деятеля. А наши князья московские, которые ездили в орду, а Александр Невский? Так что, прежде чем упрекать Власова, надо твердо помнить и знать, что каждый государственный деятель бывает принужден обстоятельствами идти на компромисс, преследуя определенную большую цель. А целью Власова было освобождение нашей родины от самого страшного зла за всю её историю.

Власов пошел на компромисс, считая, что Германия не в силах завоевать Россию – не по Сеньке шапка! Он не

держал камня за пазухой, однако им руководило патриотическое чувство русского человека, желавшего освободиться от сталинской деспотии, но не подпасть под орду немецкую.

Власов как-то мне сказал:

- Ты не можешь себе представить сколько людей, разделяющих наши взгляды, наши надежды на будущее России - там. Дали бы нам только им руку протянуть!

Вот именно - дали бы нам только им руку протянуть!

В этих простых словах вся суть, весь смысл и вся идея Освободительного Движения!

Власов говорил: „Нам дается возможность и история нам не простит, если мы не попытаемся этот шанс использовать“.

В чем же заключался шанс? Шанс давался не возможностью сформировать из пленных и из населения оккупированных областей несколько дивизий, а тем, что все народы России относились отрицательно к советской власти. Много ли было у партии, у Сталина верных слуг? Ведь тогда еще живы были свидетели террора, горя коллективизации и всего того, что обрушилось на народ в двадцатые-тридцатые годы. Вот на что рассчитывал Власов, когда говорил: „Дали бы нам только им руку протянуть“.

В одном историческом труде, изданном в Советском Союзе, написано: „Власов и кучка его окружающих“. Это не была „кучка“, а было массовое движение людей, которые хотели взяться за оружие и бороться с тиранической властью. Передо мной сейчас лежит протокол совещания Гитлера с генералами. Генерал Цайцлер, начальник Генерального штаба германской армии отвечает на вопрос, сколько сейчас добровольцев: „Мы имеем всего 78 батальонов, 91 полк и 122 роты. Есть еще категория из 60 тысяч человек, нечто вроде стражи, они объединены в очень маленькие отряды. Имеется еще около 200 тысяч вольнопомогающих, они находятся в войсках канонирами, их нельзя убрать.“

Вот такая это была „кучка“ и какие возможности!

На другом совещании генерал Кестринг, просто отвечает: „Добровольцев у нас около миллиона“.

В первые месяцы войны сложило оружие около 3 миллионов бойцов и командиров красной армии. Это ли не является доказательством отношения народов России к советской власти?

А какая потенциальная грозная сила, полная ненависти к тиранической власти – миллионы заключенных ГУЛага!

Добровольческое Движение, когда люди просили дать им оружие, было движением вполне объяснимым. Это был ответ народов России на все то, что совершила антинародная власть по отношению к ним: ответ на террор, на издевательства над всем святым!

Дали бы нам только им руку протянуть!

Было ли когда-нибудь в истории любой армии в мире что-либо подобное? Уже после окончания войны из победоносной армии бежали её воины и командиры. Они не стремились вернуться к домашнему очагу, а уходили в неизвестность. Плыли через Дунай, пробирались через дебри Богемского леса, просили убежища у американцев. И это – в 46-м, 47-м, 48-м годах!

После окончания войны я был в Италии полномочным делегатом переселенческой организации, созданной русской Православной Церковью за рубежом. Мы участвовали в спасении людей от лагерей ГУЛага, то есть от выдачи их советской репатриационной комиссии. В 1948 году американцы передали нам в Италии 42-х советских офицеров, перешедших в Австрии к ним в 47-48-м годах. Это только на одном небольшом участке рубежа, разделявшего американскую и советскую зоны оккупации. Один американский генерал решил не выдавать обратно беглецов и передал их нам. Мы оформили им документы и отправили за океан. Разговаривая с ними, я постоянно вспоминал слова А. А. Власова.

Дали бы нам только им руку протянуть!

А сотни тысяч людей, привезенных на рабский труд в Германию во время войны, и после её окончания как

дикие звери скрывавшихся в лесах от советской репатриационной комиссии, только бы их не увезли силой домой! И опять в моем сознании как колокол звучит бас Власова.

Дали бы нам только им руку протянуть!

Незабываемы по ужасу картины, которые я видел в Польше в 1944 году. Тысячи подвод и толпы несчастных людей с домашним скарбом, а кто и с коровой, привязанной к телеге, бегущих впереди отступающей немецкой армии. Нет, не на встречу к своим, а от своих - в неизвестность! Они бежали на Запад!

Дали бы нам только им руку протянуть!

Для осуществления плана Власова имелись вполне реальные предпосылки. Вся трагедия его как человека, как русского патриота, была в том, что немцы, умышленно обманывая его, дальше использования его имени не шли. Я хорошо знаю, какие душевные муки переживал Власов.

Всех добровольцев было около миллиона человек. Это указывало на то, что в германской армии при продвижении вглубь российских просторов, обнаружилась резкая нехватка людей. Многие германские генералы без разрешения свыше формировали добровольческие батальоны, брали в немецкие воинские части добровольцев. Власов настаивал на объединении добровольческих формирований, на получении командования над ними, при условии заключения договора с правительством Германии, гарантирующего немецкий отказ от завоевательных планов и воцелений на Востоке.

Власов великолепно понимал, что перед Освободительным Движением, если немцы дадут ему ход, откроются две возможности, два варианта развития событий.

Первая возможность: Правительство Германии поступает лояльно и отказывается от завоеваний. Оно способствует созданию русского национального правительства. Власов считал, что создание русского национального правительства, русского центра, снимет опасность гражданской войны. Он даже как-то сказал: „Я кончу войну по телефону. Я знаю, что Костя Рокос-

совский думает то же, что и я.“ Власову часто задавали вопрос „На, а дальше?“ Он отвечал, что дальше найдутся государственные люди, которые решат вопрос только с точки зрения интересов свободного российского государства.

Вторая возможность: Германское правительство делает вид, что отказывается от завоеваний. Власов считал, что мы, при продвижении вглубь страны, сумеем оторваться от немцев. Тогда бы началась российская освободительная война, но уже против внешних завоевателей. В этот момент можно было бы рассчитывать на помощь Запада.

Меня спрашивали люди, которые интересовались Власовым, думал ли об этом Власов действительно так, высказывал ли такие мысли? Да, думал, но конечно, об этом открыто говорить не мог. Он знал, что в его окружении были люди, которые поставлены для наблюдения за ним. Но я хорошо помню момент, когда при обсуждении второго варианта я сказал Власову, что немцы все ж таки нас обманут. Власов, сжав оба кулака, ответил:

– Вот тогда мы им покажем, что такое русская народная война!

Хочу напомнить об одном событии, которое наглядно подтвердило, насколько был прав Власов, когда говорил: „Ты не можешь себе представить, сколько единомышленников у нас там.“ В свое время „гениальный отец народов“ спросил: „А сколько у папы Римского дивизий?“ И вот, недавно, папа Римский ездил в коммунистическое государство, в Польшу, и показал сколько у него дивизий. Когда я видел эти сотни тысяч людей, приветствовавших папу, я думал о том, как Власов был прав.

С чувством глубокой благодарности я читал III-й том „Архипелага ГУЛАГ“ Александра Исаевича Солженицына, те страницы, на которых он высказывает свой взгляд на Власовское Движение. Но есть один пункт, о котором следует поговорить. Солженицын только слегка коснулся его, он пишет: „Превратить войну в гражданскую, это Ленин предложил прежде Власова“. Так оно, и

не так. Профессор Авторханов идет еще дальше, он развивает эту мысль и утверждает, что Власов был таким же пораженцем, как и Ленин.

Я хочу сказать, что это сравнение оскорбительно для Власова, потому что его цели были совершенно противоположны тем, которые ставил Ленин. Власов говорил: „Прошлое России – наше, настоящее России – наше, и будущее России – тоже наше.“

А что говорил Ленин? Конечно, теперь эти слова замалчиваются. Ленин сказал: „А на Россию нам, господа хорошие, наплевать“. Власов стремился вернуть Россию на исторический путь, и вернуть русским людям их Отечество с большой буквы. А Ленин? Ленин, как маньяк, мечтавший только о положении вождя мирового пролетариата, смотрел на Россию, как на трамплин для прыжка в мировую революцию. Отсюда совершенно логично вытекает другая фраза Ленина: „Пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции.“ Эту фразу историк Мельгунов почему-то называет „крылатой“. Не „крылатая“ это фраза, а **кровавая**.

Мне когда-то пришлось разговаривать со старой ленинкой. Когда я ей указал на эти фразы Ленина, то последовало оправдание: „Владимир Ильич говорил это на заре революции, когда мы все думали и мечтали, что за порогом уже мировая революция“. Вот оно что! Шестьдесят семь лет народы России платят за эту „мечту“.

Власов действовал открыто, он не был немецким наемником, принимающим приказание безоговорочно. Немцы пошли на договор, когда было уже поздно, поздней осенью 1944 года, а до того они пользовались, когда это было им нужно, только именем Власова. В этом трагизм всего Движения!

Ленин скрывал, что он был германским агентом и ежели бы теперь не были открыты архивы и не были опубликованы документы, то деяния Ленина были бы скрыты.

Многие говорят, зачем было ездить в Прагу. что-то декларировать, когда было уже ясно, что близится конец

всем надеждам. Прага была умышленно выбрана как славянский город. Идея мероприятия была такова: в российской истории должно быть отмечено, каким образом Власов, как глава Комитета Освобождения Народов России, предлагал решить задачу освобождения нашего отечества и на чем должны зиждиться основы возрожденного российского государства.

Для коммунистической партии Власов – предатель, так как он не хотел и не в силах был продолжать служить её делу, не желал продолжать служить партии, идеология и деяния которой, не отвечали по его убеждениям интересам государства и народа.

Власов – жертва глупости и умышленного обмана со стороны нацистского германского руководства, которое в безумном ослеплении не могло отказаться от завоевательских вождедений.

Власов – жертва „традиционного“ непонимания англо-американцами всего того, что творится у нас на родине.

Для русских же людей, желающих жить в своем отечестве, а не на плацдарме мировой революции, Власов – народный герой, пожертвовавший собственной жизнью во имя любви к своему народу. Власов имел возможность спастись, но он предпочел разделить судьбу своих последователей, вероломно выданных на зверскую расправу коммунистам.

Власов знал, на что он идет, согласившись возглавить Освободительное Движение и как истый сын народа, он отдал отечеству самое большое, что имел – свою жизнь. „А нет больше любви, кто душу свою положит за други своя“.

Л. Келер

Владимир Соловьев — слепой вождь слепых

Ересь Софинианства, порожденная в России Вл. Соловьевым, все еще паразитирует в сознании какой-то части русской православной церкви за рубежом. О софинианствующих приверженцах Соловьева на родине известно меньше, может быть они там и поывелись, но в Париже (а через Париж и в Америке) его идеи были восприняты не только как откровение некоторой частью духовенства, преимущественно связанного с Парижским Богословским Институтом, но и получили дальнейшее развитие.

Отмечая „исключительно сильное влияние Владимира Сергеевича Соловьева на идеалистически настроенную часть русской общественной мысли“ (до революции), профессор И. М. Андреев объясняет тот факт, что церковные круги относились к нему „примирительно“ тем, что „его построения стояли *вне* православного церковного богословия. Они составляли его личную богословскую систему на религиозной основе. Её он сам не вводил в орбиту богословия в строгом смысле слова.“¹⁾

„Новое“ в построениях Соловьева состояло в мистике; мистика же соловьевского типа вообще совершенно чужда православию, в котором возможна только „трезвая“ мистика. Лучшее тому свидетельство – отсутствие сколь-

ко-нибудь значительной оригинальной мистической литературы на Святой Руси. Подобная литература стала проникать в Россию с Запада, начиная с XIX-го века; одним из главных проводников её был Н. Новиков и его масонское окружение. Перечисление переводов мистических откровений у Д. Чижевского занимает несколько страниц. Тут и Арнольд, и Яков Беме (последнего особенно много), и Сэн Мартэн, и Пордэдждж и многие другие. ²⁾ Через посредство Новиковского кружка в Россию проникли Ангел Силезиус, Отингер, Фома Кемпийский и даже фундаментальная история мистики Г. Арнольда (Kirchen- und Ketzer Geschichte). Когда Новиков и его приспешники были подвергнуты гонению (в конце XVIII-го века), а изданные им книги частично уничтожены, вред был уже нанесен и западные мистические течения продолжали мутить чистые источники Восточной Церкви, только в более прикровенном виде.

Как известно, император Александр I в первую половину своего царствования также не избежал вредоносного влияния западной мистики, в частности Юнг-Штиллинга. Со временем государь отошел от этих опасных увлечений и, если принять гипотезу о его удалении в Сибирь под именем Федора Кузмича (а она, между прочим, косвенно подтверждается и тем, что советская власть, открывшая гробницы царей, не опровергла её, что было легко сделать, если бы был похоронен действительно государь Александр Павлович), то Православие в конце концов в нем победило.

В дальнейшем, в XIX-ом веке, „передовая“ интеллигенция, казалось бы, должна была быть совершенно не восприимчива к каким бы то ни было мистическим веяниям, увлекаясь исключительно идеями просвещения, позитивизма, а со временем и революционного радикализма, до нигилизма включительно. Но, как ни странно, и среди „передовых“ были люди, подверженные влиянию мистики; среди декабристов, например, В. Кюхельбекер, Г. Батенков и др. Даже люди типа Герцена и Бакунина (не говоря уже об Огареве), в молодости увлекались чте-

нием Беме и Сведенборга. От них прямая линия ведет к Владимиру Соловьеву. Последний познакомился с мистической литературой через П. Д. Юркевича, в бытность последнего профессором Московского университета в 1860-ые годы. О. Г. Флоровский говорит об Юркевиче: „...мыслитель строгий, соединявший логическую точность с мистической пытливостью.“³⁾

Имя Юркевича неоднократно упоминается Вл. Соловьевым; так, например, в 1900 году он пишет: „Мне особенно памятен май месяц 1873 года, когда он (Юркевич) в качестве профессора, а я в качестве держащего кандидатский экзамен, оставались в Москве и проводили вместе поздние вечера, обыкновенно в обществе другого тогдашнего студента, кн. Д. Н. Цертелева, гуляя по московским бульварам и переулкам.“⁴⁾ При этом Соловьев называет Юркевича „отчасти последователем Сведенборга.“⁵⁾ Более развернутую характеристику Юркевича мы находим в статье Вл. Соловьева „О философских трудах П. Д. Юркевича“. ⁶⁾ Конечно, можно полагать, что Юркевич не проповедывал открыто своего „сведенборгианства“ и вообще не говорил прямо о немецкой мистике, но, вероятно, он это делал в частных беседах со своими студентами, в особенности с Вл. Соловьевым. К. Мочульский прямо утверждает: „Общением с Юркевичем определилось направление философских изысканий Соловьева в его первый „теософский“ период.“⁷⁾

Позже Соловьев указал, что после чтения ряда мистиков (Гихтеля, Арнольда, Пордэджа) он пришел к выводу, что „в результате настоящими людьми все-таки оказываются только Парацельс, Бэм и Сведенборг.“ Об остальных он думает, что „София возилась с ними больше за их невинность, чем за что-нибудь другое.“⁸⁾

В этом отношении большой интерес представляют статьи Соловьева о Сведенборге, о мистике и мистицизме и о Каббале, написанные им для энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. В статье о мистике В. Л. Соловьев исходит из „сокровенных обрядов и поучений“ древних греков, связанных с Деметрой и Диони-

сием. К несчастью, он относит сюда и „развитие в дальнейшем особого типа монашеского мистического богословия в Египте и Сирии“, указывая на них как на один из источников мистики. В частности, он ссылается на Исаака Сирина и Макария Египетского; впоследствии, по утверждению Соловьева, выражением этих теософских идей стало ...**Добротолюбие.** ⁹⁾

Что же касается Запада, то величайшим мистиком средневековья Вл. Соловьев считает Мейстера Эккерта и его школу. Учение Якова Беме он прямо называет „гениальным“, а о Сведенборге замечает: „После Бема наибольшее значение принадлежит Сведенборгу, который с оригинальной теософской системой соединял, как духовидец, и опытную или реальную мистику.“ ¹⁰⁾ Сведения, сообщаемые Вл. Соловьевым о Сведенборге крайне любопытны и примечательны. Неудовлетворенный лютеранским догматом о „даровом искуплении“, оправданием одной верой без дел и предопределением ко спасению или вечной гибели, Сведенборг не пошел по линии изучения теологии, а стал заниматься классическими языками, литературой, математикой и естествознанием. (Интересно отметить, что и Соловьев начал с естественных наук, увлекаясь „мастодонтами и плезиозаврами“.) Потом Сведенборг стал писать латинские стихи, но в основном занимался техническими работами, каналами и шлюзами. Событие, превратившее его в крайнего мистика (склонность у него, вероятно, была и до того), так нелепо, что о нем надо сказать подробнее.

„В 1745 году Сведенборг находился в Лондоне. Для обеда он ходил в одну таверну, имея там в своем распоряжении особую комнату, где он мог спокойно предаваться уединенным размышлениям. Однажды, будучи голодным, он ел более обыкновенного и вдруг увидел, что комната стала наполняться туманом, а на полу появилось множество разных гадов. Туман перешел в густую тьму; когда она рассеялась, гадов больше не было, а в углу комнаты Сведенборг увидел сидящего человека, окруженного ярким сиянием и грозно сказавшего ему: „Не

ещь так много!“... На другую ночь человек в сиянии явился опять, одетый в красную мантию, и сказал ему: „Я Бог, Господь, Творец и Искупитель. Я избрал тебя, чтобы объяснить людям внутренний и духовный смысл писаний. Я буду диктовать тебе то, что ты должен писать“. После этого Сведенборг почувствовал, что „открылись глаза внутреннего человека“, и с тех пор он стал, не переменяя внешнего места, переноситься духом в небо, ад и (промежуточный) мир духов.“¹¹⁾ Соловьев высказал предположение (вероятно, верное), что Сведенборг был знаком с „некоторыми системами гностицизма и особенно еврейской каббалы.“

Конечно, всякому непредвзятому человеку ясно, что Сведенборг был в состоянии прелести и что фигура в красном плаще была сатаной. Но, увы, Соловьев к этому выводу не пришел.

В своей статье о каббале, Соловьев показывает основательное знакомство с кругом „мистических традиционных идей, которые сохранялись в тайне от непосвященных“. Эта „еврейская теософия“ вводит принцип „женского начала“ в понятие „Божество“. Надо сказать, что Соловьев пишет с большим знанием дела об этом соблазнительном учении, которое имеет много точек соприкосновения с его идеей Софии.¹²⁾

Загадка личности Вл. Соловьева

О. Сергей Булгаков, несомненный последователь Вл. Соловьева, отзывается о личности философа как о „сложной, противоречивой и в существе своем все-таки загадочной.“¹³⁾

Люди, лично знавшие Вл. Соловьева, отмечают странное впечатление, производимое его наружностью (даже в молодости): „сочетание чувственности и одухотворенности.“ Профессор И. М. Андреев отмечает, что такое сочетание „характерно для состояния прелести.“¹⁴⁾ К. Мочульский приводит слова брата философа о портрете художника Ярошенко, писанного в начале 90-х гг.:

„Возможно, что художник утрировал „материальную сторону“ оригинала: в портрете нет никакой „духовности“. Верно схвачено только выражение непомерной, почти животной или стихийной силы и чувственности нижней части лица.“¹⁵⁾ Многие упоминали также отгалкивающий смех Вл. Соловьева: „Когда он смеялся, его громкий заразительный смех с неожиданными, презабавными икающими высокими нотами“ (выражение В. Л. Величко) покрывал все голоса.“ А. Блок о смехе Соловьева выразился, что он „был иногда и странен, и страшен.“¹⁶⁾

К. Мочульский предваряет свою книгу о Вл. Соловьеве замечанием, что „У Соловьева было множество ликов, но настоящее лицо его почти неуловимо... Был ли он самим собой в своей философии, в своей церковно-общественной деятельности, в своей поэзии? В „Альбоме признаний“ Т. Л. Сухотиной сохранился его ответ на вопрос: кем желали бы Вы быть? – „Собой, вывороченным налицо.“ И, может быть, все десяти томное собрание его сочинений – только его 'изнанка'.“¹⁷⁾

То же раздвоение можно проследить и в религиозно-философских исканиях Вл. Соловьева. Свой путь к мистике он никогда последовательно не изложил, откровеннее всего, может быть, пытался наметить его в своей поэзии. Очень метко о нем выразился Н. Бердяев: „У Вл. Соловьева была абстрактная и иногда обманчивая ясность мышления, что-то скрывающая и прикрывающая.“¹⁸⁾ А о. Г. Флоровский пишет: „Творческий путь Соловьева был очень неровен, извилист, даже изломан. То был путь борений, не прямого развития, – путь увлечений и отречений, смена вспышек и разочарований. В разные эпохи своей жизни Соловьев очень по-разному понимал и представлял смысл своего собственного философского дела... Кризис неверия разрешился в ранней молодости не возвращением к христианству, но обращением в философский пессимизм, в веру Шопенгауэра и Э. Ф. Хартмана.“¹⁹⁾

Неким ключом к разгадке загадочной личности Вл. Соловьева может послужить свидетельство Митропо-

лита Антония, лично знавшего Вл. Соловьева. Выясняется, что вначале Владыка относился к философу с большой симпатией, видя в нем отчасти соратника, борющегося с позитивизмом и отсутствием интереса к философии у русской интеллигенции. Соловьев подавал вначале большие надежды; о его диссертации „Кризис западной философии“ Владыка отозвался так: „В. С. Соловьев выступил со своей магистерской диссертацией будучи 23 лет от роду с удивительной смелостью среди тогдашнего самоуверенного позитивизма и дерзкого агностицизма, которым прикрывался самый шаблонный материализм. Его диссертация „Кризис западной философии“ была направлена именно против господствовавшего над русскими умами отрицания философских наук и всяких философских исследований“²⁰⁾ Когда Вл. Соловьев в 1880 году защитил докторскую диссертацию на тему „Критика отвлеченных начал“, Митрополит Антоний правильно указал, что многие положительные мысли диссертации были заимствованы Соловьевым у И. В. Киреевского, статьи которого были к тому времени забыты.

Владыка Антоний, и дальше следивший за деятельностью Вл. Соловьева, так же отметил, что „Чтения о Богочеловечестве“ Соловьева, произведшие на слушателей впечатление новой, оригинальной мысли, были в сущности заимствованы у Шеллинга; но широкая публика не читала серьезных религиозных журналов и за Соловьевым утвердилось репутация „острого и оригинального мыслителя“. Отношение Владыки Антония изменилось, когда стало ясно, что Соловьев уклоняется от Православия в сторону римо-католичества, а в политическом отношении – поддерживает революционеров. Дальше эти уклонения от истины участились: Соловьев стал проповедывать свое вредное и неправославное учение о Софии. Тогда Митрополит Антоний написал несколько статей в защиту Православия, направленных против Вл. Соловьева. Подвергая критическому разбору некоторые из положений, выдвинутых Соловьевым, как например, следующее: „Истинное и неподдельное христианство не есть

ни догмат, ни иерархия, ни богослужение, ни мораль, а животворный дух Христов... дух, воплощенный в религиозных *формах и учреждениях*, образующих земную церковь". Владыка возражал: „до сих пор читатель ценил Евангелие, как учение высшей правды, как слово 'духа и жизни' (Иоанн VI, 63), и вдруг оно низводится в разряд обычных, чисто условных систем общественно-государственной организации! Заводится речь о какой-то *христианской политике* и мысль о совершенной неприменимости к христианству неизбежных компромиссов всякого рода политики определяется как *явный абсурд*.“²¹⁾

В статье „Ложный пророк“ Владыка Антоний дает развернутую характеристику Вл. Соловьева и как человека: „Гораздо отраднее для сердца говорить о ближнем хорошо, нежели худо, особенно в том случае, если приходится говорить о человеке, с которым делил душевные беседы; но если ложные похвалы его личности поддерживают собой целую систему ложных убеждений, то надо обличать эту ложь.

Я виделся много раз с В. С. Соловьевым от 1886 до 1895 года, и после, до самой его смерти, не прерывал знакомства с ним. Это был высоко одаренный человек с разнообразными познаниями, с недюжинным талантом поэтическим и крупным талантом философским. Но он вовсе не был аскетом и вовсе не был человеком искренним. Слишком ранняя знаменитость – с 23 лет от роду, нравственно развратила его... Потребность огромной восторгающейся аудитории есть своего рода алкоголизм, и она почти всегда соединяется впоследствии с алкоголизмом запойным, что и случилось с бедным Владимиром Сергеевичем еще в молодости. Он был форменный алкоголик, и в этом заключалась причина его недолгой жизни“.²²⁾ Владыка Антоний едва ли не прав; сведения об алкоголизме косвенно подтверждаются и другими свидетельствами. Так например, князь К. Трубецкой сообщает: „если тут же заходил к нему приятель, он любил угощать его вином и сам пил, не справляясь о часах.“ Довольно оригинальную (но спорную и опасную) теорию употре-

бления вина Соловьев развил в „Оправдании добра“ (т. VII, 70), где он пишет: „Вообще вино повышает энергию нервной системы и через нее – психической жизни на низших ступенях духовного развития, где преобладающая сила в душе еще принадлежит плотским мотивам, все что возбуждает и поднимает служащую душе нервную энергию, идет на пользу этого господствующего плотского элемента и, следовательно, крайне вредно для духа; поэтому здесь необходимо полное воздержание „от вина и ликера.“ Но на более высоких ступенях нравственной жизни, какие достигались и в языческом мире, например, Сократом (см. Платонов Пир), – энергия организма служит более духовным, нежели плотским целям, и повышение нервной деятельности (разумеется в пределах, не затрагивающих телесного здоровья) усиливает действие духа и, следовательно, может быть в известной мере не только безвредно, но даже прямо полезно.“²³⁾ (Эту часть „Оправдания добра“ можно было бы озаглавить „Оправдание пьянства“). Очевидно, себя Соловьев считал „достигшим более высоких ступеней нравственной жизни...“ Одной своей слушательнице он говорил что-то беспорядочное о „белых слонах“; кстати, умер он от цирроза печени.

Митрополит Антоний также отмечает „неустойчивость“ Вл. Соловьева: „Если проследить его постоянное уклонение в сторону то одного, то другого течения, наряду с выражением скептицизма и цинизма, с осмеиванием всего, перед чем он преклонялся в молодости, то читатель легко увидит, что тщеславие и чувственность были регуляторами его неустойчивой, хотя повторяю, сильной творческой мысли.“

Дальше Митрополит Антоний высоко оценивает книги Вл. Соловьева „Оправдание добра“ и „Повесть об Антихристе“, „близкую к толкованиям из Апокалипсиса“, но в заключение замечает: „Однако, имея столько действительных талантов, автор глубоко унижил их желанием представить собою и такие совершенства, коих у него не было, т.е. своим постоянным ломанием, ложью и прит-

ворством...²⁴⁾ Вообще же Владыка определяет Вл. Соловьева как „жертву ранней знаменитости“.

Софиинанство в поэтическом творчестве Вл. Соловьева

О. Сергей Булгаков, ставя поэзию Вл. Соловьева несравненно выше его философских трудов, очень высоко оценивает его личный „мистический опыт“, который он считает более „оригинальным и интересным“, нежели Соловьева-философа. „В самом деле, чем бы был для нас автор „Критики отвлеченных начал“ без личной мистики Вечной Женственности, без каких-то таинственных отношений с „Софией“, о которой так глухо и невнятно намекается философски в „Чтениях о Богочеловечестве“ или в „La Russie et l'Eglise Universelle“, но так пленительно и жизненно рассказывает в стихотворениях?“²⁵⁾ Тут, без сомнения сказывается личная склонность о. Сергия к мистике „Вечной женственности“, к таинственным отношениям с „Софией“. О. Булгакова особенно пленяет „конкретность“ Соловьева в его „мистических встречах“.

Здесь мы подходим к самому существенному, к таинственной Софии. Но и она оказывается мало оригинальной: многое заимствовано у немецких мистиков и философов, а также у гностиков и из каббалы. Однако, мнение о. С. Булгакова, что Вл. Соловьев гораздо лучше выразил свой мистический опыт в „софийном цикле“ стихотворений, чем в философских трактатах, заслуживает внимания.

Действительно, поэзия Вл. Соловьева тесно связана с его мистикой. Даже первый мистический опыт девятилетнего мальчика отразился в „Трех свиданиях“. Однако и он был вызван эротическими переживаниями – влюбленность, ревность, жажда мести: „Душа кипит в потоке страстных мук.“ Это ли здоровая почва для „мистических переживаний“?

Другая встреча с Софией происходит в Британском музее в Лондоне. Тут он говорит: „...тайные мне силы

выбирали / Все, что о ней читать я только мог“, т.е. он читает гностиков, мистиков, изучает каббалу и в его душу не закрадываются сомнения о чистоте этих источников; в результате, ему является в „золотой лазури“ „одно её лицо – оно одно“. Этого, конечно мало молодому философу-мистiku и, на его настойчивые мольбы, ему назначается свидание в Египте. И тут в поэме возникают нотки, свойственные действительно только Вл. Соловьеву, вполне оригинальные: появляется шуточный тон, ирония, автопародия. А о Софии даже говорится: „Смеялась, верно ты, как средь пустыни / В цилиндре высочайшем и в пальто / За черта принятый, в здоровом бедуине / Я дрожь испуга вызвал...“ (А ведь у бедуина был нюх!?) Дальше „гнусный вой шакала, холод, сон“, а когда он проснулся, София явилась ему, так сказать, во весь рост. Сам автор в примечании, написанном много лет спустя (в 1898 году) пишет: „Осенний вечер и глухой лес внушили мне воспроизвести в шуточных стихах самое значительное из того, что до сих пор случилось со мною в жизни.“ К. Мочульский отмечает: „О самом святом для него он предпочитал говорить в шуточной форме, любил издеваться над собой и мистифицировать друзей.“²⁶⁾

Еще более соблазнительно другое произведение, „Das Ewig-Weibliche“, обращенное к „морским чертям“, хотя и в него, по-видимому, вложены самые сокровенные чаяния автора. Кстати, как-то Вл. Соловьев выразился, что „Поэзия вовсе не есть воспроизведение действительности, – она есть насмешка над действительностью...“

Самопародия характерна и для одноактных пьес, в которых он зло высмеивает и себя, и свои идеи. В пьесе „Альсим“ (Соловьевым написан только один акт), он вульгаризирует любовные отношения и пародирует свои самые заветные мысли; одно из действующих лиц пьесы – Сатана. Вообще же поражает, что при сравнительно небольшом количестве поэтических произведений, обильно представлены шуточные стихотворения.

Надо сказать, что Вл. Соловьев восторгался поэзией Козьмы Пруткова; о его пародиях он выразился так: „Сами по себе эти произведения – образцы в своем роде по меткости и тонкости“. Можно добавить, что и пародии и автопародии самого Вл. Соловьева – мастерские произведения. Пародируя ранних символистов (Брюсова, Миропольского), он великолепно воспроизводит лад и строй „модернистской“ поэзии наших доморощенных символистов. „Горизонты вертикальные / В шоколадных небесах / Как мечты полужеркальные / В лавровишневых лесах.“ Вл. Соловьев написал несколько подобных пародий на символистов, удачно воспроизводя их стиль, богатый странными поэтическими образами, рискованными метафорами, пользуясь несоответствием между высокой темой стихотворения и комической разработкой. Интересно отметить, однако, что на самих символистов эти пародии произвели большое впечатление.

Помимо близости некоторых произведений („Осенняя прогулка рыцаря Ральфа“, басня „Полигам и пчелы“ и другие) к творениям Козьмы Пруткова, в некоторых из своих стихотворений Вл. Соловьев, скорее похож на Г. Гейне.

Автопародия иногда сопутствует „серьезным“ стихотворениям. Так, поясняя лирическое стихотворение „Лучей багряных полк за полком“, Вл. Соловьев добавляет к нему автопародийное „Нескладных виршей полк за полком“.

Еще более отталкивающее впечатление производит „Эпитафия“ (собственно, „Автоэпитафия“), в которой встречаются следующие строчки:

Он душу потерял,
Не говоря о теле:
Её диавол взял,
Его ж собаки съели.

Трудно, однако, согласиться с выводом советского исследователя поэзии Вл. Соловьева, что в этих произведениях „находит отражение все нарастающее разочарование Соловьева в мистических и теократических идеалах.“²⁹⁾

Вероятно, одна из разгадок – противоречивость Вл. Соловьева; тут можно сослаться на его собственные строчки:

Много дряни за душою
Я имел на сей земле
И с беспечностью большою
Был нетверд в добре и зле.

(„Скоро, скоро, друг мой милый“)

О. С. Булгаков высказывает предположение, что Вл. Соловьев пользуется иронией, „чтобы не оказаться в смешном положении“. Но только ли поэтому он любил шутить над самым важным, над самым святым для себя? Мочульский предлагает другое объяснение: „О самом значительном Соловьев пишет в 'шутливых стихах'! Между содержанием и формой поэмы резкая и мучительная дисгармония. И это не просто стилистический недостаток: дисгармония идет из глубины, она была в самой натуре Соловьева, во всем его творчестве, терзала его всю жизнь. Он не умел найти настоящего языка для своего мистического опыта, так как до конца жизни *не доверял* ему.“³⁰⁾

В этом, вероятно, есть доля истины: не доверяя, боялся показаться смешным. Но, может быть, и это не исчерпывает всего: возможно, что и ирония, и пародия, и автопародия связаны с самой сущностью его мистических переживаний: „вдохновитель“ таких видений любит иногда выставить рога или показать хвост. Тогда получают объяснение и „дикие взрывы смеха, казавшегося неестественным, даже жутким“, и то, что Соловьев „с неистовой, почти болезненной страстью к шуточным стихам, пародиям и каламбурам, любил самую нелепую игру слов, бессмысленное балагурство, грубые, даже непристойные анекдоты.“³¹⁾

Юношей, Соловьев не верил в черта и только к концу жизни, „путем тяжелых испытаний и реального опыта темных сил, он мог возвыситься до трагического мироощущения и написать гениальную „Повесть об Антихристе“. По рассказам нескольких знакомых можно

восстановить всю картину „личного знакомства“ Вл. Соловьева с чертом. „Предание“ повествует о нескольких встречах с нечистым духом, с которым он даже „пререкался“. Надаром Леонтьев назвал его „сатаной“; „Леонтьев первый закричал о том, что путь Соловьева ведет к пропасти; что в его величественном строительстве теократического царства есть какая-то зловещая ложь. Он первый почувал в деле Соловьева веянье „антихристового“ духа. И Соловьев в „Трех разговорах“ признал правду Леонтьева, его мрачный пессимизм и апокалипсическое вдохновенье. В скрытой трагической борьбе между двумя мыслителями внешне побежденный Леонтьев в конце концов вышел победителем.“ И Мочульский правильно подводит итог: „У светлого Соловьева был темный двойник, который издевался над ним, цинично острил и разражался демоническим смехом.“³²⁾

Сущность Софинианства

Определить сущность понятия „София“ у Вл. Соловьева не легко, отчасти может быть потому, что он по-разному выражал это понятие в разные периоды своей жизни. Помимо стихотворений, тут важны особенно: „Чтения о Богочеловечестве“, „Смысл любви“, „La Russie et l'Eglise Universelle“, и другие произведения. С одной стороны София – независимый дух; с другой – она часть природы Бога, Иисуса Христа, иногда же она идентифицируется с Богородицей, Мировой Душой и т.д. С третьей же стороны – она Афродита-Уrania и Вечная Женственность и Божественная Премудрость. Мочульский утверждает, что „В духовный мир Соловьева входит образ Пренепорочной Девы, таинственно сочетается с образом Вечной Женственности, однако не сливается с ним.“³³⁾

Не проясняется понимание этого образа и от собственных объяснений Вл. Соловьева (в предисловии к Сборнику своих стихотворений), где он отвечает на вопрос, не вносит ли он женское начало в самое

Божество: „1) Перенесение плотских животнo-человеческих отношений в область сверхчеловеческую есть величайшая *мерзость*; 2) поклонение женской природе самой по себе, т.е. началу двусмыслия и безразличия, восприимчивому ко лжи и злу не менее, чем к истине и добру, – есть величайшее *безумие*... 3) Ничего общего с этой глупостью и той мерзостью не имеет истинное почитание вечной женственности, как действительно от века восприившей силу Божества, действительно вместившей полноту добра и истины, а через них и нетленное сияние красоты.“³⁴⁾ Как отмечает о. Михаил Польский, хотя и „считается признанным, что Вл. Соловьев менял частности своих воззрений, следует остерегаться преувеличения этих смен. Скорее, в его позднейших писаниях даны более остро выраженные и более прямолинейные формулировки тех утверждений, какие раньше были выражены бледно и прикрито.“³⁵⁾ Это без сомнения верно по отношению к „Софийному“ кругу идей. В остальном же Вл. Соловьев часто „поклонялся тому, что сжигал“ раньше. Так, например, в период сотрудничества в «Руси» Ив. Аксакова, он резко осуждал католичество (статья „О духовной власти в России“); и в том же году (1883) появляется его „Великий спор и христианская политика“, где Вл. Соловьев переходит на резко про-католические позиции. Из спора между Православием и католичеством выясняется, что Соловьев, в сущности, не знал Православия, имея также неверное представление и о католической церкви. К несчастью, он, по-видимому, не был даже знаком с замечательными статьями Ф. Тютчева „Россия и Запад“ и его „Заметками“, где Тютчев остро ставит вопрос об Империи и Церкви, т.е. как раз тот вопрос, который так занимал Вл. Соловьева.

Мочульский, кстати, не без основания, объявляет Вл. Соловьева отцом экуменизма;³⁶⁾ но Вл. Соловьев идет еще дальше: он думает о „примирении христианства с иудейством“, а кончает... желанием „соединиться с современными неверующими в борьбе против современных христиан.“³⁷⁾ Путь Вл. Соловьева остался загадочным

даже для его последователей. Так, например, Э. Радлов, определяя Вл. Соловьева как „представителя мистической философии“, замечает, однако: „Путь, который он прошел к этим результатам, не вполне ясен. В ранних произведениях есть намеки, выясняющие характер мистицизма Соловьева, но смерть помешала полному выяснению этого пути.“³⁸⁾

Другим источником „Софианства“ являются, согласно указанию Е. Скобцовой, „соборы, посвященные св. Софии“, вне „всякой зависимости от Византии“, которые стали появляться на Руси и „таинственная икона: крылатая женщина, сидящая на престоле, а по бокам её Богоматерь и Иоанн Креститель, над нею Христос и мир небесных сил. Эта икона, – икона святой Софии, Премудрости Божией, – не совпадающая ни с Богоматерью, ни с Христом, обличает тайное видение наших предков, не наше, а наше – себе никакого словестного воплощения.“³⁹⁾ Однако, при ближайшем рассмотрении этого религиозного „вдохновения русского народа“ оказывается, что „соборы, посвященные св. Софии“ возникли именно в зависимости от Византии. В постройках первых храмов, посвященных Софии-Премудрости Божией, наоборот, ясно сказывается полная зависимость от византийской традиции. Начиная с того, что послы св. великого князя Владимира были именно в константинопольском храме св. Софии; здесь, без сомнения согласно Промыслу Всевышнего, они были поражены красотой, благолепием и величием пасхального православного богослужения. Можно себе представить, какое впечатление произвел этот монументальный храм и его величественное богослужение на наших полудиких предков. Константинопольская Агия София стала для новообращенных русских „дикарей“ тем вдохновляющим высочайшим образцом, которому они с самого начала стремились подражать. Слухи об этом дивном храме, конечно, бытовали на Руси еще до посольства св. Владимира. У Руси с Византией были торговые отношения задолго до принятия христианства. После же крещения, Киевские князья, естественно, стремились

украсить свою (теперь христианскую) столицу храмом, который мог достойно встать рядом с константинопольской Софией.

Ярослав Мудрый поручил киевским зодчим начать постройку собора св. Софии в 1037 году на том месте, где он разгромил полчища печенегов. Новая постройка всецело опиралась на византийскую традицию, конечно, с добавлением чисто-русских деталей, особенно в отделке. Новгородский собор св. Софии начали строить при том же Ярославле Мудром (в 1054 году). И по имени, и по формам, он повторял Софию киевскую.

Таким образом, прямая линия преемственности ведет из Константинополя в Киев и дальше в Новгород. А оттуда эти храмы, вероятно, распространились по всему северу. На юге же к этому времени церковное строительство почти прекратилось в связи с татаро-монгольским игом.

Что же касается „таинственной иконы“, то Владыка Аверкий указал и разъяснил, что храмовая икона новгородской Софии, „на которой был изображен крылатый Ангел с лицом, одеждой и крылами огненного цвета и в царском венце, восседающий в царской далматике на четвероножном с подушкой огненного цвета золотом престоле, подпертом семью столбами,“ была по преданию „копией Константинопольского образа св. Софии, находившейся в знаменитом храме св. Софии...“ Дальше Архиепископ Аверкий обращает внимание на то, что все подобные иконы „изображениями символическими“ „изображают одну главную мысль“: „Божью Матерь и воплотившуюся от Нее Ипостасную Премудрость – Сына Божия, Который представлен в виде крылатого ангела огненного цвета, что напоминает нам наименование второй Ипостаси св. Троицы в Ветхом Завете, когда еще не была открыта людям тайна Трех Лиц Божества, – 'Великого Совета Ангелов' (Исаия 9), как и поется в ирмосе 5-ой песни рождественского канона: Великого Совета Твоего Ангела, мир подавающа, послал еси нам.“⁴⁰⁾

Переходя к рассмотрению положений, выраженных в „Чтениях о Богочеловечестве“, надо прежде всего отметить их необыкновенную популярность. Соловьеву удалось заинтересовать слушателей, вскормленных на идеях позитивизма и материализма. Вл. Соловьев сам в молодости не избежал увлечения социализмом и начиная свои „Чтения“, он прямо говорит о „правде социализма“. Этим он сразу завоевал доверие публики и этим и объясняется шумный успех „Чтений“. Кстати, не надо забывать, что Вл. Соловьев был убежденным дарвинистом, не только трансформистом вообще.

Относительно знакомства Вл. Соловьева с историей древней церкви и писаниями св. отцов церкви, о. Г. Флоровский правильно замечает, „и здесь его лично привлекают всего больше именно гностики (Валентина он считает одним из самых великих в истории мысли, особенно его учение о материи), еще и Филон, влияние которого всегда чувствуется у Соловьева при толковании Ветхого Завета (и в „Истории теократии“). Дальше Оригена, во всяком случае, Соловьев так и не пошел...“ И прав о. Г. Флоровский, когда замечает: „Он слишком был связан с протестантизмом, через философию, через немецкий идеализм и мистику...“⁴¹⁾

Приступая к изложению (хоть краткому) учения Вл. Соловьева о Софии, возникает трудность в связи с сведением этой сложной, запутанной и трудной системы к нескольким положениям. Одна из самых кратких формулировок учения Вл. Соловьева принадлежит Е. Скобцовой: „Бог, как Сущий, как Логос, как Слово, как действующее Начало, сводит всю множественность мира, всю сущность его, – к единству. И эта множественность, сведенная к единству творческим актом Слова, есть София, воплощенная Премудрость Божия. Таким образом, – Логос – это Сущий, София – это осуществленная идея. И идея эта достигла своего окончательного осуществления, своего высшего совершенства только в момент соединения с Логосом. София – идеальное воплощение Божественной идеи, достигшая совершенства материя, – в соеди-

нении с Логосом, с Божественным Словом, – это Христос-Богочеловек, по божественности своей, – Логос, по человечеству своему – София, Премудрость Божия.,⁴²⁾

Подробно разбирая „Чтения о Богочеловечестве“, о. Михаил Помазанский приходит к выводу, что Вл. Соловьев уклоняется от православия, особенно начиная с шестого чтения. Тут философ делает слишком большой упор на философию в ущерб вере, и о. М. Помазанский спрашивает: „Действительно ли, как утверждает Соловьев, философия есть начало высшее по отношению к вере и религиозному опыту, осмысляющее и синтезирующее их?“ И отвечает: „...религиозная вера сама по себе не есть бездумное, слепое следование за глашатаем её. Вера есть постижение богооткровенной истины, но не столько умом, сколько всем духовным существом. Поэтому вера сама есть уже мировоззрение, сама есть живая философия, не логически выведенная, а вдохновенная свыше. Она выше той сферы, которая обычно называется философией.“⁴³⁾ Еще более соблазнительно следующее чтение (седьмое), в котором он развивает свое учение о Христе и ипостасях. Вл. Соловьев вводит тут понятие красоты как „религиозной идеи“, которую он отождествляет с „душой мира“, а затем заменяет это понятие „Софией“, телом Божиим. Иными словами, он подменяет своей теософией христианское учение о Троице. Идею Софии Вл. Соловьев приписывает как Христианству, так и до-христианским откровениям, ссылаясь при этом на книгу „Притчей Соломоновых“. В десятом чтении Вл. Соловьев вводит понятие „всеединства“, которое, по его мнению, может быть восстановлено только Логосом (божественным началом). Из соединения этого мирового начала с мировой душой происходит вселенский организм, т.е. воплощение божественной идеи, т.е. София. Это соединение Логоса с мировой душой дает совершенный организм – человека, предназначенного стать посредником между Богом и вещественным миром. Все исследователи „Чтений“ (о. М. Помазанский, о. В. Зеньковский, Е. Скобцова и др.) единодушно указывали на

сильное влияние Шеллинга на эти запутанные построения Вл. Соловьева. Даже идея „всеединства“, которая так пленила философа, в сущности восходит все к тому же Шеллингу. Понятие о Софии тоже лишено оригинальности: Вл. Соловьев заимствовал его у немецких мистиков, добавив свои „видения“. Но и они не оригинальны, тот же Арнольд тоже воспевал свои встречи с Софией в стихах, правда не иронических и пародийных.

Заключение

В начале жизни Вл. Соловьев не верил в черта и недооценивал силу зла в мире. Однако, он совершенно изменил этот взгляд в конце жизни. Понадобился страшный „личный опыт“ (в конце 1898 года), когда он, по собственному признанию, видел черта. Отсюда его „Три рзговора“ и „Повесть об Антихристе“ – самое ценное в его творчестве, хотя и не лишенное недостатков. Мочульский, ставя Вл. Соловьеву в заслугу „инициативу экуменизма“, совершенно упускает из виду, что экуменизм вероятно является подготовкой к явлению Антихриста...

Тот же злой дух, в существование которого он в молодости не верил, который потом уловил его в сети Софийской прелести, отомстил ему не только ужасными „шутливыми“ стихами, но и другим способом. В самом конце жизни Вл. Соловьеву пришлось пережить страшное испытание-искушение, которое, по всей вероятности, и ускорило его кончину. В 1900 г. возникает его чисто „софийный“ роман с Анной Николаевной Шмидт. Дело начинается с переписки, но А. Н. Шмидт настаивает на личной встрече. Вл. Соловьеву удается некоторое время уклониться от этого, но потом встреча состоится во Владимире. Шмидт считает себя воплощением Софии, а Соловьева – воплощением Христа. Надо сказать, что А. Н. Шмидт только сделала последние выводы из философии Вл. Соловьева и философу было трудно её опровергнуть. Она была автором мистического трактата о Третьем Завете и понимала св. Дух как дочь Божию. После

личного знакомства Вл. Соловьев испугался её откровений и пришел к (верному) выводу, что она во власти прелести. Однако, он не дошел до того, чтобы дать себе отчет в своем собственном духовном состоянии, близком к тому же. И тут черт сыграл с ним злую шутку. О. С. Булгаков в свое время обратился к А. Н. Шмидт с просьбой опубликовать письма Вл. Соловьева или вообще всю переписку в «Новом пути». Однако А. Н. Шмидт прислала только копии двух писем и не разрешила их печатание ввиду их „интимного характера“. О. С. Булгаков считал эту переписку очень важной (он получил и остальные письма после смерти А. Н. Шмидт), потому что сам Вл. Соловьев был убежден, что А. Н. Шмидт „близко подошла к истине по вопросу величайшей важности, заложенному в самой сущности христианства, но еще не поставленному отчетливо ни в церковном, ни в общепhilософском сознании, хотя отдельные теософы и говорят об этой стороне христианства.“

Сам о. Булгаков тоже считает писания А. Н. Шмидт (статьи и рукописи) очень важными: „Здесь мы имеем не только интереснейший человеческий документ, историю души, совершенно исключительной по своей судьбе, не только сокровенную страницу интимной биографии Вл. Соловьева, но и первостепенной важности мистический трактат, который смело выдержит сравнение с произведениями первоклассных европейских мистиков, каковы Я. Беме, Пордэдж, Сведенборг и др. Мистика А. Н. Шмидт настолько содержательна и богата, что та или иная оценка её может стать лишь делом продолжительного и углубленного её расследования в самых разнообразных отношениях.“ Для о. С. Булгакова главная ценность мистических откровений А. Н. Шмидт заключается в том, что это „женская“ мистика, „голос женственности из глубины бытия, мистическая эротика в самом возвышенном смысле, откровения любви невесты, жены и матери, и, быть может, больше всего именно материнства.“ Кроме того он подчеркивает „неслыханную апокалипсическую напряженность“, и „проникновенное мис-

тическое истолкование Апокалипсиса“. При этом о. С. Булгаков считает эти толкования совершенно оригинальными: „В то время, когда Достоевского начинает охватывать апокалипсический трепет, а Вл. Соловьев еще не приближался к эсхатологическим темам, нижегородская Сивилла заносила на бумагу свои видения и прозрения в „Будущность“, по-своему разгадывая тайну России“.

44)

Но даже о. С. Булгакову некоторые из этих „прозрений“ кажутся „в высшей степени загадочными и жуткими“. Это – „новое догматическое творчество“, „конкретная мистика“; он даже подчеркивает, что „найдутся многие, кому мистика А. Н. Шмидт покажется просто бредом, безумием и вздором, или же совокупностью хул и ересей, порожденным вдохновением „духа лестча““. 45) Кажется, с этим можно только согласиться.

Увы, этот „небесный роман“ очевидно доконал Вл. Соловьева. По словам о. Булгакова, А. Н. Шмидт задолго до встречи с Вл. Соловьевым „осознала в себе личное воплощение Софии“, а Вл. Соловьев по её мнению, обладал „соответствующим мистическим паспортом“. Вместе с тем о. Булгаков считает, что А. Н. Шмидт удалось угадать „тайну“ Вл. Соловьева, но что она оказалась для него „ангелом смерти“. Не без пронизательности он замечает, что А. Н. Шмидт предстала Вл. Соловьеву в „образе Наины“; это возможно, и ускорило его кончину. И даже о. Булгаков вынужден признать, что „Одним из бравирующих выражений такого астрального флирта является стихотворный фарс о Софии „Белая лилия“, граничащий с мистической порнографией“.

45)

Явление „Наины“ было последним ударом, местью дьявола, доведшим философа до ранней смерти, при расшатанном уже излишествами здоровье. В данном случае можно понять незадачливого философа: описание нижегородской Наины оставил А. Белый (он видел её у брата Владимира Соловьева – Михаила). „Помню: раздался тихий звонок; скоро серо-орехового цвета дверная портьера раздвинулась, и в комнате оказалась – девочка,

не девочка, карлица, не карлица; личико старенькое, как печеное яблочко, а явная ирония, даже шаловливый задор, выступавший на личике, превращал эту „существо“ в девочку; что-то от шаловливой институтки. Она была очень худа, мала ростом, быстра; и не пошла, а быстро-быстро просеменила навстречу к нам, окидывая меня не то шутливым, не то насмешливым взглядом, как бы говорящим: „Что, пришел позабавиться над душой мира? Ну, очень забавна я?“ И стало неприятно: чем-то от бредовых детских кошмаров повеяло на меня, и я разглядывал её во все глаза: да-да, что-то весьма неприятное в маленьком лобике, в сухеньких очень маленьких губках, в сереньких глазках; у нее были серые от седины волосы и дырявое платье; совсем сологубовская „недотыкомка серая“...⁴⁶⁾ „Афродита небесная“, обернувшаяся „недотыкомкой серой“ – это хоть кого с ног свалит.

Проф. И. М. Андреев, говоря о православном славословии как о „бесстрастном и безвидном“, при этом отмечает какое „огромное значение в духовной жизни Православие придает постоянному трезвению“. Можно сказать, что трезвение противопоставляется прелести; вот этого-то трезвения и не хватало Вл. Соловьеву. Тонко анализируя истоки соловьевского соблазна – его мистические видения – проф. Андреев пронизательно замечает: „Понимая, что в основе его светлых видений лежит темная чувственность, Вл. Соловьев впоследствии написал стихотворение, в котором образно и ярко выразил мысль о том, что темное является необходимым корнем светлого:

Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их...

Это – поэтическое оправдание прелести, которое само является соблазном. Темная и грубая чувственность может сублимироваться в лучезарную и тончайшую

душевную эмоцию, но принимать её за духовное состояние – есть прелесть. Только в том случае, если корни чувственности уничтожаются и заменяются корнями чистой духовности, можно ожидать появления цветов и духовных плодов“. ⁴⁷⁾

Проф. Андреев систематически проследил впадение в прелесть Вл. Соловьева. Первый эпизод (описанный в поэме „Три свидания“), это ранняя чувственная буря, заканчивающаяся первым явлением „подруги Вечной“. Вторая встреча – опущена в поэме, но описана в автобиографической повести „На заре туманной юности“. И она вызвана чувственным волнением и проф. Андреев беспристрастно определяет этот мистический опыт так: „...за поэтической, благоуханной и лучезарной романтической эротикой скрывается темный и смрадный лик сатаны! Прелесть есть ложь, принятая за истину... Сердце его было в плену у прелести“.

Дальше проф. Андреев поясняет: „Искаженное прелестью чувство искажает и мысль. Христианство воспринимается Соловьевым в свете социалистического и позитивистского хилиазма. Соловьев, став христианином, не пришел в Православную церковь“.

Напав на идею о Софии во время писания диссертации, Вл. Соловьев полностью подпал под её влияние; она стала ведущей идеей, вдохновлявшей его почти до конца жизни. Готовясь к поездке в Лондон, Вл. Соловьев „усиленно занимался спиритизмом, запоем читал теософскую литературу, изучал Сведенборга, Сен-Мартена и Парацельса, ждал нового откровения „Вечной Женственности“ и был на грани нервного заболевания“. ⁴⁸⁾ Эти занятия он продолжал и в Лондоне, в Британском музее. Тут он изучает литературу о Софии Премудрости Божией и тут состоится вторая (или третья) встреча: в читальном зале Британского музея он увидел лицо „подруги Вечной“ в золотой лазури, и получил указание ехать в Египет, где он был удостоен следующей встречи. Конечно, и эта встреча определилась состоянием прелести.

По существу же идея Софии Премудрости Божией в этом преломлении – глубоко антиправославная идея, сложившаяся под влиянием гностиков, каббалы и чтения немецких мистиков. К софийному циклу статей относится „Смысл любви“ (1894), с крайне соблазнительными мыслями, получившая, увы, дальнейшее развитие в наше время и прочно угнездившаяся в недрах „модернистских“ течений Православия на Западе. В 1894-1897 гг. Вл. Соловьев создает свое учение об этике; понимаемая как автономное явление, она выливается в „этику половой любви“ и восходит, таким образом, опять-таки к эротической основе его философии.

Итак, нет сомнения, что Вл. Соловьев находился в состоянии прелести большую часть своей жизни. Увы, в наше время прелесть как бы торжествует в мире и целые Церкви и общества подпадают под её влияние.

Вот что говорит о прелести Епископ Игнатий Бранчанинов (ссылаясь на „Слово преп. Симеона Нового Богослова“): „Прелесть есть состояние всех человек, без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все мы – в прелести. Знание этого есть величайшее предостережение от прелести“. Вот этого-то знания и не хватало Вл. Соловьеву, вообще слабо знакомому с учением св. отцов. Еп. Игнатий дальше говорит, что только Истина – Господь Иисус Христос – „извлечет нас из пропасти самообольщения и обольщения демонами“. Именно в этом состоянии находился философ; это особенно ясно из его рассказа о Сведенборге, где он совершенно не заметил уловления „великого мистика“ в сети дьявола (фигура в красном). Точно так же, только под видом „Предвечной подруги“ был уловлен и он сам.

Еп. Игнатий упоминает и о „плотском мудровании“ (Рим. 8,6) и „лжеименном разуме“ (1 Тим. 6,20) и Вл. Соловьев являет собой прямо-таки классический пример прелести, ибо что, как не „плотское мудрование“ и „лжеименный разум“ привели его в состояние прелести. Еп. Игнатий указывает и на то, что прелесть „разливается на всю деятельность его, отравляет самое тело, как

неразрывно связанное Творцом с душою“. И Еп. Игнатий предостерегает: „Самый опасный, неправильный образ молитвы заключается в том, когда молящийся сочиняет силу воображения своего мечты или картины, заимствуя их повидимому из Священного Писания, в сущности же из своего собственного состояния, из своей греховности, из своего самообольщения, – этими картинами льстит своему самомнению, своему тщеславию, своему высокоумию, своей гордости, обманывая себя./.../ Таким образом прельстились видевшие свет и сияние этими телесными очами, слышавшие гласы ушами своими“. 49)

Все это точно совпадает с состоянием Вл. Соловьева, который не внял предупреждению Апостола, что „и сатана преобразается в ангела светлого“ (2 Кор. 11,14). К несчастью, он не только сам впал в прелесть, но ввел и многих других в соблазн, особенно представителей нашего так называемого серебряного века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. „Чтения о Богочеловечестве В. С. Соловьева как опыт построения христианской философской системы“, «Православный путь», 1956, стр. 80.
2. D. Cizevskij, „Deutsche Mystik in Russland“, «Aus zwei Welten», Mouton & Co, Gravenhage, 1956, 191-195.
3. О. Г. Флоровский, „Пути русского богословия“, Париж, 1937, стр. 242.
4. Собрание соч. Владимира Соловьева. Под редакцией и с примечаниями С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. С. Петербург, 1911, т. 9, стр. 191.
5. Собрание соч. В. Соловьева, т. 10, стр. 497.
6. Собрание соч. В. Соловьева, т. 1, стр. 171-196.
7. К. Мочульский, „Владимир Соловьев“, Париж, 1951, стр. 41.
8. Там же, стр. 79.
9. Собрание соч. В. Соловьева, т.10, стр. 243-246.
10. Там же, стр. 146.
11. Там же, стр. 487-497.
12. Там же, стр. 339-341.
13. О. Сергей Булгаков, „Владимир Соловьев и Анна Шмидт“ в сборнике «Тихие думы», ИМКА-Пресс, Париж, 1976, стр. 71.
14. И. И. Андреев, „Владимир Соловьев – мистик в свете Православия“, «Православный путь», 1950, стр. 160.
15. К. Мочульский, „Владимир Соловьев“, стр. 197.
16. Кн. Е. Трубецкой, „Личность В. С. Соловьева“, «О Владимире Соловьеве», сборник первый, Москва, 1911, стр. 45; А. Блок, „Рыцарь-монах“, там же, стр. 99-100.

17. К. Мочульский, „Владимир Соловьев“, стр. 9.
18. Цитировано К. Мочульским, „Владимир Соловьев“, стр. 162.
19. О. Георгий Флоровский, „Пути русского богословия“, стр. 213.
20. Епископ Никон, „Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого“, т. 1, Нью Йорк, 1956, стр. 103.
21. Там же, примечание на стр. 104.
22. Там же, т. 1, стр. 105.
23. Кн. Е. Трубецкой, „Личность В. С. Соловьева“, стр. 57.
24. Еп. Никон, „Жизнеописание ...“, т.1, стр. 105.
25. О. Сергей Булгаков, „Владимир Соловьев и Анна Шмидт“, стр. 73.
26. К. Мочульский, „Владимир Соловьев“, стр. 9.
27. Там же, стр. 60.
28. Собрание соч. Вл. Соловьева, т. 10, атр. 521.
29. В. Соловьев, „Стихотворения и шуточные пьесы“. Вступительная статья, составление и примечания З. Г. Минц. «Советский писатель», Ленинград, 1974, стр. 40.
30. К. Мочульский, „Владимир Соловьев“, стр. 17.
31. Там же, стр. 24,25.
32. Там же, стр. 41,153.
33. Там же, стр. 160.
34. Там же, стр. 72.
35. О. Михаил Помазанский, „Чтения о Богочеловечестве В. С. Соловьева как опыт построения христианской философской системы“, «Православный путь», 1956, стр. 83.
36. К. Мочульский, „Владимир Соловьев“, стр. 187.
37. Там же, стр. 195.
38. Собрание соч. Вл. Соловьева, т. 10, Биографический очерк, VII.
39. Е. Скобцова, „Мировоззрение Вл. Соловьева“, ИМКА-Пресс, Париж, 1929, стр. 21.
40. Арх. Аверкий, „Опять Женственная Ипостать“, «Православная Русь», № 2, 1975.
41. О. Г. Флоровский, „Пути русского богословия“, стр. 317.
42. Е. Скобцова, „Мировоззрение Владимира Соловьева“, стр. 18.
43. О. М. Помазанский, „Чтения о Богочеловечестве В. С. Соловьева ...“, стр. 92.
44. О. С. Булгаков, „Владимир Соловьев и Анна Шмидт“, стр. 76-78.
45. Там же, стр. 80-81, 107.
46. К. Мочульский, „Владимир Соловьев“, стр. 263.
47. Проф. И. И. Андреев, „Владимир Соловьев – мистик в свете Православия“, «Православный путь», 1950, стр. 151, 155-156.
48. Там же, стр. 160.
49. Сочинения Епископа Игнатия Бранчанинова, Джорданвиль, 1957, т. 1, стр. 129-133.

НОВАЯ КНИГА!

Евгений Наклеушев

К ЕДИНОМУ ЗНАНИЮ

Набросок

метафилософии – метанауки – метарелигии

Эта книга откровенно парадоксальна. Её задача – предложить систему всего вообще возможного знания, отдаленно подобную той, что построил некогда для известных и неизвестных химических элементов Менделеев. При этом автор сознает, что, в отличие от Менделеева, имеет дело с потенциально бесконечным материалом, и все же, вопреки предостережению премудрого Пруtkова Козьмы, подвизается объять необъятное. Разумеется, с точки зрения почтенного здравого смысла, это заведомо абсурдная книга. Заметим, впрочем, что так же отнесся поначалу почтенный здравый смысл к теории бесконечных множеств, квантовой механике и многому-многому другому.

Эта книга для физиков – и лириков, теологов – и людей сугубо светской культуры, для западников – и почвенников, традиционалистов – и новаторов, для всех – и против всех. Она приемлет все основные тенденции знания – и все находит узкими. Она строит синтез, с позиций которого многие тысячелетние противоречия оказываются мнимыми. Это самая всеприемлющая – и самая нетерпимая – к выжившему из ума в современной культуре – книга.

Цена книги – 35 US \$

Заказы направлять по адресу:

Yevgeny Nakleushev,
626 Water St., ap. 6 E, New York, NY 10002, USA

О. Поляков

**Вопросы улучшения
антикоммунистической пропаганды
в частности
радиовещания на Советский Союз**

Недостаточная эффективность американской пропаганды

Соединенные Штаты Америки проигрывают пропагандистскую войну с Советским Союзом. На общем фоне потери политического и идеологического влияния Соединенными Штатами и возрастания такового влияния СССР, особую тревогу вызывает весьма низкая эффективность американской пропаганды в отношении советского населения.

Недостаточный уровень американской пропаганды отмечается всеми эмигрантами и беженцами из СССР, независимо от их национальной, религиозной или политической принадлежности.

Ошибки, допускаемые американскими пропагандными органами, болезненно воспринимаются всеми антикоммунистическими силами в СССР. Уровень американской пропаганды оценивается ими очень низко, нередко можно слышать, что лучше бы её не было, так как она только вредит. Не впадая в крайности, необходимо признать, что многие мероприятия американской пропаганды дают материал для советских контрпропагандных ударов, особенно эффективных внутри СССР.

Три группы ошибок

Ошибки, допускаемые американской пропагандой, можно разделить на три группы, отличающиеся по своему уровню. Первую группу составляют ошибки принципиального характера, вторую группу можно назвать ошибками тактическими, третью – оперативными.

Если устранение принципиальных ошибок потребует значительного изменения подхода к антисоветским силам в СССР и вне его, устранение тактических ошибок возможно без значительных усилий. Устранение же оперативных ошибок, при всей кажущейся их незначительности, будет способствовать значительному изменению настроения советских масс.

Принципиальные ошибки. Отсутствие ясной цели

Основными принципиальными ошибками, лишаящими должной эффективности американскую пропаганду, являются: в первую очередь, отсутствие четкой цели и, во-вторых, неправильное определение цели.

Американская пропаганда расплывчата, часто излишне интеллектуальна или же стремится к занимательности, во вред тем важным задачам, которые стоят перед нею. В общем, из нее не видно, для кого она в первую очередь предназначена и какие конкретные цели преследует. В ряде случаев в ней чувствуется не стремление сказать правду, обычно весьма неблагоприятную для советского режима, а желание сгладить углы, сохранить дипломатическую вежливость и мнимую объективность, в некоторых случаях даже найти оправдывающие мотивы поступкам советской власти. Американская пропаганда стремится угодить всем, впадая в противоречия и часто делая неправильные оценки.

Против коммунизма и советской власти, а не против русского народа

Происходит это, прежде всего, из-за того, что американская пропаганда, по существу, не знает против кого она ведет пропаганду – против советской власти или против русского народа, и где кончается одно и начинается другое. Но в любом случае необходимо уяснить себе, что **любая пропаганда против русского народа не только подчеркивает все усилия любой другой пропаганды, но служит усилению советской власти.**

Любая, даже самая маленькая ошибка в этом отношении используется весьма эффективно советским пропагандистским аппаратом.

Патриотические чувства русского народа

Американская пропаганда не учитывает такого мощного психологического и идейного фактора, как *патриотическое чувство* русского народа. В результате этого наблюдается неправильная оценка внутреннего положения в стране и непонимание реальной расстановки ценностей в сознании советских людей.

Следует твердо осознать, что русский народ в своей основной и наиболее дееспособной части *не потерял чувства патриотизма*. Широкие массы русского народа, а вместе с ними и многие люди других национальностей, гордятся победой во второй мировой войне, горды такими достижениями, как успехи в космосе, в науке, спорте, и даже такими фактами, как мощь советской армии.

Борьба против русского народа – путь к войне

Попытка вести борьбу против русского народа, а не против коммунистического режима, являющегося явлением **интернациональным**, делает неэффективной и бесперспективной любую пропаганду и, в конечном итоге,

ведет к войне, в которой русский народ – а вместе с ним руководимые им другие народы Советского Союза – окажут ожесточенное сопротивление. Независимо от конечного результата войны, это будет иметь самые отрицательные последствия как для США, так и для всего мира.

Не повторить ошибку Германии

В этом отношении серьезным уроком должна быть ошибка, допущенная Германией во второй мировой войне. Начав войну с СССР под лозунгами борьбы с коммунизмом, она достигла колоссальных успехов, но как только стало ясно, что война ведется фактически против русского народа, положение резко изменилось и Германия проиграла войну на восточном фронте, несмотря на то, что все объективные, материальные факторы были в её пользу.

Отсутствие альтернативы для антикоммунистических сил в России

Наиболее дееспособные и активные слои населения Советского Союза – армия, промышленники-технократы, научные работники, в значительной части, сознают преступность и неспособность советского правительства, но в силу своего патриотизма продолжают сотрудничать с советским режимом, так как он является для них привычной, и, главное, *единственной формой*, в которой они могут в настоящее время осуществлять свои патриотические и творческие стремления. Часто сознавая, что советское правительство и коммунистическая партия мешают их плодотворной работе, они мирятся с этим, так как для них нет *другой приемлемой альтернативы*.

Следует обратить внимание на тот факт, что многие тысячи советских граждан – моряки, журналисты, спортсмены, ученые, дипломаты, торговые представители, туристы – имеют реальную возможность покинуть СССР,

но делают это сравнительно редко. Значительную роль в сохранении верности по отношению к советскому государству играет убеждение этих людей, что они работают на благо своего народа и своей страны, их *чувство выполнения своего патриотического долга*.

Простое предложение американского демократического общественно-политического строя – недостаточная альтернатива

Ошибочно мнение, что простое предложение американского демократического общественного строя является достаточной альтернативой. Большинство русского народа с большим удовлетворением приняло бы открытое плюралистическое общество и рыночную экономику, но это только одна сторона вопроса. В этой альтернативе, во-первых, *не виден путь её осуществления*, и, во-вторых, *нет ничего, касающегося будущего национального и государственного существования русского народа*.

Мнимый выбор между двух зол

Ввиду указанной неопределенности американской позиции в отношении русской государственности и русского национального существования, а также из-за указанного выше смешивания советского режима и русского народа и поддержки американской пропагандой шовинистических движений и ставки на расчленение русского государства, что будет рассмотрено в дальнейшем, перед русским человеком возникает дилемма – в настоящем случае, надеемся, мнимая – какое же зло хуже: советская власть или потеря национальной самобытности и государственности? По существу, это та же проблема, которая возникла перед русским народом в начале второй мировой войны – быть ли со Сталиным или с Гитлером? Советская пропаганда умело использует этот пробел в американской пропаганде, усиленно уверяя, что именно советская власть – единственная сила, защищающая русский народ и русское государство.

В результате, многие люди, являющиеся антикоммунистами, выбирают, как они думают, меньшее зло: мирятся с существованием советской власти.

Расчет на эволюцию советской власти и „доброе царя“

Своеобразным результатом этого компромисса между своими антисоветскими убеждениями и реальной жизненной практикой, у многих появляются надежды на эволюции советской власти и на появление „доброе царя“ – то есть, коммунистического диктатора, менее жестокого, чем Сталин, и более разумного, чем Хрущев или Брежнев. Такая позиция вызывает пассивно-выжидательное поведение русских людей, что, в конечном счете, на пользу советской власти. Вывести народ из такого пассивного состояния, активизировать его антисоветский потенциал – одна из актуальных задач американской пропаганды.

Следует отметить опасность, которая таится в таком положении для западного мира. Если в Советском Союзе действительно появится такой „добрый царь“, который сумеет как-то удовлетворить довольно низкие, по сравнению с западными стандартами, экономические потребности народа и даст какие-то ограниченные демократические свободы, не затрагивающие сущности и основ советской власти, то создастся ситуация, в которой кремлевские власти, как-то стабилизировав внутреннее положение и заручившись большей, чем сейчас, поддержкой народа, смогут повести еще более агрессивную внешнюю политику.

Необходимость разумной альтернативы

Поэтому основной задачей антикоммунистической пропаганды в Россию является открытие *разумной альтернативы* советской власти и коммунистической партии, альтернативы, удовлетворяющей патриотические чувства

и творческие стремления здоровых сил в Советском Союзе, прежде всего русского народа.

Единственной такой приемлемой альтернативой является создание русского – или под руководством русского народа – свободного, демократического, суверенного, единого (или, во всяком случае, не расчлененного насильственным путем) государства, которое могло бы занять достойное место среди свободных, демократических держав *соответственно своему политическому, духовному и экономическому потенциалу.*

Пример – послевоенная политика США по отношению к Германии

В качестве примера мы снова можем обратиться к Германии и ко второй мировой войне, вернее – к послевоенному периоду. После крушения нацизма Соединенные Штаты по отношению к немецкому народу не стали на путь мести, национального и государственного уничтожения Германии, а открыли путь немецкому народу к свободе и демократии. Блестящие результаты такой политике налицо – Западная Германия сейчас один из оплотов демократии в Европе, и, несмотря на все попытки возрождения, нацизм полностью изжит. Такая же политика должна проводиться по отношению к русскому народу – ему должен быть указан путь к свободе и демократии при *полной гарантии его национального существования и государственности.*

В данном вопросе не имеет существенного значения то, что в первом случае – с Германией – США имели дело с побежденным народом, а во втором – с русскими – с народом, обладающим в настоящее время колоссальной военной мощью. Дело не во внешних обстоятельствах, а в принципиальном политическом подходе к народу, в признании его основных национальных и государственных прав.

Завоевание дружбы русского народа

Советская власть толкает русский народ на путь конфронтации с США, воспитывает народ в недружелюбных чувствах к американскому народу. Америка не должна поддаваться этой провокации и отвечать на вражду враждой, тем более, что недружелюбие к Америке русскому народу навязано обманом и не имеет реальной почвы. Американскому и русскому народу не о чем спорить, так как нынешняя агрессивность Советского Союза не продукт русского народа, а советской власти.

Американская пропаганда должна показать русскому народу, что советская власть лжет, что Америка не враг, а друг ему, что Америка не хочет его ни унижить, ни уничтожить, а хочет лишь помочь ему освободиться от ненавистной для русского народа советской власти, представляющей опасность для всего мира, в том числе и для Америки. Это не должны быть пустые заверения о любви и дружбе, а конкретное раскрытие перспектив существования русского народа в свободном демократическом государстве, разъяснение основ политики США по отношению к такому русскому государству, и, наконец, помощь теми средствами, которыми располагают органы пропаганды, русскому народу в освобождении от советской власти, то есть, осуществление пропагандно-идеологического и политического наступления на СССР.

Другого пути нет

Путь политического и идеологического наступления на СССР, в основе которого лежит раскрытие приемлемой национальной и государственной альтернативы для русского народа, при нынешней ситуации единственно разумный и возможный.

Известно, что и в США, и в других странах антикоммунистического блока, имеются влиятельные круги, для которых нежелательно образование относительно мощного национального некоммунистического русского

государства. Но следует уяснить себе, что нынешнее международное положение, соотношение военной мощи и, главное, внутреннее положение в СССР таково, что необходимо *не только примириться с этой перспективой, но и способствовать её осуществлению*. Это реальность, от которой не уйти. Попытки найти любое другое решение приведут, так или иначе, к ядерной войне.

Военное решение исключено

Не вдаваясь в споры о том, на чьей стороне военное превосходство, мы должны признать, что времена абсолютного военного превосходства США над СССР прошли, и даже если в результате гонки вооружений – которая сама по себе пагубна для обеих сторон – США сумеют добиться какого-то преимущества в вооружениях, все равно мощь Советского Союза будет такова, что Америка не сможет пойти на риск попытаться уничтожить советскую власть военным путем, так как даже в случае победы США американские потери будут колоссальны.

Роль русского народа в случае войны, развязанной СССР

То, что США откажутся от применения военной силы для устранения коммунистической опасности еще не значит, что опасность войны полностью устраняется. Она может быть развязана коммунистической властью, преследующей свои глобальные агрессивные цели. Для предотвращения военной коммунистической агрессии свободный мир должен располагать соответствующей военной мощью, так что любое политическое решение, включая и предлагаемое здесь, не исключает сохранения, по меньшей мере, паритета в вооружениях.

Но основной вопрос, который нас интересует, это то, каково будет настроение русского народа в случае военного столкновения. Мы должны признать, что очень важное, если не решающее. Если русский народ в

течение войны будет поддерживать советскую власть, возможность победы США будет весьма проблематичной, если не невозможной. Наоборот, отказ русского народа от поддержки советской власти приведет к немедленному её краху. Поэтому, борьба за души русского народа получает первостепенное значение в предвидении возможного военного столкновения.

Политическое решение не есть дипломатическое решение

Когда мы говорим о „политическом“ решении проблемы, мы имеем в виду *активное политическое и идеологическое наступление на советскую власть в России, действительную политическую, идеологическую и пропагандную помощь антисоветским, прежде всего русским силам, внутри СССР и за рубежом*, для ослабления коммунистического режима с конечной целью его свержения. Это не дипломатические пути, цель которых – поиски компромисса, какое-то временное сдерживание или ограничение противника, не угрожающее самому его существованию.

Следует отметить, что даже в самые благоприятные времена политики разрядки, противная сторона – т.е. советская власть – не только не отказалась от политически-идеологического противостояния, а наоборот, всячески подчеркивала, что государственное сосуществование двух различных общественно-политических систем ни в коем случае не означает их идеологического примирения.

Бесперспективность политики сдерживания

Политика сдерживания имеет только ограниченный смысл, так как решает вопрос только частично, обеспечивая временную, сиюминутную безопасность Соединенных Штатов и также только временно устраняет опасность войны. Но она не устраняет корень зла, постоянную угрозу со стороны советской власти, которая исчезнет только вместе с ликвидацией коммунистического режима.

Политика сдерживания до некоторой степени служит укреплению советской власти. Пока она в силе, советские правители могут считать себя в относительной безопасности от военного удара со стороны США и рассчитывать свои агрессивные замыслы на практически любой срок.

Но более существенно то, что политика сдерживания невольно толкает русский (да и не только русский) народ в объятия советской власти. Мы должны реально представлять себе положение и психологию рядового советского человека. Как бы ни было, политика сдерживания – это политика военными средствами, до поры до времени не применяемыми активно; это политика угрозы физического уничтожения. Советский человек не имеет возможности реально влиять на политику своего правительства и удержать его от развязывания войны. С другой стороны, он все время слышит со стороны США угрозы военного возмездия, и одновременно ему все время твердят, что США стремятся к развязыванию войны. Ему, как и любому, скажем, американцу, не хочется погибнуть при ядерном взрыве, и он **вынужден** выбрать единственный доступный ему путь защиты от такой гибели – поддержку военных приготовлений советской власти, в надежде, что советская власть, защищая себя, защитит и его.

В таких условиях еще большее значение получают, во-первых, дружественная американская пропаганда и, во-вторых, активная наступательная пропаганда, помогающая советским людям, прежде всего русским, противиться политике советской власти. В любом случае, любое мероприятие, ведущее к ослаблению советской власти, целесообразно и при политике сдерживания.

Стремление „пережить“ коммунизм опасно

В определенной части американского народа бытует мнение, что коммунизм не является такой грозной опасностью, как его изображают, что благодаря географической изолированности (это, конечно, вопиющий анахро-

низм в век межконтинентальных ракет и спутников), сдерживающей военной силе и экономической мощи Америка „переживет“ коммунизм, то есть, дождется или эволюции, или крушения советской власти без каких-либо активных действий со стороны США. Не пускаясь в детальную критику таких настроений, отметим, что даже если произойдет какая-то эволюция, то она никогда не затронет двух вещей: внутреннего единовластия коммунистической партии и агрессивности советской власти вовне. Что же касается самопроизвольного крушения советской власти, то оно предсказывалось уже многократно (наиболее известно последнее, Андрея Амальрика, предсказавшего конец СССР в 1984 году), но все предсказания оказались несостоятельными прежде всего потому, что к СССР прикладывались мерки, пригодные только для западного мира. Не вдаваясь в анализ этого вопроса, отметим, что активная политическо-пропагандная наступательная деятельность увеличит шансы, что США „переживут“ коммунизм.

Вред от разыгрывания „китайской карты“

Мы рассмотрим только то влияние, которое оказывает разыгрывание „китайской карты“ на идеологическо-пропагандное воздействие на русский народ. В России народ очень боится Китая, рассматривает возможную войну с Китаем, как второе монгольское нашествие, которое он пережил много веков тому назад. Поэтому все мероприятия, как дипломатические, так и военные, связанные с Китаем и направленные против СССР, вызывают отрицательную реакцию и пагубно отражаются на успехе антисоветской пропаганды у подсоветских людей.

Советские руководители также понимают опасность военного столкновения с Китаем и пойдут на него лишь в крайнем случае, вероятно, только при прямом нападении Китая, на что Китай в настоящее время не способен. Так что надежды, что Китай и СССР взаимно ослабят себя своим соперничеством, а тем более, что Китай уничтожит СССР, несбыточны.

Некоторые тревожные явления в СССР

В последнее время в СССР наблюдается значительное снижение государственной и общественной дисциплины, увеличение коррупции и спекуляции, падение производительности труда. Это вызывает возмущение в широких слоях населения, а прежде всего в здоровых, дееспособных, патриотически настроенных кругах. В результате недовольства действиями правительства в этом отношении, в этих кругах появляются настроения, весьма опасные как для русского и других народов СССР, так и для свободного мира и для всего человечества.

Неосталинские настроения

Прежде всего, наблюдается усиление *просталинских настроений*. Многие считают, забывая сталинские политические репрессии, что при Сталине было больше порядка, что сталинский режим был более благоприятным и эффективным в отношении укрепления государства и поддержания внутренней дисциплины.

По сведениям из СССР, меры Андропова по наведению порядка, в общем, приняты в народе благожелательно.

Усиление влечения к китайской модели коммунизма

С другой стороны, наблюдается - вопреки страху перед китайцами - усиление влияния сторонников *китайской модели коммунизма*, вплоть до отказа от лидерства в коммунистическом мире. Про-сталинские круги также сторонники сближения с Китаем.

Таким образом, за неимением другой альтернативы, как раз наиболее творческие и, по своему, наиболее патриотические круги скатываются на позиции усиления диктатуры и укрепления союза с Китаем, ужесточения отношений со свободным миром.

Опасность такой тенденции очевидна. Это еще настоятельнее требует усиленной работы по созданию и пропа-

ганде разумной, приемлемой и для русского народа, и для свободного мира, альтернативы – а именно, программы *преобразования СССР в национальное, свободное демократическое государство.*

Кроме русских патриотических сил в СССР не на кого рассчитывать

Единственной силой, которая при создании для нее определенной приемлемой альтернативы способна свергнуть советскую власть без внешней войны, являются патриотически настроенные круги русского народа. Поэтому предлагаемая альтернатива прежде всего должна соответствовать настроениям и чаяниям этих кругов.

Слабость диссидентов

В последние годы много надежд возлагалось на диссидентское движение в СССР, в частности, оно оценивалось слишком высоко ввиду схожести его идей с идеями либерально настроенных американских кругов. Не отрицая определенную ценность этого движения, следует признать (это сейчас уже очевидно), что оно не способно изменить коренным образом что-либо в СССР. Оно затрагивает только узкий круг гуманитарной интеллигенции, разрознено, в значительной части национально и религиозно обособлено от основной массы народа.

Несостоятельность ставки на сепаратистские движения

Ставка на сепаратистские движения может иметь какой-то успех лишь в окраинных районах страны (при абсолютно нулевом эффекте в Белоруссии и в восточных районах Украины). Кроме того, исторический опыт учит, что и до, и после революции центростремительные силы были всегда сильнее, и что русские, тем или иным способом, добивались сотрудничества национальных меньшинств с ними. Общеизвестна безуспешная попытка

немцев во время второй мировой войны сыграть на межнациональной розни в СССР. В то же время, ставка на расчленение страны ведет к *сплочению сторонников единства страны – не только русских – вокруг советского правительства.*

Необходим прагматический подход к национальному вопросу

Не вдаваясь ни в критику, ни в оправдывание поддержки сепаратистских движений в СССР, необходимо в этом вопросе придерживаться практического, целесообразного подхода. Сила сепаратистских движений внутри СССР ничтожна и все свои надежды они связывают только с поддержкой США. В любом случае они будут придерживаться проамериканского курса и находятся, так сказать, у американцев „в кармане“. Другое дело с русскими патриотическими силами. Их любовь и доверие следует еще завоевать. Поэтому любая политика, ставящая свой упор на поддержку только шовинистических сил в России, вредна, так как, не давая никаких дополнительных выгод, мешает установлению дружбы и доверия с русским народом.

Объекты пропагандного воздействия

Если принять, что необходима пропаганда альтернативы советскому строю, приемлемой для дееспособных патриотических сил русского народа, следует рассмотреть, какие могут быть носители этой идеи в советском государстве и на какие группы населения должно быть направлено идейно-политическое и психологическое воздействие пропаганды.

Основной объект воздействия – армия

Единственной группой, которая в настоящее время обладает реальной силой и могущей в той или иной сте-

пени противостоять диктатуре коммунистической партии, является армия. В ней имеется достаточное количество патриотически настроенных людей, ставящих свой долг перед страной и народом выше, чем свои обязанности по отношению к партии.

Поэтому первой и основной задачей американской пропаганды является донесение до советской армии идеи, что советское коммунистическое государство не является единственной государственной и общественной формацией, обеспечивающей осуществление патриотических стремлений, что свободное демократическое государство лучше обеспечит возможность работы на благо народа, что свержение коммунистической диктатуры принесет счастье и свободу народу и освободит армию от двусмысленного положения, при котором она вынуждена служить режиму, порочность которого она сознает, что ни США, ни другие страны свободного мира не являются врагами русского народа, а только коммунизма во всех его проявлениях, и не будут препятствовать образованию свободного суверенного русского государства и с готовностью примут его в семью свободных миролюбивых государств, что не будет насильственного расчленения государства, и что будет уважаться воля и желание любой из народностей, населяющих страну, в отношении выбора своего государственного статуса.

Одной из первых задач является поднятие самосознания армии, показа ей, что она является не бессловесным орудием власть имущих, а силой, способной самостоятельно решать не только вопросы защиты государства, но и вопросы государственного и общественного устройства страны, что она способна взять в свои руки власть, и что нет реальной силы, способной противостоять ей.

Отрыв армии от партии возможен

Хотя армия в течение всего времени существования советской власти находится под строжайшим контролем партии, отношения между партией и армией далеко не

всегда были гладкими, и недовольство армии своим подчиненным положением проявлялось довольно часто. В настоящее время положение в значительной мере изменилось. Хрущев впервые использовал армию для достижения своих политических целей, в частности в борьбе против сил государственной безопасности, и хотя ему впоследствии удалось оттеснить армию на задний план, прецедент не остался без последствий, и армия постепенно увеличивала свое политическое влияние. Кульминационным пунктом этого процесса, повидимому, была победа Андропова в борьбе за власть – армия, повидимому, имела решающее значение в этой борьбе; нельзя утверждать, что она была самой сильной из трех групп – партии, армии и КГБ – но армия была третьей силой, склонившей чашу весов в пользу Андропова. Бесспорно, это усилило позицию армии и дало ей больше самостоятельности. Чрезвычайно важным фактором в отношениях армии и партии являются события в Польше, точнее – передача власти от партии военным. Такого случая в истории коммунистических режимов еще не было. Разложившуюся, ни к чему не способную партию, заменила у кормила власти армия, и если бы не угроза с Востока, возможно, это был бы вообще конец коммунистической власти в Польше. Во всяком случае, события в Польше значительно повысили престиж армии, как возможной правящей силы, не только в Польше, но и во всех странах советского блока, в том числе и в СССР.

Второй объект воздействия – промышленные и научные круги

Второй группировкой, способной принять действенное участие в свержении коммунистического режима при условии какого-то соблюдения своих государственно-патриотических чаяний, являются руководители промышленности, сельского хозяйства, а также работники научных учреждений. В этих кругах вполне созрело убеждение, что нынешний коммунистический режим не

только не обеспечивает их эффективную работу, но что партийное руководство, во все вмешивающееся, всем руководящее и ни за что не отвечающее, только вредит. В силу этого можно ожидать, что эти круги будут еще более восприимчивы к идее смены власти. Но из-за того, что они не располагают реальной силой, они могут только оказать помощь армии, с которой они связаны многими узами, как деловыми, так и личными.

Важность религиозной пропаганды

Для создания определенной идейной атмосферы весьма важна соответствующая пропагандная деятельность с целью укрепления религиозного движения в России. В результате того, что коммунистическая идеология полностью себя изжила в широких массах, в СССР создан идеологический вакуум. Попытка западной пропаганды заполнить его ультрасовременным искусством, поп-музыкой и т.п. имеет лишь ограниченный успех – обычно этим увлекаются молодые люди в возрасте 16-18 лет, позже же это увлечение изживается и люди становятся безыдейными и бездумными слугами советского режима. Несравненно более продуктивным является воспитание молодежи в духе высших ценностей, в частности, религиозных, несовместимых с коммунистической идеологией и практикой и остающихся в душах на всю жизнь.

В обстановке духовного вакуума снова набирает силу и значение православная церковь. При этом следует учесть, что в силу её традиционного значения в истории русского народа, она пользуется уважением в широких слоях народа, к ней нет пренебрежительного отношения не только у людей, равнодушных к религии, но и у воинствующих атеистов.

Необходимо женское религиозное движение

В религиозно-этической пропаганде особое внимание следует обратить на женщин, так как они составляют

основную часть верующих. Миф об „освобождении женщин“ в советском обществе давно развеян, что признают и советские социологи, не высказываясь прямо. Религиозное, в частности православное, женское движение может иметь большое будущее и является существенным фактором в идеологической борьбе с советским режимом.

Тактические ошибки американской пропаганды

Основными тактическими ошибками американской пропаганды являются: *неправильное понимание психологии советского слушателя*, а также *отсутствие четкой оценки событий, фактов, идей*. Кроме того, есть некоторые технические ошибки, связанные с своеобразием передач на СССР.

Необходимо учитывать психологию советского слушателя

Советское общество – это общество лжи, лицемерия и показных лживых успехов. Советский человек привык, что ему лгут, или же, по меньшей мере, что ему замалчивают правду. Поэтому он всегда делает поправку по отношению к тому, что он читает или слышит, причем всегда *в сторону, неблагоприятную для источника информации*. Благоприятные факты он преуменьшает, отрицательные усиливает. Советский читатель привык читать между строк, домысливать прочитанное и услышанное даже тогда, когда никакой лжи или скрытого смысла нет. Такая привычка советского слушателя ставит серьезные проблемы перед американской пропагандой. Советский человек, в общем, доверяет американской пропаганде, верит ей – во всяком случае больше, чем советской. *Но нельзя обольщаться этим и строить на этом свой стиль пропаганды*. Доверие это, можно сказать, от ума, а многолетняя привычка вносить свои коррективы внедрилась глубоко в психологию и от этого советский слушатель не может освободиться.

Формальная объективность приводит к неправильному восприятию

В связи с указанным искаженным восприятием подаваемого материала советским слушателем, возникает вопрос об эффективности информации, вернее, о том, какая объективность преследуется американскими источниками информации при работе на Советский Союз: формальная ли объективность, дающая искаженную картину в сознании советского слушателя, или же информация, создающая правдивую, объективную картину у слушателя.

Уравновешенный подход недопустим

Очевидно, что необходимо не придерживаться формальной объективности, а идти по второму пути, то есть, стремиться, чтобы у советского слушателя несмотря на все aberrации, создалась правдивая картина о сообщаемом. Сбалансированный подход, привычный и нужный для западного слушателя, абсолютно не подходит для советского человека. Необходимо учитывать, что на небольшое количество правдивой информации, доходящей до советского слушателя, накладывается огромное количество лживой, совершенно не сбалансированной советской пропаганды, и как бы скептически ни относился к ней советский слушатель, она свой след оставляет.

Пропаганда должна быть правдивой, но пристрастной

Американская пропаганда должна быть *пристрастной*, должна подбирать факты, события, идеи с учетом определенных целей, поставленных перед ней. Она должна доносить истину до советского слушателя и убеждать его в своей правоте вопреки всем физическим и психологическим преградам.

Каждое сообщение должно содержать одиночный компонент

Вторым недостатком американской пропаганды является *отсутствие оценки*. Этот недостаток тесно связан с указанным выше порочным стремлением к формальной, выхолощенной объективности. Советский человек не привык к такому подходу. Ежедневно он слушает информацию, в которой чётко и жестко высказывается одобрение или неодобрение предмета информации. Несмотря на то, что такое навязывание мнения часто его раздражает, он привык к такой манере и *любая неопределенность оценки воспринимается им как скрытое признание своей неправоты*. Этим психология советского слушателя коренным образом отличается от психологии слушателя из свободного мира. Американская пропаганда должна твердо знать, какие она истины защищает, должна обрести внутреннюю уверенность в правоте этих истин и не бояться открыто защищать эти истины, четко определяя, что для нее добро и что для нее зло.

Учитывать условия, в которых слушают радиопередачи в СССР

В американских радиопередачах недостаточно учитываются условия, в которых их слушает советский слушатель. В СССР слушание иностранных радиопередач, особенно таких, как радиостанции «Свобода», если не уголовно наказуемое, то во всяком случае не рекомендуемое занятие, причем все передачи, как правило, глушатся. В американских передачах, особенно в передачах последних известий радиостанцией «Голос Америки», сначала дается объективно-безразличная, беспристрастная информация о событиях, без какой-либо оценки и без высказывания своего отношения к этим событиям, а затем только, в дополнительных комментариях, обзорах печати и т.п. дается оценка фактов, событий, высказываний. Это уже

неправильно по той причине, что слушатель, часто из-за недостаточности информации, а также из-за того, что он уже перед этим получил по этому же вопросу советскую пристрастную и лживую информацию, может преждевременно самостоятельно сделать неправильную оценку, от которой ему впоследствии будет трудно освободиться. Затем, в условиях, когда возможности слушать иностранные радиопередачи ограничены, такое построение передач неудачно: основную передачу слушатель постарается обязательно прослушать, дополнительные – не всегда. Все части передачи должны сопровождаться четкой оценкой, причем, возможно, лучше увеличить количество основных передач, сократив число дополнительных.

Мелкие „оперативные“ ошибки снижают качество передач

Мелкие „оперативные“ ошибки американской пропаганды многочисленны и создают, к сожалению, не очень благоприятный фон. Рассмотрим некоторые из них.

Использовать терминологию, точно отражающую сущность объекта

Одна из „оперативных“ ошибок – терминологический „плен“ американской пропаганды, неразумное и некритическое использование советской терминологии.

Бесспорно, пропаганда должна вестись на языке и понятиями, понятными и привычными для слушателя. Но в каждом слове, в каждом термине, помимо его прямого значения, имеется скрытое, оценочное или эмоциональное значение. К сожалению, американская пропаганда не учитывает этого и слепо копирует советскую терминологию в своих передачах.

Возьмем, в качестве примера, такой термин, как „выборы“. Чего стоят редкие передачи с критикой комедии, называемой в Советском Союзе „выборами“, если в

десятках других передач этот фарс все же называется „выборами“? Что стоит критика Бабрака Кармаля, если его постоянно называют „главой правительства“, изредка лишь вспоминая, что он пустая марионетка? Американская пропаганда забывает, что многие вещи и в свободном мире, и в Советском Союзе имеют, формально, одинаковое название. Но назвать их одинаково – означает ставить знак равенства между ними, придавая советским учреждениям юридические и этические качества, присущие одноименным учреждениям в свободном мире.

Пропаганда должна быть тактичной

Далее, американская пропаганда часто вызывает раздражение советского слушателя бестактным и неумеренным восхвалением американского образа жизни, особенно лучших материальных условий, в которых живут американские граждане. Это часто делается и преподносится так, словно это превосходство американцев над русскими вообще, а не превосходство американского свободного экономического строя перед советским плановым хозяйством. Кроме того, советский человек даже самым тяжелым трудом не может честным путем добиться хоть доли того благополучия, каким располагают трудящиеся в свободном мире. У него невольно возникает мысль, что это благополучие достигается нечестным путем, или же, если оно массовое, за счет эксплуатации других народов. Эту мысль, в частности, усиленно вдалбливает советская пропаганда.

Поменьше занимательности

Большим недостатком американской пропаганды является стремление к занимательности. Этим как бы стремятся привлечь дополнительный контингент слушателей, но этот расчет неверен – те люди, которых привлекают занимательные передачи, политически обычно довольно индифферентны. С другой же стороны, из-за

обилия занимательных передач, политически активные люди остаются без нужной им информации. В общем, слишком много времени отводится джазу, кино, спорту. Это не просто загубленное время радиопередач. Это приносит и прямой вред, так как создает впечатление, что эти вопросы основные в жизни свободного мира. Советское правительство для того, чтобы снизить давление, вызванное недовольством из-за неустроенности жизни и отсутствия политических свобод, направляет интересы молодежи на спорт, кино и даже на современную музыку, хотя и считает её не совсем приемлемой с идеологической точки зрения. Избыток американских и других передач в этой области только помогает оболваниванию советской молодежи.

Русское радиовещание необходимо организационно выделить

Очень неблагоприятный эффект оказывает то, что из одного „гнезда“ – т.е. одной радиостанции ведутся передачи, противоречащие одна другой. Кого могут убедить передачи на русском языке, проповедующие одни цели, если тут же, по той же станции, начинаются передачи на другом языке – украинском, литовском и т.д. – в которых передаются вещи, абсолютно неприемлемые для русских? Советская контрпропаганда с успехом использует этот факт. Нельзя рассчитывать на незнание языка – украинский и белорусский языки понятны каждому русскому, другие же языки знакомы многим русским.

Радиовещание на русском языке должно быть выделено, по меньшей мере формально (другое название радиостанции, отличное от «Свободы»). Предпочтительнее полное, фактическое выделение, так как задачи радиовещания на русском языке существенно отличаются от задач радиовещания на других языках. К подготовке программ для русских должны шире привлекаться русские по национальности.

Русское дело должно делаться русскими руками

Наконец, даже простой перечень имен дикторов, ведущих передачи, скажем, по «Голосу Америки», неудачен. США многонациональное государство и для американца нет ничего удивительного, что могут быть американцы русского происхождения. Советский же человек так воспитан – несмотря на весь „интернационализм“ – что от имени России может говорить только русский, а от имени США – только чистокровный американец, т.е. человек английского происхождения. Советская пропаганда подогревает у советских людей мнение, что эти дикторы с русскими, еврейскими и другими фамилиями не выражают подлинного мнения американского народа, что это всяческие отщепенцы, „изменники родины“ и т.п. К сожалению, эта пропаганда имеет определенный успех, и люди часто забывают, что дикторы лишь технические исполнители. Таким же образом, необходимо, чтобы передачи радио «Свобода» велись русскими дикторами и подготавливались русскими авторами, украинские – украинцами и т.д.

*

Таковы мое мнение и мои соображения насчет настоящего положения и будущей работы органов американской пропаганды, в частности радиовещания на Советский Союз.

Вопросы конкретного осуществления этих положений, а также их детализации и рассмотрение подробных путей проведения пропаганды требуют особого, большого исследования. Имеется много путей и способов эффективного воздействия на сознание и психологию советского гражданина, не используемых антикоммунистической пропагандой из-за того, что она к советскому человеку подходит с нормами, пригодными лишь для человека, выросшего в условиях свободного мира.

ОТ РЕДАКЦИИ: Настоящая статья является меморандумом, который летом 1983 года был направлен автором руководству радиостанции «Свобода», Летом 1984 года меморандум стал предметом обсуждения на совещании по русскому национализму, проведенном на радиостанции «Свобода» (в частности в докладе А. Синявского). Автор меморандума на совещание приглашен не был. На совещании использовался какой-то „Абстракт“. В докладе Синявского меморандум подвергся различным искажениям – неизвестно, по вине ли Синявского или составителей „Абстракта“. Кроме того, текст меморандума или „Абстракта“ стал достоянием многих лиц, значительное число которых настроены или вообще антирусски, или же являются противниками русского национального возрождения. Все это побудило редакцию альманаха «Вече» опубликовать полностью текст меморандума.

А. Троицкий

О той же проблеме с другой стороны

С большим интересом ознакомился с содержанием статьи Епископа Григория „Измена православию (календарная проблема)“, опубликованную в «Вече» № 14. Мне кажется, что такие статьи своей актуальностью, целенаправленностью и информационной ценностью представляют немалый интерес и для других читателей „Вече“. Ведь среди этих читателей несомненно есть и такие верующие в Бога, которые глубоко задумываются над различными проблемами, связанными с верой. Вот и хотелось бы с позиции такого простого верующего в Бога, высказать некоторые мысли, возникшие при чтении статьи Епископа Григория, вызвавшей и соответствующие вопросы.

Самой главной из возникших мыслей, по принципиальности их значения, мне кажется, будет следующая: несмотря на замечательное исследование календарной проблемы А. Н. Зелинского и не менее замечательную статью Епископа Григория, в которой он, широко цитируя работу Зелинского, доказывает ошибочность отхода некоторых христианских Церквей от Юлианского календаря, самая главная причина такого отхода, на мой взгляд, остается не вскрытой. Не вскрыта именно та причина, по которой возникло столь печальное и, можно даже сказать, скандальное положение, когда два фундаментальных и единых для христиан события: Рождество

и Воскресение Христово, оказались на протяжении веков и по наши дни без единого дня их празднования. Поэтому на фоне такого, дискредитирующего христианскую веру, положения, календарная причина выглядит скорее следствием другой причины, по поводу которой церковное руководство занимает неясную и скорее отрицательную позицию. В виду я имею *отношение Церкви к научно-техническому прогрессу человечества*.

В истории человечества хорошо известны периоды отрицательно-воинственного отношения Церкви к проявлению человеком своих познавательных и творческих дарований. Если принять во внимание то жизненное значение, которое имеет научно-технический прогресс для человека, то не может не возникнуть вопрос: чем обеспечивается возможность такого прогресса? И если в порядке поиска ответа, мы поставим такой же вопрос, например, по отношению к истокам происхождения рациональных качеств у ординаторов, то мы должны будем непременно ответить, что эти качества произошли вследствие творческого выражения какой-то частицы рациональных качеств самого их творца – человека. Это сознание истинной причины происхождения рациональных качеств электронно-механического существа будет непременно способствовать тому направлению наших мыслей, которое заставит нас вспомнить слова Святого писания где говорится, что „Господь Бог сотворил человека по образу и подобию Своему“.

И вот, если сделать дальнейшее небольшое усилие логического проникновения в содержание такого определения истоков бытия человека, то не может не стать ясным, что проявление человеком познавательных и творческих качеств, *является неизбежностью вытекающей из факта обладания им даров подобия своему Творцу*. Это значит, что Господь Бог желал создать такого человека, который в своем бытии мог, хотя бы в малой степени, проявлять качества Его творческой гениальности. Если бы проявление этих качеств Его не интересовало, то Он бы не создавал человека „по образу и подобию Своему“, а

всего лишь как несколько улучшенное обезьяноподобное существо, и тогда бы, наверняка, человек не слетал бы на луну, а лазил бы только по деревьям и горам. Тогда бы не было необходимости для Господа Бога в организации миссии Иисуса Христа, в существовании Церкви и, разумеется, не могла бы возникнуть „календарная проблема“.

Из церковного определения подлинных истоков бытия и качеств человека следует, что ведомая в прошлом активная борьба Церкви против проявления человеком своих познавательных и творческих дарований, была по существу фундаментальным заблуждением, ибо она велась от имени Бога, против Его же воли, выраженной Им в акте сотворения человека „по образу и подобию Своему“. Было ли это заблуждение невольное или, быть может, дьявол совместно с „кесарями“ попутал церковное руководство, мы не знаем, но такая борьба не могла быть выигранной, а только проигранной Церковью, о чем свидетельствуют практические результаты раскрытия познавательных и творческих дарований человека, всем нам известные, а также и то неприглядное положение, в котором, к глубокому сожалению, оказалась христианская Церковь. Была допущена, подчеркнем еще раз, фундаментальная оплошность со стороны церковного руководства в понимании сущности того главного, чем является для Господа Бога Его подобие – человек.

Церковное руководство учило и продолжает учить, что человек создан „по образу и подобию Господнему“, не учитывая при этом саму сущность качественного значения этих основополагающих слов. Ибо, если бы было иначе, то церковное руководство не искало бы для Церкви роли посредника между Богом и человеком, а стремилось бы ориентировать свою миссию служения Богу через служение Его подобию, в духе учения Иисуса Христа. К великому сожалению, этого не произошло, и вероятно потому, что в далекие времена очень трудно было заподозрить в человеке те колоссальные познавательные и творческие способности, которые определялись его подобием своему Творцу, и наличие которых предопределило те его

качества, которые позволили ему самому стать творцом материальной культуры, в условиях которой он живет. В далекие времена можно было полагать, что человечество будет вечно пребывать в состоянии того „стада овец“, каким оно выглядело при Иисусе Христе. Утвердившие такое ложное представление в различных церковных положениях уже давно оставили наш свет, но ими созданные каноны продолжают и по-ныне определять жизнь Церкви и Её служителей, превращая их в невольных соучастников заблуждений своих далеких предшественников.

Сказанное подтверждается чтением цитаты, приводимой Епископом Григорием для аргументации одного из положений его статьи. Епископ Григорий пишет:

„Собор в Константинополе 20 ноября 1583 г. в ответ на предложение Рима о принятии нового календаря издал определение, в котором предавались анафеме все римско-католические новшества. Седьмой пункт этого определения относится к календарю. Он гласит: „Кто не следует обычаям Церкви и тому, как приказали Семь Святых Вселенских Соборов о Святой Пасхе и месяцеслове и добре законоположили нам следовать, а желает следовать Григорианской пасхалии и месяцеслову, тот, как **безбожные астрономы** (разрядка моя, А. Т.) противодействует всем определениям святых Соборов и хочет им изменить и ослабить, да будет анафема, отлучен от Церкви Христовой и собрания верных.“

В этой цитате нельзя не видеть принципиально-отрицательного отношения участников Собора к „новшествам“ и демонстрацию его сугубо консервативной позиции, несмотря на очевидную в наше время ложность её обоснования. Эта ложность усугубляется постановкой вопроса: на каком основании Собор отнес астрономов в разряд безбожников? Основанием для обвинения астрономов в безбожности могло быть лишь то, что они теоретически доказали, как это сделал выдающийся астроном Николай Коперник, что Земля вращается вокруг Солнца и вокруг

своей оси, в 1543 году, т. е. за 40 лет до Собора, о котором идет речь.

Таким образом, люди, проявившие свои дарования, данные им в силу их подобия Создателю, для познания созданного Им мира, оказались в числе „безбожников“ лишь потому, что доказанная ими истина противоречила ошибочным представлениям участников Собора.

Поэтому, при чтении такого „определения“ Собора невольно ощущаешь чувство стыда за высокопоставленных духовных лиц, и на память приходят слова, сказанные Иисусом Христом: „Прости им, Господи, ибо они и сами не знают, что творят“.

Самое досадное состоит не в том, что участники Собора не имели верного представления о Солнечной системе, а в том, что они проявили непонимание того, что обязаны были понимать, а именно, что такое существо как человек, созданное „по образу и подобию своего Творца“, неизбежно должно проявлять в процессе своего бытия познавательные и творческие качества, ибо они проистекают из дара подобия Творцу.

Следовательно, мы имеем основание считать, что произошло вольное или невольное игнорирование одной из важнейших истин Святого писания, что имело своим последствием неплодотворную ориентацию линии Церкви. И неплодотворную уже только потому, что позиция церковного руководства, которую оно занимало в своих взглядах на человека и его образ бытия, способствовала отталкиванию от Церкви по существу самой развитой и одаренной части людей, которым, в силу присущих им качеств, суждено было сыграть ведущую роль в развитии человеческого общества. Эта думающая, блуждающая в поисках ощутимой разумом Истины, часть человечества, следовала порой в сторону ложных ориентиров, среди которых материалистическое, и по существу своему атеистическое, мировоззрение, явилось одним из опаснейших заблуждений, ибо в нем примитивная часть истины выдается за главную. Стремление к ложным ориентирам усугублялось слабостью влияния на ищущих Истину разумом,

духовных принципов учения Христа. Это дало возможность „кесарям“ использовать Церковь в своих интересах, как и способствовать в дальнейшем созданию воинственно-атеистической идеологии коммунизма с известными последствиями.

Поскольку такая ситуация не препятствовала, а даже благоприятствовала раскрытию познавательных и творческих дарований человека, развитие человечества происходило односторонне. Логическим следствием односторонности процесса развития человечества явилось возникновение опасного разрыва между достижениями в области т. н. материальной культуры и одновременным обнищанием духовной. Опасность состоит в том, что в распоряжении некоторой части людей, духовная культура которых часто основывается на качественно низких принципах миропонимания, оказались величайшие достижения творческого гения человека и среди них, средства уничтожения человечества.

Таким образом, ценою возможности самоуничтожения, человечество может заплатить за допущенные в свое время ошибки, и если есть возможный выход из этого траги-абсурдного положения, то его можно видеть только в направлении возвышения качественного содержания духовной культуры человека до подходящего ему уровня. И это духовное возвышение может произойти лишь тогда, когда вера в Бога и великое рациональное начало бытия нашего мира будет опираться *не только на интуитивное ощущение Его, а на сознательное восприятие Истины.*

Чтобы такое восприятие стало возможным, следует представить современному человеку эту Истину не в образе первичного христианства, а показать ему на основе достигнутого огромного познавательного проникновения в многообразное содержание реальности нашего мира, *проявление исключительной творческой гениальности при его создании.* С момента же умственного ощущения великих истоков бытия нашего мира и той исключительности, которая обеспечена человеку в этом мире, человек не

может не ощутить своей родственной близости к Создателю, не может не осознать, что он является как бы некоторым продолжением Господним в этом мире.

Умственное осознание величия Господнего поставит разум человека под влияние истин Святого писания и поскольку у всякого нормального человека мышление предшествует всяким действиям, то таким образом эти истины будут являться постоянным критерием его жизненных проявлений. Этот процесс умственного осознания великих рациональных истоков бытия нашего мира уже происходит, и можно только пожалеть, что христианская Церковь, оставаясь на своих доктринерских позициях средневековья, не способствует его ускорению. О развитии этого процесса нам свидетельствует писатель Владимир Солоухин, сказавший в своей книге „Камешки на ладони“ следующие многозначительные слова: „В двадцатом веке для каждого здравомыслящего человека нет сомнения в том, что на свете, во Вселенной, в разнообразии жизни существует высшее разумное начало...“, т. е. Бог.

Таким образом, Истина всех истин начнет становиться достоянием всех людей, способных проявлять здоровое, т. е. логическое мышление, что и открывает возможность путем перемены качественного содержания принципов миропонимания в каждом человеке, совершить духовную революцию, разрушить материалистический примитивизм, отравляющий, как опиум, сознание современного человека.

Если же руководство христианских Церквей не сделает соответствующих усилий реформистского порядка, в направлении приобщения человека к вере в Бога через разум, то может случиться так, что верующие в Бога за пределом Церкви, начнут составлять большинство и будут смотреть на Церковь лишь как на общество по хранению древне-христианских традиций.

В наше время следует твердо осознать, что творение, обладающее качествами „подобия своего Творца“, не может в силу этих качеств, оставаться вечно в том состоя-

нии, в каком его застал Иисус Христос, что человеческий род, подобно индивидуальной человеческой личности, не может постоянно пребывать в состоянии детства. Он вырос, – с тех пор как Иисус Христос его благословил на жизненный путь, прошло почти 2000 лет, – он достоин чтобы с ним говорили о все той же вечной Истине на языке взрослого человека, способного понять эту Истину разумом.

Можно думать, что соответствующее достижению этой цели внедрение обновленной ориентации миссии Церкви, может быть осуществленным за счет создания под Её руководством института по установлению рационального характера устройства и взаимосвязанности в многообразном содержании живого мира. Практическая деятельность такого научного учреждения не требует превращения священников в исследователей, а осуществляется за счет творческого контакта руководства института с соответствующими научными учреждениями и личностями. И можно не сомневаться, что таким образом будут получены не менее ценные научные исследования чем, например, исследование календарной проблемы А. Н. Зелинским, которые и должны быть использованы для создания соответствующих литературных произведений и проповедей. Для эффективного раскрытия рациональных истоков различных явлений, проповеди должны произноситься специально подготовленными для этой цели проповедниками. Думается, что на этом пути приобщения человека к умственному ощущению Истины, только и представляется возможным сделать таковую достоянием, ориентирующей на разум части человечества, и тем способствовать всеобщему возрождению веры в Бога. На этом же пути могло бы произойти восстановление ошибочно потерянного единства христианских Церквей, созвучного единству их Идеала.

Где духовный прогресс: в разуме или в сердце?

К статье А. Троицкого

Нельзя не похвалить желания А. Троицкого осмыслить ряд проблем существования человека на земле и отношения Церкви к материальной культуре. Однако, для православного человека невозможно согласиться с его выводами. А выводы эти ошибочны потому, что ошибочны те положения, из которых он исходит.

Прежде всего, о какой Церкви он говорит, когда сетует на „период отрицательно-воинственного отношения Церкви к проявлению человеком своих познавательных и творческих дарований“?

Самой бесплодной работой для человеческого ума является борьба с несуществующим явлением. Между тем, А. Троицкий вовлекся в такую борьбу вследствие того, что пишет по поводу моей работы о Православной Церкви, а говорит о явлении, которое для этой Церкви совершенно чуждо. Дело в том, что „активная борьба Церкви против проявления человеком своих познавательных и творческих дарований“ никогда не была проблемой в Православной Церкви. Это была проблема только западная и преимущественно римо-католическая.

Если где-либо она и могла явиться в Православной Церкви, то это был эпизод какой-то единоличной необразованности.

Я достаточно хорошо знаком с нашими церковными правилами, ибо готовил к изданию их собрание со

своими объяснениями. Так вот, нашими святыми Отцами и Вселенскими Соборами не было издано ни одного правила, ограничивающего изучения или опубликования законов, созданной Богом природы. Лучше всего знал их Адам, который до своего грехопадения управлял материальным творением Божиим. Способность человека повелевать животными и их подчинение ему, даже после изгнания из рая, есть остаток бывшего владычественного положения Адама в мире. Его согласие на соблазн диавола, выступить против установленных Богом законов, перевернуло всю жизнь видимого мира, открыв доступ в нее влиянию диавола. Грех непослушания Богу вошел в жизнь человечества, отделяя его от своего Творца и этим разделением внося в его жизнь смерть и страдание.

Если г-н Троицкий христианин, то он должен разделять исконную христианскую веру в то, что Сын Божий стал человеком для того, чтобы сделать возможным для человека через Церковь обрести жизнь в органическом единстве с Ним. Наша задача для получения вечного блаженства жить по законам этого Бого-человеческого организма.

Напрасно думает г-н Троицкий, что наши современные ученые знают больше, чем Адам, управлявший материальным миром до своего грехопадения.

Вообще, мировой идеал нельзя представить себе как прямую линию прогресса от дикарства к знанию. Бывали разные периоды: цивилизации и культуры рождались и умирали. Теперь мы читаем о разных утраченных достижениях материальных знаний в Египте, Вавилоне или даже у ацтеков. Но развитие науки и цивилизации часто идет в ущерб вере и нравственности. А современная возможность использовать знание электроники для грабежей и науки, держащей весь мир в трепете перед возможностью атомной катастрофы – есть ли это радостный для нас прогресс?

Ум, отделенный от веры и любви, бывает источником греха и страданий.

Сам г-н Троицкий указывает на опасность, которая состоит в том, „что в распоряжении некоторой части людей, духовная культура которых часто основывается на качественно низких принципах миропонимания оказались величайшие достижения гения человека и среди них, средства уничтожения человечества“. Остановимся на минуту: в изобретении средств уничтожения человечества, какой его гений получает тут свое проявление: творческий или разрушительный?

Тут сразу видно, что если Господь не поставил узких границ для нашего научного развития, то это есть дар Божий, который может быть использован и на добро, и на зло. Нож может быть использован в операциях для спасения человеческой жизни, но он же может быть использован и для убийства. Это есть орудие, само по себе и не хорошее, и не злое. Качество его зависит от того или иного его применения. Церковные правила поэтому говорят о грехе убийства ножом, но самого этого орудия не определяют ни как добро, ни как зло.

Таким же является материальное знание вообще и поэтому Церковь его и не одобряла, и не осуждала. В приведенном г-ном Троицким примере соборного определения об избравших новый календарь астрономах, отрицательные к ним выражения относятся не к их специальности вообще, а к применению её для противления вошедшему в жизнь Церкви порядку, освященному древним обычаем. С их помощью Римские Папы углубили разделение с Востоком, поставив свое научное мнение выше церковного предания. В этом существо дела, а резкость выражений греческих соборян надо оценивать через призму, принятого в то время в полемике темперамента и существовавших между греками и латинянами отношений.

Что же касается самих астрономов, то нельзя забывать, что не все они в то время оправдывали новый календарь. Скаллигер и знаменитый Коперник были против папской реформы.

Научное же познание природы, если оно соединено с верой, глубже и важнее, чем односторонний материализм. Св. Апостол Павел писал, что в познании силы Божией „открывается правда Божия от веры в веру“ и объясняет, что через рассматривание творений Его, делаются видимы „вечная сила Его и Божество от создания мира“ (Рим. I, 17,20). Сюда входит изучение жизни, географии, астрономии и ряда других наук.

Приведу один пример. Однажды я подарил моему знакомому американскому ученому-физику, научному консультанту одной большой электронной фабрики, сочинение Св. Василия Великого „Шестоднев“, в котором излагается учение Церкви о сотворении мира. Св. Василий жил в IV веке. Ученый был поражен. Его удивило, что столь древнее сочинение глубочайшим образом было в согласии с началами современной науки и он выражал сожаление, что оно так мало известно и им не пользуются в школьном преподавании.

Наконец, хочу сказать, что научный позитивизм, представляющийся столь привлекательным г-ну Троицкому, никогда не может принести того оздоровления, о котором он мечтает, отзываясь с таким пренебрежением о почти двухтысячелетней истории христианства. К сожалению, он видимо судит о последнем по материалистической литературе, а не по Священному Писанию и не по истории Церкви, с её великими подвижниками веры и любви.

Не надо забывать и того, что Господь Иисус Христос, устроив Церковь, никогда не обещал нам Её господства на земле, которого надеялся бы достигнуть г-н Троицкий с помощью развития наук и цивилизации и вообще разума верующих.

Противодействием „материалистическому примитивизму“, которого не приемлет и г-н Троицкий, лежит не столько в разуме, сколько в сердце. В нем гнездятся все наши добрые и злые чувства. Псалмопевец в одном случае пишет: „Закон Твой у меня в сердце“ (Пс. 36,31), а в другом, - „нечестие говорит в сердце моем“ (Пс.35,2).

Мысли по поводу одной статьи

Есть одна очень простая мысль, которая, к сожалению, приходит только после многих ошибок, заблуждений, к концу жизни. А именно: что ты сам, такой, как ты есть, **так** глубоко связан с твоими отцом и матерью, что именно **эта связь** – и есть **ты**: все в тебе от них. И что все твои бунты и протесты, как и ничем не оправданное чувство твоего „превосходства“, все это было твои незрелость, несобранность души и внутренняя пустота. И попросить бы у них прощения, за дерзости, а еще больше за то, что **несказанным** осталось **доброе**. Но – нет их больше. Только и живут они еще – этим щемящим чувством твоей вины перед ними.

Есть у Ю. Марголина в „Книге о жизни“, в главе „Отец“, удивительные строчки:

„Время сглаживает и выравнивает различия, и теперь мне ясно, что все люди одинаково заслуживают жалости, и я ничем не лучше своего отца перед судом совести и перед вечностью... Его мятущаяся, полная боли и мучительных разочарований жизнь стала проплывать через мою и повторяться в ней так, что я стал узнавать его в себе, со смирением и смятением. И если было во мне то особенное, чего не знал и не узнал отец, – то кто поручится, что оно не было мне завещано теми дедами и прадедами, память о которых прошла бесследно, но жизнь их возродилась во мне. Ибо наша жизнь не начинается в нас, и не проходит с нами; она лишь меняет свою временную физическую оболочку тела, как вода, протекающая через трубы, – и мы, глядя перед собою, не знаем, **чьими** глазами глядим, **кто** с нами глядит, и радуясь, не знаем, чье счастье ожило в нас, и страдая, не догадываемся, кто в нас страдает снова и снова. И даже в эту минуту, когда

я опускаю глаза и подпираю рукой лоб, – кто знает, не повторяю ли я жест одного из моих прадедов так точно, что он узнал бы себя во мне, как в зеркале, – и как эхо звучат во мне тысячелетия прожитых надежд, страстей, волнений, чтобы ожить на миг и уйти туда, где прошлое слито с будущим.“

Мы несем в себе, „духовно-генетически“, воспоминания бесчисленных жизней. Но никогда - смертей. Не потому ли, что их – нет? Или – „бытие в небытии“ – форма для нас непостижимая, непроглядная? Но, если подумать, – то в какой колоссальной мере все наше бытие состоит из прошлого, из кажущегося „небытия“. И совершенно так же, как в плане личном, так и в плане широком нашего существования на земле, в определенной стране, в определенном народе. Без их определенности, не было бы и нашей. Это – часть нас. Мы не были бы нами без всего этого.

*

Вопрос нашего национального возрождения непосредственно связан с национальной памятью, историей. Нам нужно вспомнить и осмыслить наше прошлое, отделить в нем хорошее от плохого. **Будущее** – до некоторой степени можно уподобить **творчеству**, которое обуславливается **идеями, талантом и трудолюбием**. **И оно, это будущее, которое нам предстоит построить, зависит от того, каким мы его видим и желаем.**

При этом нужно не забывать, что истинная одаренность человека – в заряженности добром.

*

В № 142 «Вестника Русского Христианского Движения» напечатана статья А. Мирова – „Русский вопрос“. Статья эта исходит, частично, из положений вышедшей в том же журнале статьи А. Назарова – „Национальное возрождение – насущная необходимость“, и критикует их.

В качестве эпиграфа автор берет слова Тютчева о том, что истинный защитник России – история. А также – Бердяева – что от активной и ответственной любви родится новая Россия.

Но своеобразие этой статьи в том, что часть её вызывает полное и горячее согласие, тогда как другая – полное несогласие. И – не манит укрыться в тени тезисов этой половины.

Повергают в недоумение некоторые положения статьи, стоящие в кричащем противоречии с её главной темой – национальным возрождением России. Как будто, написана статья двумя разными людьми.

Как старт, А. Мирон атакует эмоциональную окраску мысли. Но ведь в этом и заключается **человек**, отличие его от робота. Мышление – безусловно эмоционально. Даже конструкции утопистов – в безвоздушном пространстве – суть эмоции с отрицательным знаком.

Но, между прочим, автор, упрекая других в эмоциональном мышлении, практикует это сам, и в очень наглядной форме, неоднократно, на протяжении статьи. От нападок на современников (темное царство...) и до аппликаций психоаналитических шаблонов, способствующих выявлению бесчисленных наших русских недостатков.

Полемизируя с А. Назаровым по поводу наличия **злости** в душе русского народа, А. Мирон пишет: „Что, как не **затаенная** ненависть, злоба и зависть прорвались в душах нашего народа всероссийской смутой 1917-21 гг. и далее?“

К зависти – это имело меньшее отношение; но в остальном – верно. Но: кем и **как** эти чувства были посеяны, возвращены и культивируемы? Чьими формулами, призывами, акциями?

„Бей в городах! Бей в селах!“

„Любить человечество по-маратовски.“

„Хрустальные дворцы...“

„Кухарки, управляющие государством...“

„Ликвидировать кулачество как класс!“

„Кто не с нами, тот против нас...“

Р а с т л е н и е – это **ключевое** слово. Раствление – и по-сегодня цель и метод. Во всем мире. Оно принесло страшные плоды в России. И приносит теперь на Западе.

„Русская революция не соответствовала ничьим интересам. Объективно-ненужная... и вовсе не неизбежная.“ „Жалкое подобие народной революции. Чего народ хотел – это прекращения войны, а революцию не он делал: её над ним делали... Миф о **народной стихии** один из наиболее глупых мифов, возникших вокруг революции. Именно стихии-то было очень мало в русской революции, и большевики были её подлинными творцами.“ (Н. Осипов)

Но **сопротивление** этой революции – **было вполне народным**. И не зависть и злоба действовали в нем, но **возмущение** против обмана, насилия и порабощения.

Термидор этой революции – был заложен в ней с самого её зарождения: в её „антисущности“ и антинародности. Он ярко вспыхнул уже в Кронштадте. А потом, и вообще сняли маски. Коммунизм прокламирует счастье в будущем, но средства берет из XV-го века.

Что здесь важно – это истина: действительно, гражданской войной была разбужена ненависть, которая опустошает души вот уже больше полустолетия. Гражданская война стала непрекращающимся состоянием общества.

Что же касается революции вообще, то прекрасна она только в „революционном“ этюде Шопена...

*

Много страниц пространной статьи А. Мирова посвящены обличениям и изысканиям „психологического“ характера, – откуда наши русские пороки и недостатки.

„Худшие архетипы российского прошлого“; повторяется бесконечно, как рефрен. За этим просматривается какая-то недоброжелательность по отношению и к историческому, и к современному русскому народу, (от лица которого, надо думать, выступает автор?). И это поразительно напоминает атаки именно русофобов.

По описанию автора, Россия населена необразованными, скудоумными, нетерпимыми, наделенными иррациональной психикой, людьми. О иных он не упоминает. И речь: о „**всеобщих** безграмотности и инфанти-

лизме“ (неужели, так-таки – всеобщих?); о **извечной** крайней косности российского сознания“; о сектантской нетерпимости сегодняшней образованщины, которая производится прямым от „**народного типа**“, и от „традиций русской интеллигенции прошлого“; о комплексах, фобиях, невротических состояниях, жажде самоутверждения или компенсации, переносе своих собственных недостатков на **воображаемых** противников; об иррационализме и еще раз иррационализме... Становится даже монотонным. „На фоне крайностей нашего национального характера и всеобщих безграмотности и инфантилизма, уродливые максималистские формы приобретают все присущие нам черты.“

Лавина наших пороков несколько оглушает. (Что же в таком случае и возрождать нам?). И не слишком ли околичен путь, решать насущные проблемы дня, изысканиями в „темной стихии нашей индивидуальной и коллективной души“ („которые бросают современного россиянина в крайности, присущие, впрочем, нашему национальному типу в принципе“). Тонешь в терминах, как: антирациональный, иррациональный, сверхрациональный, бессознательный, отклонения от психики, компенсации и т.п. Обязательно ли апеллировать к теориям Фрейда, Выготского и „оральным стадиям“? Если даже часть этих утверждений соответствует истине, то все равно остается большая толика поражающей недоброжелательности. **Совершенно** отказываешься согласиться с формулой „**извечной крайней косности** российского сознания“, как и многими другими.

Ведь **есть** какая-то реальность, ускользающая от подобного исследования о нашем народе, которая не только подняла его после трехсотлетнего порабощения, дала выдержать преобразования Петра I, поставила в ряд с Европой и даже определила быстро растущие качества возможного опасного конкурента этой последней.

А „темное, варварское прошлое и неизживаемые реминисценции всех позоров архетипа“, бросают такую непроглядную тень, что и лица-то нашего народа не рас-

смотреть больше. Такая плетка-семихвостка, какой-то вид национального мазохизма.

А где же Дежневы, Минины, Строгановы и Суворовы?

Мысли о русском народе А. Назарова – **добрее**. Он пишет о **всечеловечности** русской нации, об **открытости народной души**, культуры, о способности русского гения глубоко проникнуть в характер и дух других народов, о наделенности способностью постижения. О „радости отдавания“. Или вот еще: „В „старом“ национальном сознании всегда было заложено чувство ответственности, чувство греховности – несомненные признаки присутствия Бога в душе нации.“

*

Большое место в статье уделяет А. Мирон еврейскому вопросу, как части вопроса русского.

„Я включаю всех евреев России в понятие „русские“, и утверждаю, что это единственный возможный выход.“

С этим надо безусловно согласиться. Русские евреи – русские. Если они себя и сами таковыми считают.

Среди евреев есть большое количество людей, жизнь которых нам дорога не только как русских, но и как жизнь наших близких. Это люди, которые с нами жили, с нами гибли, с нами воскресают. И люди, которые сегодня борются со злом.

Историческая духовная Россия принимала евреев всегда как братьев. Достаточно вспомнить Марину Цветаеву, Вл. Соловьева. Безусловно, вся русская интеллигенция была с ними солидарна.

Учила нас любить евреев и русская литература (Лесков, Куприн, Чехов...). И евреи, хотели они того или нет, ассимилировались с русской культурой и с образом жизни, стали от этой жизни неотъемлемыми. Вошли в национальную жизнь, науку и искусство, философию многими блестящими именами, которые от русской жизни уже и неотделимы.

Что так сияюще отличает Пастернака? Это его **любовь** к России. И кем, как не замороженным зрителем можно было быть, когда вышел он, неожиданно, как на арену со

львами, чтобы провозгласить: „Вне христианства нет истории!“

*

Но, взаимоотношения русских с евреями – в **двух** планах. Этическом, и политическом. Первый может быть решен категорически однозначно. Второй – сложнее, и почти целиком зависит от самих евреев. Спор идет не об их принадлежности или непринадлежности к русскому народу. Но – об их лояльности, о „принципе троянского коня“.

*

Учил нас любить евреев, „маленького человека“, и Семен Юшкевич, прекрасный писатель, еврей, гуманист. С предельной честностью и сердечной болью атаковал он большую проблему еврейства (такая проблема есть, конечно, и у других народов) – расслоение его, вековое, на народ и **накипь**... Любимцем еврейства он не стал... Евреи не любят своих неофитов. И своих праведников тоже. Как и две тысячи лет назад.

*

Трагический двадцатый век показал нам, как много „уродов“ оказалось в собственной нашей семье. И наше безусловное право видеть их. Бывшее стало историей, а в истории все называется собственными именами.

И если мы признаем, что русская революция является искуплением исторических грехов русского народа, то также нужно признать и реальные исторические грехи и за евреями.

Из песни слова не выкинешь. Обе статьи, и А. Назарова, и А. Мирова, отмечают и разбирают активное участие евреев в революции.

Убийство Столыпина Богровым. Убийство Царской Семьи. Размах и объем участия евреев в революции. Деятельность после революции.

Евреи осуждают (теперь) советский режим, но не свое участие в нем и его создании.

Русская революция была произведена ничтожным меньшинством и вызвала отчаянное сопротивление

огромного большинства. Судьба её висела на волоске. Спасли революцию, активным участием и дружным усилием, евреи (об этом существует и свидетельство Ленина).

Исследователи называют участие евреев в революции – действием **иррациональным**. С этим можно согласиться. И как действие вообще (страшная игра со злом, которое, как известно „оборачивается“), и как ход в истории, и как ход на шахматной доске судьбы. В протяженном плане истории – это было действие самоубийственное.

Евреи помогли становлению самого чудовищного режима истории. И, как прямое следствие, чудовищно пострадали от единокровного брата этого режима. Ведь **прямым** следствием русской революции было: и возникновение нацистского режима в Германии, и Вторая мировая война, и захват коммунистами всей Восточной Европы, и.., и.., и.. Цепь бесконечная. А все – от 1917 года. И – кто знает, вполне возможно, что общее теперешнее осознание этого зла – не перевесит его разгона дальше, и, как следствие, будут новые катастрофы, которые намного превзойдут уже бывшие.

Оттого, одной части сегодняшней „программы дня“ совершенно нельзя принять: попыток переложить собственные вины на плечи русского народа. И вполне можно понять раздражение каждого, с подобным сталкивающегося.

Совершенно нельзя согласиться с фразой А. Мирова: „Россияне и из славян, и из евреев во всероссийской **сваре** (!) первой половины XX века были одинаково (!!!) запятнаны...“

Метод, каким А. Миров „защищает“ евреев, плохая им услуга. Потому что он, бьюще в глаза, односторонний и необъективен.

В статье А. Мирова буквально десятки советов русским: каяться в черных грехах всех возможных сортов. И, в том числе, грехах перед еврейством! Но ни полслова о том, чтобы и евреям каяться в каких-либо своих грехах. И вообще, о таких грехах – ни упоминания, ни намек.

Фраза: „Мы все временами страдаем „печеринским комплексом“ ненависти к отчизне, и русский еврей так же вполне может уложиться в этот комплекс, – даже вдвойне, ибо часто бывает раздражен и на собственную, более узкую и ныне исчезнувшую русско-еврейскую культуру черты оседлости.“

Можно ли вообще ставить подобное в **одном** плане? Это метод – ставить рядом вещи вообще несопоставимые: как, например, – „гнет при царе и при Сталине“ и т.п. Кроме того, после „черты оседлости“ были десятилетия советского режима...

„Что касается недоброжелательной и пристрастной, а иногда и озлобленной критики России, – то тенденция эта в собственной русской литературной традиции слишком сильна и очевидна, чтобы приписывать её евреям“. И примеры „литературной традиции“ приводятся еще и с XVII-го века: Котошихин, Крижанич, Чаадаев... Как говорится, сам подбор – „за себя говорит.“

Дальше – о „мифических врагах“, о „переносе своих собственных грехов и недостатков на евреев“ и т.д.

Еврейство, безусловно, дифференцировано. Нельзя судить обо всех по одной части. Те, которые видят ясно, не затуманенно, не могут не быть охвачены огромной заботой и тревогой за будущее вообще.

В своих лучших умах евреи связаны с гуманизмом. А ведь гуманизм своими корнями уходит в христианство. Гуманист – человек, высокой личной одаренности человеколюбием. Но, как всегда: разумные голоса, отдельный человек, – тают в массе, „как слеза в океане...“

Не обязаны ли мы все понять, что мир стал тесен для провинциальных раздоров, и что оголены два провода: предельного зла и противостояния ему. И что, возможно, оба народа: и русские, и евреи, несут в себе историческую миссию борьбы со злом и его низвержения. Может быть, никакие народы мира, как русские и евреи, не могут так послужить этой цели. Общей цели теперь.

*

Темы второй половины статьи – неожиданно в иной тональности и даже в ином звучании, чем начало.

Это – русский вопрос и национальное возрождение. Духовное возрождение, как основа возрождения национального.

Прекрасны отступления о К. С. Аксакове. И, поистине, только блестящими можно назвать страницы, посвященные Пушкину и его пророческому гению.

„...касаться мимоходом его огненной поэзии – страшно, словно берешь в руки пылающую звезду... Но одной прозы Пушкина достаточно, чтобы сказать: поэт поразительно сознавал и беды, и нужды России.“ „Для Пушкина именно сила христианства, увиденная им в христианской верховной власти, только и может спасти и преобразить Россию. Это – христианская государственность, христианская империя, не „самовластье“, а бодрое и честное правление, основанное на надеждах, трудах и милости.“

Кончает А. Мирон мудрой и исполненной глубокого смысла фразой: Пока все мы не начнем стремиться к взаимопониманию и внутренней сопричастности народу и его корням – никакого национального и социального возрождения страны не произойдет.“

И как особо ценную мысль, заключающуюся в этой статье, нужно отметить призыв к умиротворению страстей и прекращению того состояния гражданской войны, из которого наше общество не выходит в продолжение многих десятилетий.

*

Русская интеллигенция все время присутствует на страницах статьи А. Мирова. В хорошем и плохом. Блестящие списки имен... Люди, которые „болели Русью, вдохновлялись Русью, думали, плакали, трепетали, радовались, творили...“ Но и трагедия русского образованного общества, что оно „хронически не помнит ни о необходимости трезвой самооценки, ни о требовательной и жертвенной любви к родине...“ „Социальное и духовное младенчество русского общества...“ И – целая гора гнилых и вредных традиций – осталась от него...

Ругать – легко. Нет ничего легче, чем ругать.

Интеллигенция. Как затаскано это слово. Хочется вспомнить и доброе о ней. А. В. Карташев писал: „Все мы... русские интеллигенты, хотим мы того или не хотим, в своем духовном облике **запечатлены** „святорусской“ душой русского народа. От нее **никуда не уйти**, как от самого себя“.

Ведь интеллигент русский, прежде всего, **хороший человек**. Он не материалист, бескорыстен, в жизни его преобладают интересы духовные. По „типу“ – тонкого духовного устройства, добр, отзывчив.

Вспомним таких **типичных** русских интеллигентов, каких, без сомнения, имел в качестве знакомых каждый из нас, – **даже!** – после всех избиений советчины, как семья Турбиных у М. Булгакова.

В жизни этой семьи – человечность, любовь, традиции, вера, чувство долга, честь. Описал М. Булгаков в них – семью собственную.

Необходимо ли применять к ним методы психоанализа?

Известна загадочная „любовь“ Сталина к „Дням Турбиных“. Смотрел он пьесу, чуть ли не семнадцать раз. О чем думал он, во время представлений? Была это радость, удовлетворение людоеда, который видит врага на вертеле, на костре? Или это была гордость: „**вот кого я съел!**“?

Об интеллигенции говорят без конца. При всем, многом верном, поражают уже ставшие правилом, штампы: конечно, возникла при Петре. Прожила свою незадачливую жизнь. Сыграла свою незадачливую роль (тени отца Гамлета), и ушла в небытие, не оставив и следа. Как злой дух, призрак.

Но, ведь, кроме интеллигенции столичной, фигур „маркантных“, был это просто – образованный слой общества, по всей России необъятный. Интеллигенция провинциальная, которая осуществляла и связь с народом. И была она к народу неизмеримо ближе, чем интеллигенция столичная. И далеко не все имели „идейные задачи“

и „беспочвенные идеи“. И далеко не все „шли“ в народ. И далеко не все „ковали“ революцию. И далеко не все поддерживали её...

Недаром Ленин так ненавидел интеллигенцию. И недаром столько её уничтожали. И недаром - она неубиваема, в народе русском. Как сам народ. Опять растёт, как Феникс из пепла.

Русская интеллигенция была, конечно, **заряжена добром** (и это показал Чехов). Добротой души, широтой, нерасчетливостью, бессребренностью. Прекрасный пример приводит А. Назаров - отзыв Стефана Цвейга. Почаще читать, чтоб поднимать голову, и вспоминать, что мы - не так уж плохи! И у Чехова, без которого не обходится ни одно определение, вовсе ведь не все интеллигенты „такие“, как хочется их недоброжелателям. Да если бы даже Ленин ел с утра до ночи крыжовник, ходил в футляре, или был бы опустившимся земским врачом, - то никакой революции и не было бы. Но был он неким явлением, эссенциально отличным от русской интеллигенции, к которой его по ошибке причисляют.

Эрозия ценностей!.. Была ведь и „другая“ интеллигенция. Из **каких** слоев общества брались добровольцы Белого Движения, вплоть до тех мальчиков, которые массово гибли между жерновов гражданской войны... (об этом хорошо у Пастернака), из каких - миллионы расстрелянных?

*

В журнале „Страна и Мир“ была статья о „романе русской интеллигенции с народом“. (Б. Хазанов, „История неудачной любви“).

Исследование интеллигенции произведено по методу современной медицины: врач имеет дело не с „целым“ человеком, а с печенью, почками, или, скажем, желудком. Несмотря на весь блеск статьи, основная мысль неширока и неглубока. О переходящем „романе“.

Перефразируя Гейне, можно сказать:

„Он был достоин любви, и она любила его;

Она была недостойна любви, и он не любил её“.

Связь (не роман!) русской интеллигенции с народом – гораздо глубже: это связь нерасторжимая, мистическая, как у человека с его собственной душой. **Роман** же был не с народом, а с западными идеями, причудливо переплетенными с христианством, – и то, и другое в смещенном и иррациональном плане.

Роман был – с самой собой, с ошибками собственной души. Потому, что русская интеллигенция не была атеистической, в истинном смысле этого слова. Но сама этого не знала.

Роль играл и Лев Толстой. Но перед смертью, – последний его путь на земле! – шел к старцам.

В игре русской интеллигенции с западными идеями народ был только атрибутом. Болезнь называлась: „Сейте разумное, доброе, вечное.“ Пели: „Вихри враждебные веют над нами...“ Говорили с народом на языке эсперанто.

Автор спрашивает: прекратился ли неудачный роман русской интеллигенции с народом?

Нет. Потому что – вечное – вечно. Русская интеллигенция – плоть от плоти народа. Она сопричастна его корням. Его характеру. И его судьбе. То, что ей осталось – до конца понять это. Как у Шекспира:

„Мы в книге Рока – на одной строке.“

*

Залог выздоровления в том, что русская интеллигенция глубоко **национальна**. Разрыв с народом был оттого, что потянулась она за чужими богами. Западный рационализм – был инородным телом, а западные „социалистические“ учения обернулись исторической чумой.

Но уже либерализация России перед войной вела к новому синтезу народа и интеллигенции. Изменение же настроений интеллигенции было очевидно уже после нескольких лет деятельности Столыпина. „Революционное народничество“ делалось прошлым.

„Внеародная“, „безнародная“ интеллигенция – тело без души. Наша интеллигенция всегда оставалась в глупине своего существа – „народом“. А народ, по задаткам

души и интеллекта, был потенциальным интеллигентом. Одна из черт русского национального типа – „склонность к мировоззрению“, душевная активность. Стремление думать по-правде и по-совести. Именно в этих свойствах корни „интеллигентности“ народа.

Метаморфоза часто совершается „на глазах“, буквально в течение одного поколения. Как рождение бабочки. В этой, органически заложенной тенденции духовного роста, великая надежда и вера в будущее. Из этой метаморфозы вырастает новая интеллигенция, „ничего не забывшая, и многому научившаяся“.

Интеллигенция – не величина постоянная, законченная, статическая. Но бесконечно меняющаяся, получающая пополнения, замены. И это свойство „преобладания души“, как и таинственно-быстрого роста, особенно являет себя во времена, когда в нем наибольшая нужда. Как будто, действует какой-то таинственный закон регенерации.

Важность проблемы интеллигенции (голова народного тела!) совершенно нельзя преувеличить. Ей принадлежит роль авангарда при „возвращении в будущее“.

Авторы обеих статей из «Вестника» совершенно единодушны в одной, чрезвычайно важной (плодоносной) мысли: о преодолении, ликвидации раскола русского общества на „образованных“ и народ.

У А. Назарова: „Давно пора бы отказаться от противопоставления народу его мыслящей части.“

У А. Мирова: „...трагический раскол русского общества на „образованный слой“ и „народ“ /.../ покаяться за этот раскол, с какой бы стороной мы себя ни отождествляли, в случае, если не доросли до понимания своей принадлежности обеим.“

И не об этом ли говорит Л. Бородин в своем последнем романе „Возвращение“? Он сводит вместе интеллигента-писателя и представителя народа, героя последней войны. (Символически, он без руки). В хорошие отношения вклиняется безобразная ссора, когда „герой“ во хмелю. Когда же хмель проходит – он снова человек, и

совестлив, и справедлив. **Оба** – бескорыстны, каждый из них хочет поступиться своим в пользу другого, и каждый чувствует свою вину.

Оба они – люди с травмой, оба – деформированы, но все равно – между ними связь, и перед ними – жизнь.

А вот другой персонаж романа – отец, который „смотрит своими светлыми марксистскими глазами“, это – человек-механизм, человек-схема, **мертвое** поколение, от которого не останется **ничего**. Человеческая „псевдоморфоза“, качества которой не передаются по наследству, потому что они не присущи человеческому роду. Подобно тому, как не передается по наследству – обрубленный хвост у мыши. И недаром, он вынужден уехать, бросить дом. Выбивает его из колеи – **человеческое чувство**, которое ему „противопоказано“ по типу.

*

А. Миров пишет, что спор славянофилов и западников решен окончательно, в трудах деятелей науки и культуры, в некоем синтезе. А то, что многие об этом не знают, и по незнанию этот спор продолжают, – свидетельствует лишь „о безграмотности и недокультуре русского общества.“

Вероятно, следовало бы согласиться, что наименования „западники“ и „славянофилы“ – заимствование. Но дело не в спорящих в несущих обличьях; дело в существовании предмета спора. Нет, **не** тени являются на „спиритические сеансы“ интеллектуальных застолий. Но насущнейшие нужды, острейшие проблемы нашего времени. Которые до такой степени связаны, переплетены с проблемой возрождения России, что просто невероятной кажется манифестация такой враждебности, как та, что выражена А. Мировым. Ведь важно не только установить беды, происшедшие в России, в результате заимствований с Запада всего, что противостояло нашему национальному духу и историческому развитию, – но и предотвратить новые.

И как далеко от такой высокой и важной проблемы, как мелко и обедненно звучит, диссонансом к проблеме:

„Пришла пора осознать, что и „западничество“ и „славянофильство“ бушуют внутри наших душ, больных самостью и маловерием...“ Неверный тон, фальшивый ключ, неподходящие слова.

Одна из главнейших тем истории вообще – взаимоотношения Востока и Запада. Не экономические, не политические (здесь-то при всей сложности, понять легче!), но – духовные.

Это был главный спор XIX-го века, где славянофилы были правы, что доказано всем ходом истории. Пророчества К. Леонтьева сегодня неопровержимы.

Но как стержень спора (пути дальнейшего развития России), так и корни расхождений (наша национально-историческая определенность), остаются, в принципе, теми же самыми. И нельзя не увидеть наличия несомненной связи между славянофилами и Бердяевым, Бердяевым и ВСХСОН.

Запад никогда не понимал ничего в России. Как и знал о ней очень мало. В частности, что Россия была духовным „Эверестом“, в позднюю „геологическую эпоху“, поднявшимся на Востоке. Что в силу различных и совершенно исключительных условий и „наличий“, поднялось особое, не сравнимое ни с каким другим, государство.

Не избежал слепоты даже Шпенглер! Этот визионер и духовидец, который воскрешал античные города, с их духом, „лицами“, бегом улиц и площадями... Но России он не увидел.

Несмотря на это, описание Петровской эпохи у него очень точно: „С основания Петербурга (1703) следует **псевдоморфоза**... русскую душу втиснули в чужие формы позднего барокко, потом просвещения, потом XIX-го века... Русский народ был втиснут в искусственную и ненастоящую историю...“

Национальная определенность и индивидуальность народа была опасно поранена. Но самой большой бедой было заимствованное с Запада разделение на патрициев и плебеев. Это сословное различие со времен Рима гос-

подставало в Европе. (В России не было сословной спеси. Её принесло только „бесклассовое общество“).

Россия славянофилов – это была Московско-Византийская Россия, обескровленная Петром. Со времен Петра I иностранные влияния, чуждые миропониманию и правосознанию русского народа, раздвоили и русское общество, и его психологию.

„Народ встретил смерть Петра Великого карикатурой – как мыши кота погребают... Это был уже не разрыв, но бездна, которая в какой-то день не могла не оказаться провалом“ (В. Н. Ильин).

Вопреки установленному трафарету: Радищев – отец русской интеллигенции, В. Н. Ильин относит существование интеллигенции уже ко времени Петра I, когда „...часть интеллигенции, была за мероприятия правительства, но другая часть всецело сочувствовала страждущей... **русской народной душе**... К числу этой интеллигенции должны быть отнесены те очень многочисленные безвестные писатели, мистики, частью монашеского, частью келейно-созерцательного накала, которые писали замечательные вещи, подвергаясь за то смертельной опасности... Ведь не надо забывать, что гениальная легенда о граде Китеже создавалась именно в эту эпоху, и выросла в эту эпоху, хотя и отнесена к XIII веку, то есть, ко времени нашествия Батыя и Киевского погрома.“ „Характерно, что именно в эпоху русского Ренессанса, уже в начале XX века, в эпоху блистательной поры русского возрождения, Римский-Корсаков с такой силой изобразил страждущий град Китеж, т.е. святой символ всей Святой Руси.“ (В. Н. Ильин, „Арфа Давида“).

*

Славянофилы были провозвестниками русской христианской культуры, именно того стержня духовной истории, к которому остальное только приложимо. И это – **единственный путь и дальше**, если – не в бездну. И целью славянофилов была христианизация культуры, которую они противопоставляли расчлененности западного мышления, его рационализму, антидуховности.

Идеалом их было воплощение духа истинной христианской веры в общественной и семейной жизни. (Киреевский).

Миросозерцание славянофилов было даже не единичным. Аналогичное течение было почти во всех странах Западной Европы в начале XIX-го века. Это было апеллирование к национальной самобытности, как реакция на расшатывание государственных устоев в XVIII-м веке со стороны рационализма.

А. С. Хомяков – был замечательным мыслителем. Даже отдельные мысли людей такого ранга обладают зажигаемостью, имеют благотворную и очистительную силу. **И чем больше** будут они „присутствовать на интеллектуальных застольях“, тем лучше!

Идеей А. С. Хомякова была необходимость для народа самобытного развития. В основе всей его философской системы лежала христианская вера, с заложенными в ней духовно-нравственными началами. Но Хомяков отнюдь не был противником Западной культуры и наук. Он отдавал им должное. Но в просвещении он видел не только набор знаний. Интересно и глубоко его определение просвещения: „Истинное просвещение есть разумное просветление всего духовного состава в человеке или народе.“**Как близко! Как нужно!**

Хомяков отдавал дань и созидательному гению Петра. („Он вывел Россию на широкую дорогу общечеловеческой цивилизации“). Критиковал он его **насильственные** реформы, которые ломали хребет нации, стараясь привить народу чуждое. Насколько обоснованными были заботы, тревога и критика Хомякова, и к чему это привело, – показала история. Можно только удивляться его абсолютной правоте и его провидчеству. И если мы говорим сегодня о национальном и духовном возрождении России, – то мы повторяем многое, сказанное за 150 лет до этого А. Хомяковым.

Возрождение христианских начал жизни, создание христианского государства, ликвидация внутренней духовной катастрофы в народе, – неужели мысли эти

могут не поразить их абсолютной современностью? Актуальностью? И нужно ли публично выступать против присутствия таких **добрых** духов на интеллектуальных застольях?

Уместно вспомнить мысль Гоголя, который считал, что мертвые участвуют в наших делах и действуют вместе с нами...

*

„Как символ славянофильство вечно, ибо оно есть символическое выражение русского самосознания“.

о.П. Флоренский

„Славянофильство первое выразило в сознании тысячелетий уклад русской жизни, русской души.“

Н. Бердяев, 1912.

Возродить можно только то, что **присуще**. И возродить надо то, что **имеет цену**. Но чтобы это понять, надо взглянуть очищенными глазами на всё колоссальное **сгибание** России, и на стремление её **выпрямиться** во весь свой духовный рост.

Все это не будет повторением. Нет ничего бессмысленней, чем пробовать втиснуть новую жизнь в старые формы. Но то, что и сейчас „старое“ – это мы сами. Это наша национальная субстанция, наше миропонимание, наша душа.

*

„Одно из недоумений“, вызываемых статьей А. Мирова, связано с именем Чаадаева.

Когда противники России и её национального возрождения ссылаются на Чаадаева – это понятно. Но когда это делают сторонники возрождения...

„...Добросовестный и выдающийся мыслитель...“ „Чаадаев может быть единственный, чья резкая и злая критика произносилась с подлинной болью в сердце... а потому была возрождающей.“

Чаадаев – „конструктивен“, т.к. лил искренние и горькие слезы... – пишет А. Миров.

Продолжим „представление“ Чаадаева – по книге Н. Ульянова „Диптих“.

„Мыслящую Россию нетрудно было купить популярной в те времена декламацией о рабстве... Но именно это рабство составляло основу финансового благополучия Петра Яковлевича до конца его дней. Никогда он не пожелал освободить своих крепостных и избавить себя от „стольких ужасов“, заключенных в слове „раб“. Он пользовался самой жестокой статьёй помещичьего права – сдачей крестьян в солдаты. Таким путем он поправил, однажды, свои денежные дела, выручив 9000 рублей от продажи новобранцев/.../ Денег Бруту всегда не хватало: карета и лошади стоили дорого.“ „Нет уверенности, что он не считал себя избранным сосудом высшего Промысла...— 'Не должен ли раздаваться в мире новый голос, связанный с ходом истории?' Голос, связанный с ходом истории – это и есть его „философские письма“.

„Наш философ заморожен разящим мечем Ислама. Такое же восхищение внушает ему Библия „зрелищем необычных средств“ для сохранения идеи единого Бога. Он называет „более непонятной, чем безбожной“ всякую философию, приходящую в ужас от массовых избиений.

Какой великолепный Торквемада пропал на Новой Басманной...“

„Судьба спасла Чаадаева от жалкого жребия выступить со своим творением на Западе... Что принимали его не за того, чем, он был, начали догадываться в начале этого века... Нет большего самозванца в истории русской мысли.“

„Надо быть поистине унтерменшем, чтобы в истерично-покаянном порыве упасть перед чаадаевским евангелием. На нем печать враждебного мира. Это духовная пятая колонна в истории русской мысли. Чаадаев первым возвел хулу на Россию – и за это был вознесен.“

И дальше. Вердикт Чаадаева в деле истории России – был „безнадежный диагноз“. „Её история бессмысленна, прошлое позорно, настоящее малосимпатично, а будущее более чем сомнительно.“

Жалкие отбросы, собранные на „философических“ задворках Европы, представлены как величайшая мудрость эпохи...

„Те 99% читателей, что произведений Чаадаева в руках не держали, а судят о них по скудным цитатам в курсах истории литературы, где им преподнесен образ благородного страдальца, распятого на кресте русского варварства, реакции и отсталости, должны наконец знать, что страдания его ничего общего с болью за родину не имеют. Самая мишень его обличительных стрел совсем не та, что у прочих „обличителей“. К позорному столбу пригвождалась не власть, бюрократия, произвол, не временное и изменчивое, а вечное и неизменное – наша национальная субстанция.“

И у А. Хомякова есть высказывания острой, глубокой критики: „...езде и всегда были безграмотность, неправосудье, разбой, крамолы, личности угнетение, бедность, неустройство...“ Но есть существенная разница: Хомяков осуждает нравы и действительность. Чаадаев хулит саму национальную основу России.

*

„Плод христианства для нас не созрел“, – пишет Чаадаев. А. Мироткликает на эту тему. В унисон. „И в этом отставании, в этой лишь внешней христианизации российской истории и культуры – корень всех бед нашей страны.“

Да, народ **не был** новозаветным. **Никакой** народ! Но русский народ – к этому **стремился**, это закодировано в его душе. Как и знание о силе зла в мире. Кроме того, православная церковь хранит живое христианство, чуждое рационализма, пронизывающего западные вероисповедания.

Замечание же Мирот, что Россия крестилась **позже** – вызывает лишь недоумение. Вера ведь не измеряется временем, она не плод тренировки. Вера являет себя стойкостью и жертвой, и святостью, которые русский народ показал в изобилии, в условиях самых тяжелых испытаний.

В русской душе, может быть, как ни в какой другой, жило сознание о силе зла в мире, и о сопричастности ему

в несправедности. И свидетельством того, как вера была русским человеком **ощущаема, понимаема**, – являются русские **иконы** и русская религиозная **музыка**. И то, и другое – **уникально** в мире!

Может быть, нет более потрясающей **встречи** рассудка и веры, земного и трансцендентного, чем в сцене в казарме в „Пиковой даме“, когда вдруг, как ответ на мирское смятение Германа, слышится хор, из православной панихиды:

„Господу молюся я,
Дабы внял Он мольбе моей...
Ибо зла исполнилась душа моя...“

*

„Нам надо изжить в себе раз и навсегда всякое предубеждение против „загнивающего Запада“. Мы должны понять, что наша с ним история – общая история христианского мира. И что... „загнивание“ Запада – и наша язва“, – пишет А. Милов. И дальше: „Мы должны изжить отношение к себе и к своей культуре, как к „недозападничеству“.

Забота иная: чтобы не случилось – „перезападничества“!

Выбросило нас в Европу. Правда, вошли мы по черной лестнице, как ненужные и непрощенные гости, которые „хуже татарина“. Но, может быть, именно в этом положении, нам ясней были видны нравы и обычаи хозяев дома.

Европейская культура всегда была для русских предметом восхищения и почитания. Так же судили мы о европейце. И вот, попав на Запад, увидели мы все ближе.

Отчаяние Сент-Экзюпери – стена, отделяющая Европу старую от новой. То, что мы увидели – это европейца, бегущего на четвереньках. Но, опять-таки, не это главное. У нас – тоже бегут... Всюду – бегут. Главным, в ощущении Европы, было: непроницаемая стена, разделяющая их восприятие мира от нашего. Нам предстает их мир убогим и бедным. Испытываешь чувство недоумения, неловкости, даже стыда за них. Каким-то чувством они просто обделены природой. И видишь, что **именно**

это, чего у них нет, – для тебя главное в жизни. Хотя этим не заработаешь ни благоустроенного жилища, ни счета в банке.

Сегодняшний европеец – это гигантский Гаргантюа, обеспеченный едой по гроб жизни (как он думает). Беспочвенная уверенность Запада в будущем. А по существу, будущее интересует его еще меньше, чем Людовика XV-го.

Два главных феномена XX-го века – полное освобождение человека от нравственности, и фатальное развитие такой же безнравственной, как и её творец, науки.

Индивидуализм Запада – давно перестал быть индивидуализмом. Это – коллективизм наизнанку. И даже худшего сорта: он органичен, доброволен и добротен.

Когда-то Дюрер, современник Лютера, совершил революцию в искусстве, приблизив человека к Богу. Он открыл существование свободы. На лицах его портретов появились добродетели или грехи, или характеры, и осмысление этого относилось в этический план. Это был ренессанс человеческого достоинства. А сегодня это достоинство дошло до своей естественной смерти. И похоронено даже не в земле, а – в навозе.

Обрушившиеся на голову человечества благодетяния техники влияют на него отнюдь не развивающе. Атрофированы многие жизненно-важные функции. Духовность, национальное чувство, чувство разумного самоограничения, чувство авторитета и иерархии, законность. И, просто, чувство осознания бытия. Отсюда и утеря способности к борьбе за существование. Даже к работе мускулов, ума, воли. Человечество делается людьми, не способными больше совершать революции, даже когда оно стоит перед смертельной опасностью. И оно – не монолит, а бесконечно разобцено. Оно – в предстadium рабства и дозревает до рабства тотального.

Свобода, которой отводится такая роль в демократии, понятие духовное. А человечество именно обездуховлено. И оно не способно ни на личную оборону, ни на защиту свободы. Ему даже **ничего** и защищать кроме

машин, домов, холодильников и телевизоров. Но дома строятся уже даже и не на **песке**. А на топком болоте.

*

В „Войне и мире“ Пьер Безухов, приехав в Москву, увидел, почувствовал, что „все было разрушено, кроме чего-то неведомого, но могущественного и неразрушимого.“

Иногда кажется, что именно разрушения – накапливают и колоссальную духовную силу восстановления. И. А. Ильин писал: „История России... история её нечеловеческих напряжений и одинокой борьбы. Отсюда её умение возрождаться на пепелище.“

Россия была поистине **несравнимым** государственным образованием, во всей истории: в основу государственной жизни положена была нравственная идея. И непрекращаемый авторитет внутреннего духовного императива: совести. Это лежало и в основе жизненного национального идеала.

Имперская роль России... Роль вовсе не легкая, вовсе не удобная, вовсе не прибыльная и не спокойная.

Россия не была империей, в смысле захватнических империй выгоды на Западе. Россия была больше – частью света, обитаемым континентом, постепенно открываемым. Россия была образованием добровольно-имперским. Всякая большая культура ассимилирует соприкасающихся с нею. Вопреки всем тенденциозным заявлениям, в России была великая терпимость к инородцам и высокая культура общежития. Нигде не происходило такого мощного и естественного вrostания в общенациональную жизнь.

Индус – никогда не был братом англичанина, как не были братьями мексиканец и испанец. А в России – и татары, и грузины, и калмыки – были частью одной большой семьи.

Было бы ошибочно считать, что прошлое России олицетворяло её идеальную историческую форму, закончено. Оно её намечало, и определяло её будущее развитие. Великим и бурным ростом было заряжено начало века.

В истории, как в горах, бывают „воздушные мосты“ – мосты через зияющие провалы. Словами Бердяева: „Россия вступает в ту полосу своего исторического существования, в которой объединяются прошлое и будущее.“

*

Естественны (и нужны!) споры о будущем. Начинают часто с демократии, оттого, что её ассоциируют со свободой, которой мы так долго были лишены. Но именно демократии „заряжены“ переходячностью. Потому что они не „дух“, а только „тело“. У демократии нет духовного стержня, передающегося по наследству. Демократия – свод законов дня. Западные демократии и в том числе и такая „лучшая“, как Швейцария – прикрывают только растущую апатию народа в сени благоденствия (доколе?), и неудержимо растущую мощь явных (и скрытых) олигархий. Чрезвычайно интересна книга об этом Ганса Песталоцци „После нас будущее“, за издание которой автор подвергся гонениям, не уступающим таковым в странах коммунизма. Книга эта, только за два года выдержала в Западной Германии одиннадцать изданий, что свидетельствует о растущей тревоге людей в этой области.

Представляется, что нужна новая дефиниция приемлемого для нас и нужного нам демократизма. А именно, дефиниция, употребленная С. П. Мельгуновым: **национальный демократизм**. На благо всех народов, населяющих Россию. Демократизм заложен в самой природе русского характера и русской жизни. По национальному характеру – русские представляются самой демократической нацией мира.

Желать демократии западного типа для России может только тот, кто не любит России и её народа. Но, между прочим, будущее и самих демократий Запада, решается тоже в России...

*

А. Мирон пишет: „Русский вопрос – это национальное возрождение России. Задача, поставленная временем и историей. Без стараний её разрешить – распад и смерть. И

путь к этому – любовь, трезвость и мир“. Это относится к той части статьи, с которой безоговорочно соглашаешься.

Само понятие культуры, понятие национальное. Нет культуры интернациональной. (Зато есть интернациональный разгром культуры!). Нация стремится к **цветению**, к раскрытию себя в истории. Это – историческая **жизнь**. Интернационализм – наоборот. Это профессиональный убийца. Он подавляет и уничтожает нацию, повергает её в пустоту, смерть.

Государственное объединение может быть разрушено, но и восстановлено, на основе **нации** (фундамента). Нация не может быть разрушена, пока она существует.

Надо отбросить вьезшиеся в нас, навязанные нам формулы, и, прежде всего, настрявшего в зубах „исторического детерминизма“. Мы уже вплотную перед катастрофой, перед необратимостью падения. И не только мы...

Быть самими собой. Без каких-либо притязаний на исключительность. Без какой-либо вражды к другим нациям. Наоборот: жить в плане дружбы и признания любого, кто – **Человек**.

Чего мы хотим – Вновь стать самими собой, обрести мировоззрение, свойственное нашему народу. В плане **нашей шкалы ценностей!**

*

У **каждого** народа – **его** мировоззрение. Оно лежит в основе культур. Оно смотрит из памятников культур, живыми глазами их создателей. Этрусков. Египтян. Греков. Европейцев эпохи средневековья, с их изумительной готикой.

А из культуры нашей – глазами икон. Действительностью, что над нами. Инобытием. Которое свойственно было, до самозабвения „возлюбить душой“, нашим предкам.

Только у современного человека ничего нет, чтобы оставить вечности. Потому что человек утратил самого себя. У него больше нет мировоззрения.

*

С какой убедительностью показывает Лесков путь русского человека к Царству Божию, причем так, что нет ничего непонятного, а ясно светит дорога глубокого милосердия. Без апокалипсических молний, как у Достоевского, без грома литавр или труб архангелов, но просто над описываемой повседневностью, открывается другой мир – трансцендентный мир самой русской души. И эта душа всегда и само „место действия“.

Хочется напомнить чудесную его сказку „**Час воли Божией**“.

Жил был премудрый король Доброхот, который не любил воевать, а всем людям добра желал. Хотел он, чтобы в его королевстве правда над кривдою торжествовала.

Созвал советников, думных бояр.

Одни говорили: старину стародавнюю восстановить.

Другие – терпеть как оно есть, и „учредиться на предбудущее, чтобы в века веков имя наше было прославлено“.

Король недоволен остался. Его больше интересовал день настоящий, а не прошлое и не будущее.

Посоветовали ему, не от бояр корыстолюбивых, а от Божьих старцев совету просить. И сказали старцы, отчего в царстве не ладится: Оттого, что не знают,

какой **час** важнее всех,
какой **человек** нужнее всех,
какое **дело** дороже всего.

А отгадать загадку могла только одна „чистая жалостница, которая все равно сожалеет, а о себе не думает“.

И пошли искать девицу, и нашли. Лицо у девицы – полно **добра и разума**. И для нее дело Божие – простое и легкое.

Час важнее – теперешний, потому что человек только в нем и властен.

Человек же – тот, с кем сейчас дело имеешь.

А **дело** важнее всех – **добро**, которое этому человеку в сей час поспеешь сделать. И если жить так, то все заспорится и сладится...

Только спрятал король советы, и дела в королевстве, по-старому, не ладятся. Не пришел еще, видно, **час воли Божией**.

НАША СТРАНА

**ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

еженедельная национальная газета
основанная в 1948 году И. Л. Солоневичем

Издатель М. В. Киреев. Редактирует редакционная коллегия.

Неподкупная, свободная от партийных или групповых влияний, потому что не зависит ни от каких и ничьих субсидий.

Незыблемо стоящая на трех исконных русских китах „За Веру, Царя и Отечество“.

Непосредственно связанная с молодыми единомышленниками отсюда, верящими в возрождение Самодержавия, как единственное спасение от любого партийного рабства.

Документально разоблачающая подвохи, происки и ложь врагов России и православной Церкви; врагов их прошлого, настоящего и будущего.

Дающая оценку мировым событиям, прошедшим и нынешним, в свете российских народных интересов.

Объединяющая на своих страницах талантливых публицистов, выдающихся знатоков литературы, экономики, истории, политики и военной науки.

У газеты нет других хозяев, кроме самих читателей.

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой 0,80 ам. долл.

Почтовые переводы и чеки посылать:

Miguel Kireeff
Monroe 3579-11
1430 Buenos Aires, Argentina

Римский скандал

31 января 1985 года к дому № 3 на Piazza S. Pantaleo в Риме, где помещалась Русская Библиотека им. Н. В. Гоголя, подъехали грузовые автомобили. Началась беспорядочная - навалом - погрузка на них мебели, книжных полок, книг, подшивок журналов и газет и всего прочего, что составляло библиотечное имущество. Ни директор Библиотеки Карло Риччо, ни председатель правления Библиотеки В. Н. Дюкин, ни один из членов этого правления при погрузке не присутствовали. Ею руководил хозяин дома, выполнявший решение римской судебной инстанции о выселении библиотеки.

По имеющимся сведениям, библиотечное имущество, включая книжные фонды, объявленные по ходатайству директора Библиотеки г-на Риччо, собственностью министерства культуры Италии, вывезено в какой-то римский институт и свалено там в трех комнатах.

Происшедшее имеет чрезвычайно запутанную, длинную и весьма некрасивую предисторию. Прежде чем делать попытку разобраться в ней, предлагаем читателям „Вече“ документальный материал с просьбой прочесть его внимательно.

Из протоколов заседаний Совета Старейшин Библиотеки им. Гоголя в Риме

1. Из протокола заседания от 9 февраля 1973 г.

„К. К. Лозина-Лозинский говорит о необходимости искать, пользуясь любой возможностью, менее дорогостоящее помещение для Библиотеки, принимая во внима-

ние сокращение фондов и отсутствие других источников для ее содержания... Он говорит о проекте получения за низкую цену подходящего помещения через посредство Городского Совета Рима. Решено поручить доктору Лозинскому направить письмо Мэру Дарида с просьбой предоставить в распоряжение Библиотеки им. Гоголя за невысокую цену помещение, учитывая ее культурное значение не только для постоянных посетителей, но и для города Рима.“

2. Из протокола заседания от 10 апреля 1973 г.

„Председатель (К. К. Лозина-Лозинский) зачитывает письмо, полученное от Мэра Рима Дарида, в котором сообщается – в ответ на просьбу, представленную Советом Библиотеки – что в настоящий момент не имеется помещений с пониженной арендной платой, которые можно было бы предложить Библиотеке.“

3. Из протокола заседания от 30 мая 1975 г.

„Директор Библиотеки В. Н. Дюкин докладывает, что вечером 18-го мая украдены две ценные иконы Спасителя и Великомученицы Варвары. Ключи были у В. Н. Дюкина, но хранились в условленном месте, знакомом ему, И. А. Финлей и техническому работнику Льву Абрамовичу Барантасу, который должен был на-днях уехать в Англию. Дюкин не мог привести подозрений на кого-либо. Полиция поэтому их не искала. После обмена мнениями и выяснения, что Барантас работал в церкви перед кражей оттуда икон и вообще проявлял к ним интерес с точки зрения их рыночной ценности, постановлено одобрить отклонение В. Н. Дюкиным его просьбы о принятии снова на работу в Библиотеку.“

4. Из протокола заседания от 4 марта 1976 г.

„Директор Библиотеки В. Н. Дюкин докладывает об увольнении Барантаса в связи с выяснившейся продажей им книг из Библиотеки отъезжавшим посетителям. С. В. Гротов сообщает, что с разных сторон он слышал,

как на квартиру Барантаса приходили покупать книги, которые он воровал в Библиотеке, как он клеветал посетителям на В. Н. Дюкина, как он уверял, что связан с итальянской полицией, куда может давать ложные доносы на всякого, кто разоблачит его проделки. Увольнение Барантаса единогласно одобрено.“

5. Из протокола заседания от 10 марта 1978 г.

„В. Н. Дюкин докладывает об успешной работе Библиотеки... Ведется успешная борьба с пропажей книг, которые удается находить... В. Н. Дюкин докладывает, что А. А. Мясоедов, С. В. Гротов и А. П. Тимофеев проверяют работу Библиотеки и принимают активное участие. Однако, К. Риччо и Д. Стюарт не только не посещают заседаний, но и не платят членского годового взноса...“

6. Из протокола заседания от 25 сентября 1978 г.

„...поднимается вопрос о правовой форме Библиотеки, которая определяется, как общественная Библиотека, независимая ни от Коммуны, ни от итальянского государства... Подчеркивается опять необходимость не выдавать редкие книги на руки, в виду частой их пропажи“.

7. Из протокола заседания от 11 янв. 1979 г.

„Ввиду отъезда Ю. Николаева в Париж, В. Н. Дюкин предлагает принять на его место, в качестве вице-директора Библиотеки, Е. А. Вагина. Совет единогласно принимает предложение и Е. А. Вагин автоматически становится также и членом Совета Старейшин“.

8. Из протокола заседания от 5 ноября 1980 г.

„В. Н. Дюкин уведомляет присутствующих о получении письма от хозяина помещения Библиотеки. Последний обращается с просьбой освободить помещение в резонный срок, т.к. в нем нуждается его сын, врач-радиолог... После рассмотрения последнего контракта, в котором указано, что он истекает 30-го ноября 1983 г. и

зачитывания контракта за 1972 г. решено немедленно обратиться за советом к адвокату...”

9. Из протокола заседания от 26 мая 1982 г.

„Е. Вагин сообщает об обновлении Устава (Библиотеки), которое было оформлено у нового адвоката... Подымается вопрос о помещении Библиотеки. Юридически, Библиотека имеет право оставаться в занимаемых ею помещениях до декабря 1983 г. Есть надежды на дальнейшие отсрочки. Что касается переговоров с о. Виктором о переезде Библиотеки в церковный флигель, последний категорически отказался принять во внимание подобное разрешение проблемы.“

10. Из протокола заседания от 13 мая 1983 г.

„Директор Библиотеки Е. А. Вагин зачитывает ряд вопросов, намеченных на предыдущем собрании от 22 апреля, на котором присутствовало всего четыре члена Совета... Вагин сообщает о своем посещении секретариата Р. Николини в попытках получить от Римского Муниципалитета помещение для Библиотеки... Ввиду серьезного положения и категорического отказа со стороны отца Виктора на переезд Библиотеки в церковный флигель, всех присутствующих (А. Мясоедов, Р. Вагина, В. Дюкин, А. Тимофеев, Е. Вагин, Р. Буцкая) просят приложить все усилия на поиски помещения.“

11. Из протокола заседания от 23 мая 1984 г.

„Присутствуют: В. Н. Дюкин и А. П. Тимофеев – участвовавшие на проведении этой встречи, несмотря на невозможность для большинства членов Совета Старейшин прибыть в Библиотеку – Е. А. Вагин и Р. А. Вагина.

Отсутствуют по болезни: Е. А. Чечеткина, С. В. Грозов и А. Буцкая; К. Риччо не отвечает на телефоны. А. А. Мясоедов и О. Н. Ферзен извещены не были. Как потом стало известно, пришедший с опозданием Р. Дель Борго не вошел в комнату, где велись бурные дебаты.

Председательствующий Директор Библиотеки Е. Вагин делает предварительное сообщение о положении дел. Самый острый и единственно важный сейчас вопрос – положение с квартирой. Имеется судебное решение о том, что к 31 октября Библиотека должна покинуть занимаемое ею помещение, между тем, все предпринимавшиеся Вагиным (фактически, им одним) попытки найти другое помещение, успехом не увенчались. Комуне ди Рома, куда были представлены два заявления о квартире, официального ответа до сих пор не дала, а в частном порядке Вагину было сказано, что надежды получить одну из этих квартир практически нет. Встреча Вагина с ассессоре Гатти (по рекомендации проф. М. Колуччи) также не дала практических результатов. Нет надежды и на помещение при Русской Православной церкви в Риме, несмотря на предстоящую смену настоятеля. Более того, стало известно, что О. Н. Ферзен – член Совета Старейшин Библиотеки и одновременно член Приходского Совета, на заседании этого последнего, голосовала **против** предоставления церковного подвала(!) для нужд Библиотеки в случае ее принудительного выселения.

А. Тимофеев выражает возмущение этим фактом и говорит о необходимости выведения из членов Совета Старейшин таких недостойных членов. Р. Вагина, занимающаяся денежной отчетностью, дополняет, что О. Н. Ферзен не платила членских взносов последние годы. Решено этот вопрос поставить на общее заседание в сентябре месяце.

Е. Вагин утверждает, что в сложившейся ситуации, чтобы избежать перехода Библиотеки в итальянские руки, единственный выход – передать ее фонды на хранение другой русской организации – лучше всего, Русской Зарубежной Церкви – даже если это будет за границей, в Швейцарии или Германии; или – как было предложено приезжавшей в Рим г-жой Самсоновой – слить фонды Библиотеки им. Гоголя в Риме с Толстовской Библиотекой в Мюнхене. Руководитель Юлия-Фондейшен, с которым говорил Вагин, будучи месяц назад в США, не

против вывоза – если нельзя найти другого решения для спасения Библиотеки.

В. Н. Дюкин и А. П. Тимофеев высказываются против такого решения, настаивая, что необходимо найти квартиру в Риме.

Е. Вагин подчеркивает, что Дюкин, вследствие своей двухлетней болезни, а Тимофеев по непонятным причинам, ничего конкретного в этом направлении до сих пор не сделали (как, впрочем, и все другие члены Совета Старейшин), Тимофеев даже ни разу не был на судебных разбирательствах, где решался вопрос о судьбе библиотечного помещения. Вагин предлагает Тимофееву покинуть состав Совета Старейшин, учитывая и то обстоятельство, что он занимается торговлей книгами.

Последовавший резкий обмен мнениями – с вмешательством работника Библиотеки С. Немчинова – не позволил прийти ни к какому определенному решению.

Из переписки

3 марта 1981 года

Приходскому совету
Русской Православной Церкви в Риме

Правление Руской Библиотеки имени Н. В. Гоголя в Риме считает нужным сообщить о тяжелом положении, в каком опять (и уже не в первый раз) оказалось это ценное книгохранилище, которое скоро отметит восемьдесят лет своего существования.

Хозяин дома, в котором Библиотека арендует помещение, заявил о своем решении не возобновлять в дальнейшем контракт, и требует нашего выселения, предоставляя „разумное время“ для подыскания нового помещения и средств необходимых для перевозки книг и библиотечного хозяйства.

Сложившаяся кризисная ситуация снова заставляет поставить вопрос о необходимости для Русской Библиотеки

собственного помещения, которое не зависело бы от такого рода случайностей и переселений, и дало бы возможность спокойного существования этому старейшему культурному центру русского Зарубежья, органически связанному с Русской Православной Церковью.

Правление Библиотеки решило обратиться к Приходскому Совету с настоятельной просьбой: предоставить для Русской Библиотеки флигель при церковном доме, – с тем, чтобы после необходимого ремонта (который Библиотека обязуется провести за свой счет) можно было там поместиться.

Просим **безотлагательно** обсудить нашу просьбу, ответственно и с пониманием отнестись к ней и удовлетворить ее – ибо в противном случае ставится под угрозу само существование Русской Библиотеки в Риме. Этого допустить нельзя.

Председатель Правления Библиотеки – А. Мясоедов
Секретарь Правления – А. Буцкая

*

Нижеподписавшиеся, проживающие в Риме русские – в большинстве православные христиане, прихожане храма св. Николая Чудотворца на виа Палестро, 69 – поддерживают просьбу Правления Русской Библиотеки имени Гоголя в Риме о предоставлении названной Библиотеке флигеля при церковном доме.

Эта просьба вызвана тем обстоятельством, что Русская Библиотека в Риме, которая существует уже около восьмидесяти лет, оказалась в исключительно трудном положении. Хозяин дома, в котором Библиотека более десяти лет арендовала помещение, заявил о своем решении не возобновлять контракт (мотивируя это семейными обстоятельствами) и требует выселения.

Найти в настоящее время в Риме квартиру практически невозможно, особенно если учесть более чем скромные

материальные возможности Библиотеки (она существует только на пожертвования).

Единственный выход Правление Библиотеки и нижеподписавшиеся видят в том, чтобы **просить в аренду** у Русской Православной Церкви флигель при церковном доме, который сейчас сдается иностранцам (частично под жилое помещение, частично под склад).

Нет необходимости много говорить о громадном культурном значении уникального книжного собрания, каким является Русская Библиотека имени Гоголя, естественно связанная на протяжении десятилетий с нашей православной Церковью. Нельзя допустить, чтобы Библиотека в Риме прекратила свое существование, как это случилось с Библиотекой в Меране. И единственный выход – при том, что количество русских в Риме существенно не увеличивается – состоит в том, чтобы быть ближе к Православной Церкви, образуя вместе с нею очаг русской православной духовности в Италии.

Без даты. Под письмом 8 подписей.

*

**Протокол заседания Приходского Совета
русской Православной Церкви в Риме
от 22.3.1981**

Присутствуют: о. Настоятель, ц. староста, гр. О. Н. Ферзен, Т. В. Криличевская, А. А. Мясоедов.

О. Настоятель прочитал прошение Председателя Правления Библиотеки от 3.3. с.г. о предоставлении флигеля при церковном доме, где можно было бы поместить Библиотеку, ввиду того, что хозяин теперешнего помещения решил не возобновлять контракт.

О. Настоятель высказал несколько своих соображений о трудностях этого дела: 1) Флигель занят жильцами, из

которых один перед тем как въехать, сделал капитальный ремонт. И он, и занимающая квартиру напротив – студентка. Морально было бы трудно выселить их. 2) Гараж внизу, под к. 2 сдан в аренду в 1964 году хозяину фруктовой лавки; он в нем держит все, нужное ему для торговли. Наше требование освободить гараж может встретить судебную волокиту. 3) Все эти жильцы исправно вносят плату в сумме 165.000 ит. лир в месяц.

(Примечание Редакции: 165.000 итальянских лир составляет менее 100 американских долларов; эту сумму ежемесячно платили **все** занимающие целый флигель наниматели. О. Настоятель не упомянул еще одно большое помещение, занятое под столярную мастерскую).

Был момент, когда Библиотека должна была оставить Студию А. Кановы; тогда кн. Сергей Романовский искал возможности получить наши подвалы. Но уже тогда было видно, что библиотечная жизнь под церковью – явление необычное и сложное.

Далее о. Настоятель говорит, что раньше чем принять какое-то решение, хотелось бы иметь под руками Устав Библиотеки на русском языке; список членов Правления; как часто происходит переизбрание их; есть ли Ревизионная Комиссия; кто до сих пор вносил квартирную плату; есть ли у Библиотеки деньги в банке и сколько.

Обо всем этом шло совещание, занявшее около часу времени. Но в виду того, что половина членов Ц. Совета не могла в нем принять участия (двое не пришли, а двое новых еще не получили благословения Владыки Митрополита Филарета) мы не могли принять никакого решения, а лишь посоветовались.

Подписано: Прот. Виктор Ильенко

*

Настоятелю русской православной церкви в Риме
о. Виктору Ильенко

Рим, 26 августа 1983 г.

Глубокопочтимый отец Настоятель!

Дирекция Библиотеки им. Гоголя в Риме, ввиду катастрофического положения с арендуемым ею помещением и ответственно сознавая, что имущество Библиотеки (в первую очередь книжный фонд) должно оставаться в русских руках, возобновляет прошение о предоставлении для нужд Русской Библиотеки церковного флигеля.

Административный Совет (Совет Старейшин) Библиотеки в настоящее время номинально включает следующих лиц: А. А. Мясоедов - Председатель Совета, Е. А. Вагин - Директор Библиотеки, Р. Буцкая - секретарь Совета. Члены Совета: С. В. Гротов, В. Н. Дюкин, Е. А. Четкина, графиня О. Н. Ферзен, Р. А. Вагина, А. П. Тимофеев, К. Риччо, Р. Дель Борго.

Согласно Устава Библиотеки (обновленный Устав - копия которого прилагается - был принят в апреле 1982 г.), избираемый на три года Совет должен собираться не меньше трех раз в год для обсуждения текущих дел. Последнее такое собрание состоялось 13 мая 1983 г.; на нем членами Ревизионной комиссии были утверждены В. Н. Дюкин, Р. Буцкая и Р. Дель Борго.

Как известно, деньги на аренду помещения и на текущие расходы Библиотека получает в последние годы от одного американского благотворительного фонда, что позволяло до сих пор регулярно вносить плату за квартиру. У Библиотеки имеется текущий счет в банке, на котором в настоящее время числится 1.800.000 лир.

От имени Совета Старейшин (в отсутствии Председателя) выражаю надежду, что Вы с пониманием отнесетесь к нуждам Русской Библиотеки.

Директор Библиотеки: Е. А. Вагин

Рим, 19.11.1983 г.

О. Виктору Ильенко

Глубокоуважаемый отец Виктор!

Просим рассматривать настоящее письмо, как Заявление в Церковный Приходской Совет и разобрать его согласно существующей практике.

До сведения Администрации Русской Библиотеки имени Гоголя в Риме дошло, что недавно в церкви состоялось „закрытое“ или „секретное“ собрание Приходского Совета, на котором обсуждался вопрос о предоставлении Русской Библиотеке подвального помещения. Как нам стало известно, было принято решение ОТКАЗАТЬ - в который уже раз - Библиотеке, переживающей в настоящий момент остро критическое положение. Спрашивается - ПОЧЕМУ ?

Президент Библиотеки им. Гоголя А. А. Мясоедов, являющийся членом Приходского Совета и принимавший участие в этом собрании, отказался сообщить Директору Библиотеки Е. А. Вагину какие-либо подробности, сказав, что собрание было „секретным“ и он не имеет права оглашать имена голосовавших против.

Как Вам, может быть, известно, Библиотека им. Гоголя находится под угрозой выселения. Контракт на аренду помещения кончился 31 октября с.г. и подписавший его в свое время бывший директор Библиотеки В. Н. Дюкин приглашается в суд для разбора этого дела. Адвокат, с которым мы консультировались, оставляет нам мало надежды - помещение придется оставить.

Отказ в предоставлении нам помещения Церковью (повторявшийся уже неоднократно) в настоящий критический момент заставляет нас, двоих Директоров Библиотеки - бывшего и нынешнего - поставить вопрос о поведении членов Приходского Совета. Мы требуем ОЧНОЙ СТАВКИ с членами Приходского Совета для выяснения причин такого явно враждебного отношения к Русской Библиотеке имени Гоголя. Пусть нам укажут точно,

ПОЧЕМУ мы не имеем права хотя бы на церковный подвал - в то время, как сдаются в аренду помещения церкви лицам, не имеющим к ней (и вообще ни к Православию, ни к России) никакого отношения?! Пусть эти люди, которые голосуют постоянно против Библиотеки, объяснят открыто, почему они хотят и жаждут скорейшего конца Библиотеки, не понимая, что рушится одна из последних основ материальной памяти о Царской и Белой России, один из очагов сопротивления коммунизму!

Мы настаиваем на проведении „очной ставки“ с членами Приходского Совета, и если она не состоится, мы вынуждены будем обратиться в высшую Церковную инстанцию для создания специальной Комиссии для разбора отношений между Православной Церковью в Риме и Русской Библиотекой им. Гоголя.

Мы оставляем за собой право поднять этот вопрос на общем собрании Прихода, членами которого мы являемся.

С уважением В. Дюкин, Е. Вагин

*

20.11.1983 г.

Милостивые Государи

Василий Николаевич и Евгений Александрович!

Спешу ответить Вам на ваше письмо от 19.11. с.г. Прежде всего скажу, что заседание Прих. Совета, на котором был затронут вопрос о предоставлении Библиотеке помещения при церковном доме, не было ни „закрытым“, ни „секретным“. Вот выписки из протокола № 77:

„3) О. Настоятель докладывает о желании руководителей Библиотеки имени Гоголя получить помещение (целый флигель) у нас, при церкви. При разговоре с Е. А. Вагиным, теперешним Директором Библиотеки о. Настоятель высказал свое мнение, что он не против того, чтобы уступить Библиотеке весь церковный подвал.

При обсуждении этого вопроса все члены Совета высказались против предоставления Библиотеке флигеля или подвала“

(Примечание Редакции: в числе членов Приходского Совета, принимавших участие в этом заседании, было двое членов Совета Старейшин Русской Библиотеки им. Гоголя: Председатель Совета – А. А. Мясоедов и член Совета графиня О. Н. Ферзен).

Мне думается, что „очная ставка“ с членами Приходского Совета, желаемая вами, не принесет пользы, а напротив возбудит в приходе вражду и разделение. А ведь мы на каждом Богослужении слышим: „Миром Господу помолимся“, и просим Господа „о мире всего мира, благостоянии св. Божиих Церквей и соединения всех“.

Чтобы избежать ссор и споров, мне кажется, что высшая церковная власть в лице нашего теперешнего Главы Архиепископа Антония Женевского могла бы в этом вопросе помочь вам и убедить членов Прих. Совета согласиться с моим мнением, т.е. предоставить Библиотеке наш подвал.

Оттого я и писал недавно Владыке Антонию, что его приезд в Рим очень желателен.

Хорошо было бы и вам просить его об этом, объяснив предварительно все дело.

И тогда исчезла бы идея о создании специальной комиссии, о которой вы пишете в конце вашего письма.

Да сохранит нас Господь в мире и единении!

Ваш Батюшка

*

Рим, 4.6.1981 г.

Архиепископу Антонию Женевскому

Глубокопочтимый и дорогой Владыко!

В продолжение нашего разговора о судьбах Русской Библиотеки имени Н. В. Гоголя в Риме, каковую Вы заинтересовались столь серьезно, высылаю Вам Краткую Записку; из содержания ее видны и успехи Библиотеки, и

ее проблемы. Главная проблема сейчас – подыскание нового помещения и переселение Библиотеки, так как хозяин прежнего помещения не хочет возобновлять контракт по веским причинам.

Дирекция Библиотеки уже обращалась к настоятелю Православного храма о. Виктору Ильенко с просьбой о сдаче в аренду флигеля во дворе церковного дома. Вначале он отослал нас к Приходскому Совету, а затем сказал, что не может решить этот вопрос без согласия Синода.

Между тем время не ждет, и хотелось бы получить согласие батюшки, а за ним – и флигель, который нуждается в серьезной перестройке, чтобы превратить его в удобное для Библиотеки помещение.

Можно ли просить Вас, Владыко, о содействии и помощи в этом деле?

Ваш Е. Вагин

Примечание Редакции: Архиепископ Антоний принял в делах Библиотеки самое живое участие; по его словам, докладывал о положении её на собрании Епископов Русской Зарубежной Церкви.

*

20.3.1981 г.

Председателю
Толстовского фонда –
Князю Т. К. Багратиону

Глубокоуважаемый Князь Теймураз Константинович!

Обращаюсь к Вам от имени Дирекции Русской Библиотеки им. Н. В. Гоголя в Риме, которая неожиданно попала в очень тяжелое положение, из которого без посторонней помощи невозможно (или почти невозможно) выйти, без

ущерба для целостности Библиотеки – этого ценнейшего хранилища материалов по истории русской культуры, самой русской истории, хранительницы вековых национальных традиций.

Произошло то, что в конце прошлого года хозяин дома, у которого мы снимаем помещение для Библиотеки (то самое, в котором Вы однажды нас навестили, и где мы с Вами познакомились) официально уведомил меня, что он не может дальше продолжать наш контракт по причинам очень веским, давая нам „логичный срок“ для подыскания нового помещения...

Причины: его старший сын, получивший от него в наследство эту квартиру, где расположилась Библиотека, окончил свое образование и стал медиком; ему необходимо иметь свой кабинет, лабораторию, зал для приема больных, а также помещение для жилья с будущей семьей. Наш адвокат признал, что на это хозяин дома имеет полное право, и что нам нужно использовать „логичный срок“ для подыскания новой квартиры в довольно спокойной атмосфере, и переселения. Сейчас мы подписали контракт еще на год, м.б. можно будет продлить еще, но когда-то срок должен кончиться. Нам нужны средства и новая квартира, и у нас ни того, ни другого...

Возвращаясь назад, хочу указать, что подобное переселение уже было раз произведено, – когда мы должны были в 1969 году покинуть „студию Кановы“, в которой Библиотека находилась с самого своего основания в феврале 1902 года (таким образом, в феврале 1982 года исполнится 80 лет существования Библиотеки). Я помню, как трудно было перенести такую массивную библиотеку, сколько было напряжения, сколько понадобилось денег для устройства зал и комнат. Тогда все закончилось благополучно, и мы в течении десяти лет имели просто шикарную и красиво устроенную Библиотеку.

Теперь положение меняется: мы пришли к убеждению, что во избежание возможных дальнейших переездов необходимо соорудить собственную Библиотеку.

В один из таких задумчивых дней о судьбе Библиотеки, к нам пришла в поиске нужных книг, Ваша племянница Кн. Катрен Багратион-Орсини с мужем. Им очень понравилась наша Библиотека, и когда зашел разговор, на что она существует и каково ее положение, они приняли большое сочувствие в ее судьбе. Много говорилось о разных планах, и, наконец, Ваша племянница и дала нам идею о приобретении собственной Библиотеки. Первое, что она мне подсказала – немедленно написать Вам письмо и подробно изложить положение дел, что я и сделал.

Конечно, все такие дела сводятся к одному – к деньгам.

Поэтому я и обращаюсь к Вам с просьбой – ответить нам, может ли возглавляемый Вами Толстовский Фонд чем-либо серьезно помочь в нашей беде?

Может быть, Ваша племянница сама напишет Вам. Через некоторое время мы должны встретиться с нею и снова говорить на эту тему.

Из наших же поисков подходящего помещения можно отметить только то, что мы обратили внимание на большой флигель, находящийся во дворе нашей церкви, который при известном переустройстве можно превратить в Библиотеку. Мы подали прошение в Церковный Совет об уступке нам этого флигеля, но ответа пока еще не получили.

Заканчивая письмо, шлю Вам наш искренний привет

Директор Библиотеки В. Дюкин

*

14 декабря 1981 г.

Директору Института
Русской литературы
Веницианского университета
проф. Витторио Страда

Дорогой профессор Страда!

Обращаюсь к Вам в качестве Вице-директора Русской Библиотеки им. Н. В. Гоголя в Риме с просьбой о помощи.

Наша Библиотека существует вот уже 80 лет (в феврале 1982 года мы как раз собираемся отмечать ее юбилей), и за это время - а особенно в последние годы - зарекомендовала себя важным культурным центром, всегда готовым к услугам исследователей, студентов, работников кино и театра, простых читателей, интересующихся русской литературой. Не будучи связанной ни с какой политической организацией, совершенно независимая и автономная, библиотека свою главную задачу видит в том, чтобы предоставлять объективную и всестороннюю информацию о русской истории, культуре, искусстве всем, серьезно занимающимся этими вопросами. Постепенно становится она и своего рода центром консультаций для студентов-русистов из итальянских университетов.

Последние десять лет Библиотека занимает помещение, арендуемое у частного лица. Хозяин недавно заявил о том, что он не желает продлевать контракт, так как квартира необходима для его старшего сына, собирающегося в ней устроить свою приемную. Он предложил нам искать новое помещение.

При тех ограниченных средствах, которыми располагает Библиотека в нынешней кризисной ситуации единственный выход для нас - обратиться в Комуне ди Рома, с просьбой предоставить нам помещение. Переговоры на эту тему уже велись с покойным мэром Перроселли; в курсе дела и советник по делам культуры (ассессоре культурале) Николини.

Нам очень помогло бы письмо за Вашей подписью (как и аналогичные письма Ваших коллег из других Университетов), адресованное нынешнему мэру – с объяснением роли и места Библиотеки им. Гоголя в культурной жизни Рима (какими бы скромными они ни были), и с просьбой оказать содействие в предоставлении Библиотеке достойного помещения.

Хочу подчеркнуть еще раз, что наша Библиотека – совершенно независимое и автономное учреждение, никак не связанное ни с какими государственными органами: ни с советским посольством, ни с Итальянскими министерствами. Финансовой помощи до сих пор мы от Итальянского государства не получали, и ее не просили – Библиотека существует на средства, предоставляемые ей одним американским благотворительным фондом. Эту **независимость** Русская Библиотека им. Гоголя хочет сохранить и в дальнейшем, так что просьба о предоставлении нам Комуне ди Рома помещения не должна – как мы надеемся – означать лишения нас нашей автономии.

Прилагаю составленный несколько лет назад Каталог Библиотеки (неполный, и в то же время с обозначением некоторых книг, не оказавшихся в наличии к моменту моего вступления на пост Вице-директора), английскую брошюру о Библиотеке и старую брошюру – поистине библиографическую редкость: эти материалы дают некоторое представление о Русской Библиотеке им. Гоголя в Риме.

С уважением, Е. Вагин

*

Перевод с итальянского
Венецианский университет.
Институт русского языка и литературы.
Директор.

Мэру Рима
и для ознакомления – советнику по делам культуры.

Господин Мэр,
позволяю себе обратить внимание Ваше и советника по делам культуры на одно из культурных учреждений Вашего города и переживаемые им в настоящий момент трудности.

Речь идет о Русской Библиотеке им. Гоголя – рабочем центре, хорошо знакомом всем исследователям русской культуры, но – возможно – не в достаточной степени известном тем, кто не занимается непосредственно этой областью исследований. В следующем году, в феврале, Библиотека им. Гоголя отметит восемьдесят лет своей деятельности, и если юбилеи дают повод для подведения итогов, я считаю, что итоги в культурном плане этого учреждения должны быть признаны сугубо положительными, и что те, кто основал, обогащал и занимался Библиотекой в прошедшие десятилетия, заслуживают благодарности не только тех, кто – как я сказал, посвящают себя, по внутренней потребности и профессионально, изучению русской культуры и литературы – но и всех тех, кто чувствует и понимает важность и жизненность этой культуры и этой литературы.

Итак, счастливый „юбилей“ – который Библиотека им. Гоголя собирается отметить в феврале 1982 года. Но вместе с тем и юбилей, не лишенный беспокойств, – так как помещение, в настоящее время занимаемое Библиотекой, хозяин хочет заполучить обратно, и таким образом этот достойный культурный Центр оказывается под угрозой прекращения своего дальнейшего существования. Ибо Библиотека небогата, и без щедрой и благоразумной помощи-вмешательства общественных Властей может

погибнуть. И это было бы тяжелой потерей для всех нас, с любовью изучающих русскую литературу, – так как мы лишились бы одного из немаловажных рабочих инструментов, которыми располагаем сегодня. Было бы ошибочным и противоречивым, если бы Администрация – которой ныне располагает Рим, столь внимательная к культурным нуждам – не вмешалась бы надлежащим образом для решения этой проблемы.

Именно потому, что я уверен в заинтересованности Вашей лично и Ваших сотрудников в этом деле, кратко очерченном выше, я позволяю себе обратиться к Вашей внимательности на Русскую Библиотеку им. Гоголя, носящую имя писателя, который именно в Риме пережил и осуществил некоторые из своих значительных замыслов.

Я не стал бы писать это письмо, если бы не был уверен, что говорю от имени всех коллег из итальянских университетов, многочисленных студентов-русистов и столь многих простых граждан, которые знают русский язык и культуру. Для всех этих посетителей Русской Библиотеки им. Гоголя в Риме и для действенного познания русского мира Городской Совет Рима – Вы мне позвольте эту уверенность, г-н Мэр – не преминет предоставить помещение, достойное собрания ценных русских книг, которое – после восьмидесяти лет деятельного существования – испытывает ныне опасность выселения.

Витторио Страда
22 декабря 1981 г.

Примечание Редакции: ответа на это письмо не поступило.

*

31 марта 1983 г.

Князю Н. Р. Романову, Рим

Ваше Высочество,
глубокоуважаемый Князь Николай Романович!

Решаюсь обратиться к Вашему Высочеству, так как однажды Вы проявили живой интерес к судьбе Русской Библиотеки им. Гоголя в Риме и удостоили ее посещением. Судьба этого старейшего русского культурного центра (не только в Италии – старейшего, но и во всей западной Европе) висит буквально на волоске, и волосок этот становится все тоньше. Хозяин нынешнего помещения, в котором размещается Библиотека, отказался возобновить контракт – оканчивающийся 30 ноября сего года – и угрожает нам выселением. Адвокат, к которому мы обратились за помощью, сказал, что права на стороне хозяина, и самое большое, что можно было бы сделать, это получить отсрочку на какое-то время. Отсрочка с выселением, даже длительная, к сожалению, проблему Библиотеки, ее существования – не решает.

Дирекция Библиотеки предпринимала усилия заинтересовать судьбой гибнущего Русского культурного центра Синод Русской Православной Церкви за границей; к сожалению, никакой конкретной помощи до сих пор нам получить не удалось. Нынешний настоятель нашей римской православной церкви наотрез отказался предоставить в наем Библиотеке флигель во дворе храма (который занимают итальянцы). Толстовский фонд, к которому мы обращались также, ничем конкретно нам не помог.

Вот уже более года – отпраздновав торжественно 80-летие Библиотеки – мы тщетно ищем новое помещение (с учетом наших весьма скромных средств: в последнее время мы платили за аренду помещения около шести миллионов ит. лир в год). Всех наших друзей, друзей Русской Библиотеки в Риме и друзей русской культуры мы усиленно просим помочь нам найти новое помеще-

ние, в которое могла бы переехать Библиотека. Без этого она погибнет.

Как новый директор Библиотеки, я обращаюсь с такою же просьбой к Вам, Ваше Высочество – наиболее уважаемому и самому влиятельному представителю тающей русской колонии в Риме: не можете ли Вы содействовать в спасении одного из последних очагов русской культуры в западном мире?

Директор Библиотеки Е. Вагин

Примечание Редакции: Ответа на это письмо не поступило.

*

В развитии прискорбных событий, последовавших после совещания Совета Старейшин Библиотеки им. Гоголя, состоявшегося 23 мая 1984 г., на котором согласно протокола (см. стр. 172) присутствовали только четыре члена этого органа – В. Н. Дюкин, А. П. Тимофеев, Е. А. Вагин и Р. А. Вагина, поистине трагическую роль сыграло то обстоятельство, что подспудно тлевший конфликт между Вагиным и Тимофеевым, принял открытую и очень острую форму. Это отражено в протоколе совещания скупыми, не раскрывающими суть конфликта словами: „Вагин предлагает Тимофееву покинуть состав Совета Старейшин, учитывая и то обстоятельство, что он занимается торговлей книгами“ (см. стр. 174).

Произошло же следующее: Е. А. Вагин (и прежде в частных разговорах высказывавший подозрения, что А. П. Тимофеев использует свою близость к Библиотеке в сугубо личных материальных целях), в резком тоне обвинил Тимофеева в том, что его бездействие в деле нахождения выхода из создавшегося для Библиотеки катастрофического положения, объясняется его неблагоприятными намерениями. Вагин заявил, что считает, что саботируя принятие решения о действенных мерах по спасению книжных фондов в преддверии предстоящего принуди-

тельного выселения Библиотеки, протестуя против передачи этих фондов на хранение какой-либо реально существующей русской общественной или церковной организации за пределами Италии, Тимофеев преследует цель воспользоваться библиотечным имуществом после выселения Библиотеки к 31 октября 1984 г., ибо оно неминуемо очутится, так сказать, под открытым небом.

Более того, Вагин, в пылу словестной перепалки, бросил Тимофееву в лицо обвинение в том, то тот, в бытность директором Библиотеки В. Н. Дюкина (таким образом, обвинение коснулось и Дюкина!), совершал незаконную продажу библиотечных книг, используя коммерческие связи, руководимого им торгового предприятия издательства „Посев“. Вагин утверждал, что во время его поездок в Латинскую Америку и Австралию он встречался с людьми, которые покупали книги с печатями Библиотеки им. Гоголя у Тимофеева. В связи со всем этим, Вагин потребовал, чтобы Тимофеев вышел из состава Совета Старейшин Библиотеки.

Тимофеев решительно и горячо опроверг все обвинения Вагина, назвал их клеветническими и провокационными. В возникшую словестную перепалку (в протоколе отмечено: „...пришедший с опозданием Р. Дель Борго не вошел в комнату, где велись бурные дебаты“). См. стр. 172), вмешался, находившийся до этого в соседнем помещении, сотрудник Библиотеки С. Немчинов. Он неоднократно оказывал различные услуги Тимофееву в делах, связанных с книжной торговлей последнего. Немчинов заявил, что ему известны многочисленные случаи злоупотреблений Тимофеевым права беспрепятственного - в любое время дня и ночи - входа в помещение Библиотеки, от которой у него, как и у Дюкина, имелись ключи. Соповещение превратилось в бурную склоку. Его участники разделились на два смертельно враждебных лагеря, что и предопределило дальнейшее развитие событий.

Необходимо отметить, что с конца 1983 г. Вагин в беседах со многими знающими его людьми, неоднократно

жаловался, что судьба Библиотеки им. Гоголя совершенно не интересует не только малочисленную, состоящую из десятка-другого людей преклонного возраста, русскую колонию Рима, но к ней с полнейшим равнодушием относятся даже те деятели и инстанции русского Зарубежья, которые должны были бы побеспокоиться о спасении остатков русских культурных ценностей, которые еще находились в Библиотеке, после массивных, длившихся годами, хищений. Он высказывал также опасения, что возникшим безвыходным положением Библиотеки, намереваются воспользоваться лица, заинтересованные в её изъятии из русских рук и передаче её имущества в распоряжение какой-либо итальянской инстанции, что неминуемо приведет к исчезновению книг, имеющих рыночную ценность, и, в конечном счете, к ликвидации одного из последних культурных центров русского Зарубежья. Справедливость жалоб Вагина и обоснованность его опасений подтверждается приведенной выше перепиской. (В распоряжении редакции «Вече», помимо опубликованных писем, имеются и другие, которые будут дополнительно опубликованы, если возникнет в этом необходимость).

Опасения Вагина во многом определили занятую им позицию и его действия после бурного совещания 23 мая 1984 г. После этого совещания он обратился к ряду лиц и организаций с просьбой оказать ему посильную помощь в спасении и сохранении книжных фондов Библиотеки им. Гоголя - в первую очередь богословской, мемуарной, исторической, особенно касающейся истории Белого Движения, литературы, подшивок старых эмигрантских газет и журналов, фактически, не имеющих рыночной ценности. Вагин утверждал, что если он не предпримет энергичных мер, то в лучшем случае Библиотека им. Гоголя разделит печальную участь Бахметьевского архива, в худшем - судьбу Архива Власовского Движения Гарвардского университета, уничтоженного по инициативе одного из русскоязычных профессоров этого учебного заведения.

Предвидя неизбежную необходимость вывоза библиотечного имущества, не имея представления, куда это имущество может быть вывезено – даже в пустующем церковном подвале было отказано – но зная, что перевоз требует длительной, дорогостоящей и трудоемкой подготовки, т.е. упаковки книг, подшивок и прочего имущества, не имея и не ожидая ни от кого помощи (о какой помощи можно было думать, если возраст почти всех членов Совета Старейшин приближался к восьмидесяти годам или же превышал восемьдесят лет!), кроме сотрудника Библиотеки, Немчинова, работавшего за нищенское вознаграждение и за бесплатное жилье, Вагин принялся сам за работу. Начиная с середины июня, все свободное от службы время, Вагин занимался упаковкой книг в картонные коробки, собираемые в окрестных продуктовых лавках. На двери Библиотеки было вывешено объявление о её закрытии для посетителей. В добавление к дверным замкам, от которых существовали многочисленные ключи, был сделан еще один замок, ключи от которого имели только сам Вагин и Немчинов.

Попытавшихся войти в помещение Библиотеки Дюкина и Тимофеева, исполнявший, помимо всего прочего, должность библиотечного сторожа, Немчинов не впустил, что сделал в крайне грубой форме. На телефонные звонки Дюкина и Тимофеева отвечал тоже Немчинов (Вагин в рабочие часы находился на службе и паковал книги только вечерами и по воскресным дням), отвечал не только грубо, но осыпал, требовавших допуска в Библиотеку членов Совета Старейшин, оскорблениями. Вполне понятно, что хулиганское поведение Немчинова вызвало соответствующую реакцию.

Вообще, анализируя развитие событий ретроспективно, к сожалению, приходится констатировать, что позиция и действия Вагина, особенно Немчинова, нагло злоупотреблявшего некоторыми слабостями характера Вагина, были далеко не безупречными и давали повод не только к возмущению, но и к возникновению далекоидущих подозрений. Подозрения сгустились, когда Дюкин (он

лично был квартиросъемщиком помещения, в котором размещалась Библиотека), узнал от дворника, что возвращаясь по вечерам домой на такси, Вагин увозил из Библиотеки тяжелые картоны и подшивки газет.

В то время как Вагин с помощью Немчинова упаковывали книги, уязвленный до глубины души, руководимый вполне понятным желанием отомстить обидчику, Тимофеев, заручившись поддержкой своего давнишнего знакомого К. Риччо, развил бурную деятельность. Он, что называется, по тревоге поднял, итальянские официальные инстанции, осуществляющие надзор за национальными историческими и культурными ценностями. Указывая на законодательство, определяющее, что книгохранилища в Италии подлежат надзору соответствующих итальянских инстанций, Тимофеев обратился в такую инстанцию с заявлением, что Вагин намеревается присвоить исторические национальные ценности Италии. На сцене появился итальянский чиновник, ведающий надзором за культурными ценностями. В письменной форме он потребовал, чтобы ему предоставили возможность совершить инспекцию Библиотеки им. Гоголя. Вагин же, не вдаваясь в тонкости итальянского законодательства, считая, что русские книги, пожертвованные или приобретенные на средства русских эмигрантов, принадлежат только русскому Зарубежью, но никак не итальянскому государству или римскому городскому управлению, которое не соизволило даже ответить на письмо профессора Страда о Библиотеке, не впустил инспектора. Чиновник, вероятно, не вполне уверенный в своих правах в отношении Русской Библиотеки, мирно ретировался.

Наступило затишье, использованное Вагиным для продолжения упаковки книг и постепенного перевоза их на временное хранение в пустующую в его квартире комнату, где книги не распаковывались и находились в картонах в ожидании возможности переправки их в место окончательного хранения.

Затишье было пресловутым затишьем перед бурей. Вот как описывается эта „буря“ в „Сообщении для печати“,

подписанном новым председателем правления Библиотеки им. Гоголя В. Н. Дюкиным и новым директором этой Библиотеки Карло Риччо:

„13 августа 1984 г. состоялось заседание правления при полном кворуме... Вагин был снят с должности директора, исключен из состава правления. Карло Риччо... избранный правлением на место директора вместо Вагина, встречался на следующий день с Вагиным (14 августа 1984 г.). Вагин отказывается признать решение правления, отказывается вернуть деньги и настаивает на своем праве вывезти библиотеку за границу и передать её Толстовскому фонду в Мюнхене (в других случаях Вагин говорил, что хочет передать библиотеку епископу Антонию в Женеву, епископу Марку в Мюнхене). Мотивирует Вагин свою точку зрения тем, что он, мол, единственный настоящий русский в Риме, а посему он; и только он имеет право распоряжаться библиотекой.

Новый директор предупредил Вагина, что для него могут быть неприятные последствия, если он не передаст ключей и все материалы библиотеки, но Вагин не принимает всерьез это предупреждение и требует к тому же, чтобы Дюкин взял обратно свое заявление в полицию.

В тот же самый день копия заседания правления была передана Риччо инспектору полиции, занимающемуся делами библиотеки, который тут же обещал помочь. После этого Риччо в сопровождении членов правления Тимофеева и Колуччи, слесаря и двух чинов полиции, позвонив и не получив ответа, отпирают с помощью слесаря дверь и входят в помещение. Сразу бросается в глаза невероятный беспорядок: у входа приготовленные связки книг для отправки, на полу картонки, пустые и наполненные книгами, на полках местами не осталось ни одной книги, зияют рамы без картин и т.д.

В библиотеке находятся Вагин и Немчинов, которые занимаются упаковкой книг. Можно сказать, что они пойманы на месте преступления. Немчинов начинает истерически кричать и угрожать, подсакивая то к одному, то к другому. Кончается дело тем, что Немчинов

нападает на Тимофеева и ударяет его кулаком в глаз. Полицейские выводят Вагина и Немчинова, сажают их в полицейскую машину и увозят в участок. Ставится новый замок и полиция запрещает Вагину и Немчинову появляться в библиотеке.“

Есть другое описание „бури“, содержащееся в статье С. Григорьева, опубликованной в русской газете, издающейся в Аргентине, «Наша страна» от 29 сентября 1984 г.

„Спешно и тайно собирается на квартире Дюкина собрание Библиотечного Совета с фальшивыми голосами. Смещают старого президента, избирают Дюкина, а на должность директора Библиотеки – итальянца Колуччи (неверно, назначен был К. Риччо О. К.). Итальянские профессора с помощью своих знакомых из полиции, взламывают 15 августа с.г. двери Библиотеки. Руководит мероприятием Тимофеев. Торжественно кричит он фальцетом смещенному директору – „Теперь ты – никто“.

„Сообщение для печати“ значительно многословнее и подробнее рисует развитие событий. В одном сходится оно с утверждением автора статьи в газете «Наша страна» – Тимофеев играл в заключительном акте мелодрамы важную роль. В статье указывается: „Руководил мероприятием Тимофеев“. В „Сообщении“ отмечается: „...Немчинов нападает на Тимофеева и ударяет его кулаком в глаз“. Обычно, статистов прицельно не бьют...

В „Сообщении“ содержится также и описание случившегося через 2 недели после удаления Вагина и Немчинова из Библиотеки. Справедливости ради, следует отметить, что „Сообщение“, мягко говоря, сгустило краски, утверждая: „Полицейские выводят Вагина и Немчинова, сажают их в полицейскую машину и увозят в участок“. В действительности же, поскольку полицейские не имели письменного распоряжения о взломе библиотечной двери, Вагин потребовал немедленного составления протокола о нарушении закона в присутствии начальника полицейского участка и, следовательно, полицейские должны были, выполняя его требование, отправиться

вместе с ним к своему начальству. Но это, так сказать один из „косметических“ недостатков „Сообщения“.

Итак, о случившемся через 2 недели, словами „Сообщения“: „Составив списки исчезнувшего имущества, Дюкин и Риччо делают 20 августа 84 года заявление в жандармерию о незаконном присвоении Вагиным и Немчиновым библиотечного имущества ...(Речь идет, если верить „Сообщению“ о 4-5.000 томов. Неужели за 4 дня можно было составить список такого количества книг? О. К.). Уже 30 августа 84 года карабинеры сообщают, что нашли дома у Вагина 1.300 томов, бронзу, икону и несколько картин – все вещи библиотеки. Карабинеры возвращают найденное у Вагина имущество библиотеки, но это далеко не все, что Вагин и Немчинов вывезли под покровом темноты из библиотеки.“

Сравнивая статью в газете «Наша страна» от 29 сентября 84 г. с „Сообщением для печати“, подписанным Дюкиным и Риччо, можно заметить, что и статья, и „Сообщение“ построены главным образом на обвинениях враждебной стороны. В статье Григорьева обвиняются Тимофеев и Дюкин в неблагоприятных поступках, которые якобы побудили Вагина к принятию срочных самовольных мер для спасения библиотечного имущества. Обвинения не подтверждены достоверными и неопровержимыми доказательствами; они на весьма низком уровне подозрений, требующих детального, кропотливого, беспристрастного разбора. „Сообщение“ еще в большей мере построено на обвинениях и по форме оно мало чем отличается от обвинительного акта прокурора. Несмотря на формальную достоверность ряда изложенных в „Сообщении“ фактов, многие его утверждения вызывают вопросы, без ответа на которые невозможно не только установить истину, но даже приблизиться к ней.

Получив „Сообщение“ и ознакомившись с ним, я немедленно отправил его авторам письмо с просьбой ответить мне на 20 четко сформулированных вопросов. От этих ответов я поставил в зависимость публикацию в «Вече» „Сообщения“. Ответов на вопросы я не получил,

но получил письмо от г-на В. Н. Дюкина, посчитавшего, что я становлюсь в позу следователя, ищущего „каких-то пунктов или указаний, могущих служить смягчением или даже оправданием действий и поступков Вагина, разрушившего в очень короткий срок Библиотеку.“ К своему письму г-н Дюкин приложил стихотворение. Он не указал стоит ли понимать содержание этого стихотворения как „указание могущее служить смягчением или даже оправданием действий и поступков Вагина“ или же наоборот. Считаю необходимым познакомить с этим стихотворением читателей «Вече».

ОБЩЕСТВЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ

Если вздумаешь быть председателем,
Казначеем, иль секретарем,
По листам подписным собирателем,
Иль общественным ведать добром.
Приготовься заранее к распятию,
Претерпеть, пострадать будь готов,
Приготовься услышать проклятия
И не жди благодарственных слов.
На общественной ниве старания
И порыв и задор всех трудов
Принесут тебе сверх ожидания
Урожай ядовитых плодов
Про тебя пустят слухи нелестные,
Малодушным объявят борцом,
И служения повесть чудесная
Завершится печальным концом.
Заподозрят тебя в преступлениях,
Обвинят во всех смертных грехах
И на общих собраниях в прениях
И в газетных статьях и стихах.
И своей добродетелью гордые
Прикуют пред позорным столбом
Обвинители с ханжеской мордою
С медной глоткой и с медным же лбом.

Я далек от того, чтобы в чем-либо упрекать г-на Дюкина и уверен, что действовал он с самыми благими намерениями и несмотря на свои преклонные годы и физическое недомогание сделал, что считал необходимым, чтобы спасти Русскую Библиотеку. Тем не менее, мне думается, что от его внимания ускользнула главная движущая сила Римского скандала, о чем свидетельствует следующее место, подписанного им „Сообщения для печати“:

„Мы хотели бы уточнить одну вещь: то, что произошло в этом году в библиотеке им. Гоголя в Риме, вовсе не означает, что произошли какие-то разногласия между Вагиным с одной стороны, и двумя-тремя членами правления с другой стороны. Речь идет о том, что Вагин тайком от всех пытался вывезти куда-то библиотеку, что он отказывается сообщить, где находятся еще не найденные книги и портреты, что он присвоил библиотечные деньги, что он грубо нарушил оказанное ему доверие и что в результате его махинаций библиотека оказалась в катастрофическом положении“.

Нет, именно „произошли“ не только разногласия, но возник острый конфликт между Вагиным и Тимофеевым, отравивший непоправимо атмосферу взаимоотношений, создавший психологические предпосылки трагической развязки. Вполне возможно, что в своих действиях Вагин руководствовался „фикс-идеей“, заставившей его видеть в человеке торгующем старыми книгами, злого духа, витающего над Библиотекой, усугубившейся тем, что он обнаружил полнейшее безразличие к судьбе Библиотеки со стороны лиц, в которых он верил, а главное рассчитывал, что у них имеется и желание, и практическая возможность, оказать содействие при спасении русского имущества. Оказавшись в сущности в полнейшем одиночестве, причем в то время, когда он впал в состояние крайней душевной неуравновешенности, не будучи в состоянии правильно оценивать обстановку, тщательно обдумывать и взвешивать свои действия, предусмотреть возможное восприятие их, а также реакцию на них со сто-

роны, Вагин совершил множество ошибок и оплошностей.

Но тем не менее и несмотря ни на что, он поступал по велению своей совести, убежденный в правоте своего дела.

Что мог он вообще сделать в создавшейся ситуации? Конечно, проще всего было бы для него, швырнуть ключи от Библиотеки на стол во время последнего совещания Совета Старейшин, не затевать скандала с Тимофеевым и выступить с открытым заявлением, что он умывает руки. Ну, кое-кто обвинил бы его в малодушии, кто-то оправдал бы его поступок, но при возникновении вокруг Библиотеки скандала, а он непременно возник бы, Вагин был бы совершенно, во всяком случае формально, чист. Вагин поступил по иному. Он принял бой, решив сохранить, пусть действиями, вызывающими порицание и дающими повод „обвинителям с ханжеской мордой“ для кривотолков, имущество Русской Библиотеки для русского Зарубежья в широком значении этого понятия.

Ну, а как же реагировали некоторые представители этого русского Зарубежья на происшедшее в Риме? В дни трагической развязки библиотечного конфликта в Риме проходил симпозиум по русской литературе, в котором принимали участие литературоведы из США русского происхождения. Они узнали о случившемся от своих итальянских коллег и сочли, что получили исчерпывающую и достоверную информацию. Неизвестно, попытался ли кто-либо из этих американских литературоведов русского происхождения, вникнуть поглубже в суть дела, но возвратившись в США кое-кто из них незамедлил известить своих друзей и знакомых о Римском скандале. Поползли невероятнейшие слухи. Из Нью-Йорка, Чикаго, Вашингтона, Бостона и других городов звонили по телефону, спрашивали:

- Правда ли, что Вагин похитил библиотеку Ватикана и увез её в Советский Союз?

- Правда ли, что Вагин пойман итальянской полицией при воровстве итальянских исторических ценностей и

находится в тюрьме в ожидании суда?

Правда ли, правда ли, правда ли? И как довесок, вопрос: Что же будет с «Вече»?

Возмущала и удивляла бессовестность и глупость сочинителей сплетен, вызывали жалость люди в них верившие. Дополнительный же вопрос свидетельствовал о неподдельной тревоге подписчиков и читателей альманаха, но и о вероятности, что недруги «Вече» попытаются привязать его к Римскому скандалу. Эти ненавистники возрадовались, учуяв возможность прихлопнуть одним ударом и Вагина, и «Вече». Ведь в представлении многих, моральная, и вытекающая из нее политическая, расправа над одним из редакторов «Вече» не может не нанести сокрушительного удара по независимому русскому национальному альманаху. Лишь бы в правильное русло направить желанную расправу. Этим определилось дальнейшее направление травли, стартовавшей публикацией „Сообщения для печати“ в ряде русскоязычных и даже русских органов печати. Образовался своеобразный широкофланговый „единый фронт“ от «Нового Русского Слова» до «Посева» и даже «Часового». Авангардную позицию заняло «Новое Русское Слово», опубликовавшее в центре своей первой страницы в номере от 2 февраля с.г. заметку: „Вагин вернулся в Советский Союз?“ Содержание заметки выдает, что составлена она опытным дезинформатором, поднаторевшим в провокации и методах уничтожения инакомыслящих. Вот, текст заметки:

„По сообщению, полученному из обычно хорошо осведомленного источника, Евгений Вагин, эмигрировавший на Запад несколько лет назад, вернулся с семьей в Советский Союз. После выезда из СССР Вагин жил в Риме, пытался создать себе репутацию борца за „национальную Россию“ был (совместно с О. Красовским) одним из редакторов «Вече», снискавшего скандальную известность публикацией статей антидемократического и антисемитского характера. Недавно против Вагина было возбуждено обвинение в краже большого количества книг из русской библиотеки имени Гоголя, где он работал.

В русской зарубежной печати сообщалось, что Вагин посещал советское консульство в Риме, в период его работы из помещения библиотеки неоднократно звонили в СССР, жена и дочь Вагина ездили в Советский Союз на отдых“.

Излишне, пожалуй, говорить, что Вагин в Советский Союз не возвращался. Впрочем, составитель заметки это прекрасно знал – не спроста он поставил в заглавии вопросительный знак и приплел к своему вранью несуществующий „хорошо информированный источник“. Что же касается других, содержащихся в заметке утверждений, то они не заслуживают внимания, ибо смысл их сводится к одному: все средства, даже самые мерзкие и подлые, хороши, для введения в заблуждение читателей газеты, название которой давно перестало соответствовать её духу.

Журнал «Часовой», опубликовавший не текст „Сообщения для печати“, а его свободное изложение, что привело к существенному искажению его содержания, недоумевает: „Несмотря на то, что уже прошло более 2 месяцев, от г-на Вагина никакого объяснения не появилось“. Недоумение редактора „Часового“ В. В. Орехова понятно. Однако не только Вагин повинен в отсутствии объяснений. В ноябре 1984 г. в русскоязычную газету «Новое Русское Слово» был предложен материал, в котором Вагин опровергал выдвинутые против него обвинения. Редактор газеты г-н Седых отказался опубликовать материал и вовсе не потому, что материал этот был не на высоте или же содержал заведомо ложные утверждения. Свой отказ он мотивировал: “Вагин – антисемит“. Как тут не вспомнить жуткие времена: безвестная тройка объявляет ни в чем невиновного человека „врагом народа“ и он получает пулю в затылок или срок на „всю катушку“. В наших современных свободных условиях жизни оказывается совершенно достаточным, чтобы „некто“ бездоказательно объявил: „антисемит“ – и человека, хотя к счастью не расстреливают, но травят как дикого зверя. За американским примером далеко ходить

не приходится, он у всех на глазах, да, к сожалению, не на языках – следует вспомнить „дело“ русского патриота В. Д. Самарина.

Тот же материал, переданный в газету «Русская Жизнь» в Сан Франциско опубликован тоже не был. Но редактор газеты А. А. Соллогуб сообщил: „...получил такое же, но только противоречивое заявление от Правления. Во избежание переписки и „разговорчиков“, решил не помещать ни того, ни другого“. Подобная позиция более, нежели понятна и оправдана. Она свидетельствует, что г-н Соллогуб проявил значительно более глубокое понимание происходящего, нежели редакторы некоторых других русских печатных органов; о русскоязычных и говорить нечего. В другие газеты, в виду малой вероятности публикации, материал Е. Вагина не посылался.

Специально для «Вече» Вагин написал короткую объяснительную статью, которую озаглавил „Ответ клеветникам“. Этому ответу он придал форму контр-обвинения. В нем он определил, что М. Колуччи и К. Риччо вовсе не профессора, а „шарлатаны“ и „стукачи“ римской полиции, сообщил о высказываниях десятилетней давности В. Н. Дюкина, порочащих его, бездоказательно обвинял А. П. Тимофеева, которого назвал „книжным спекулянтом“, в хищении книг из Библиотеки. Ответ Вагина изобиловал выражениями – „грубая ложь“, „намеренная подтасовка“, „приемы мафии“ и пр., которыми лишь подливалось не очень чистое масло в огонь пылающих страстей.

Такого рода „Ответ“ не мог быть помещен в «Вече». Он свидетельствовал о состоянии крайней депрессии, в какой находился Вагин, объяснимой искусственно созданной атмосферой травли, которая была создана вокруг него и которая продолжает сгущаться публикацией порочащих статей в итальянской прессе, распусканием самых нелепых слухов, изгнанием его из университета, угрозами лишить его документов, права на жительство и работу в Италии.

*

Я считаю, что пора прекратить безумную, преступную, убийственную – не в переносном, а в прямом смысле – травлю человека, пусть даже (особенно по представлениям людей с неумной детективной фантазией), совершившего проступок, нарушившего общепринятые правила поведения. Тот факт, что римский суд, в котором возбуждено против Вагина дело, считает возможным прекратить это дутое „дело“, свидетельствует о незначительности проступка в юридическом понимании. А в таком понимании совершенно не учитываются десятки побочных, совершенно непонятных стражам итальянской законности обстоятельств, имеющих большое, если не решающее значение, для вынесения суждения русским Зарубежьем.

Вынося же суждение, следует решительно отказаться от посылки, что кто-либо из лиц причастных к Римскому скандалу, руководствовался преступными намерениями, или проще говоря, жаждал материального обогащения. Не потому, что существует юридическое понятие презумпции невиновности, но потому, что в любом случае, не могли иметь место корыстные планы, ибо имущество Библиотеки им. Гоголя, полностью лишилось уже в период вызревания конфликта, признаков и качеств, могущих превратить его в рыночный товар, в предмет купли и продажи.

Совершенно естественно, что русскоязычные круги и их органы печати, а также и те злопыхатели, что тщатся имитировать голос русского Зарубежья, будут стараться и впредь распалять страсти вокруг Римского скандала; приложат усилия, чтобы наполнить этот скандал содержанием, какого в нем не было и не могло быть. Ведь им в высшей степени наплевать на судьбу Библиотеки, у них свои низменные цели. А что касается библиотечных книжных фондов, то половину из них – все эти потрепаные богословские православные книги, книги по истории Государства Российского, его народа и царей, литературные, публицистические, документальные свидетельства героической, жертвенной борьбы русских

патриотов в рядах Белого Движения, все эти эмигрантские пожелтевшие крохкие газеты 20-30-х годов и многое другое – они с величайшим наслаждением уничтожили бы, как был уничтожен Архив Власовского Движения, что хранился в американском Гарвардском университете до недавнего времени. Симптоматично, что об уничтожении этого архива ни одна русскоязычная, даже ни одна русская газета и полсловом не обмолвилась!

Не следует, конечно, забывать и о том, что за случившимся с Библиотекой им. Гоголя, со злорадным пристальным вниманием следили и следят инстанции советской госбезопасности, действия которых направлены на разложение и морально-политическое умерщвление остатков русской эмиграции. Римский скандал – редкий, по своей потенциальной ценности, подарок этим органам. И подарок этот они безусловно обыграют, в чем им окажут посильную помощь „обвинители с ханжеской мордю“. Говорят, что уже приметны грязные следы органов в Римском скандале. Может быть, хотя до сей поры они могли ограничиться наблюдением. За них и на них изрядно поработали другие...

Фактически Русская Библиотека им. Гоголя в Риме прекратила свое существование, но где-то еще находятся её книги. Кому они принадлежат? Кто вправе ими распоряжаться? Члены ли Совета Старейшин, часть которых протестовала против предоставления пустующего церковного подвала для их хранения? Может быть, теперь юридический их хозяин – итальянское государство, или же новый директор? Не принадлежат ли остатки, собранного в свое время русскими эмигрантами, имущества, русскому Зарубежью, а за неимением организации, представляющей его интересы, зарубежной русской Православной Церкви?

Постановка этих и вытекающих из них вопросов требует практических действий. Поэтому я позволяю себе выступить с конкретным предложением, с которым обращаюсь ко всем благоразумным людям русского Зарубежья, независимо от их общественного положения и

призываю их высказать свое мнение относительно него. Необходимо – чем скорее, тем лучше – создать общественную комиссию русского Зарубежья, которая должна разобраться в делах бывшей Библиотеки им. Гоголя, принять необходимые решения и воплотить их в жизнь.

Как может быть создана такая комиссия?

Мне думается, что если еще существуют, пусть даже очень слабые, самостоятельные силы в русском Зарубежье, проблема разрешима. Инициатива создания комиссии может исходить от общеизвестной и авторитетной благотворительной организации, каковой является Толстовский фонд. Поэтому и обращаюсь к руководителю этой организации князю Теймуразу Константиновичу Багратиону с призывом собрать, по его собственному выбору и разумению, несколько уважаемых в русском Зарубежье лиц, и просить их принять участие в работе комиссии.

После утверждения состава комиссии из 5-ти или 7-ми членов, в которую непременно должен войти полномочный представитель Совета Старейшин бывшей Библиотеки им. Гоголя и, желательно, представитель Синода Русской Православной Церкви за границей, к работе которой, не будучи её членами, должны быть привлечены главные действующие лица Римского скандала – Е. А. Вагин и А. П. Тимофеев (чем для них откроется возможность полной моральной реабилитации), комиссия может приступить к практической деятельности.

Главная задача комиссии – решить вопрос о том, кому надлежит передать имущество бывшей Библиотеки им. Гоголя, главным образом её книжные фонды.

Разумеется, практическая деятельность комиссии немыслима без наличия минимальных материальных средств. Думаю, что средства могут быть собраны русскими людьми, если к ним обратятся с соответствующей просьбой авторитетные лица и органы печати русского Зарубежья.

Допускаю, что предложение мое ущербно и реально неосуществимо. Но могут быть другие предложения более продуманные и значительно проще выполнимые. Для публикаций таких предложений в альманахе „Вече“ всегда найдется место.

Главное – необходимо положить конец травле, перепалкам, образумиться, проявить порядочность. Следует не драматизировать происшедшее в Риме, и осознать, что из любой, даже самой сложной и запутанной ситуации есть выход. Была бы добрая воля!

В редакцию „Вече“ за последние 3-4 месяца поступило более ста писем подписчиков и читателей, содержащих тревожные вопросы по поводу Римского скандала. Надеюсь, что этой статьей я основательно и подробно ответил на все письма и прошу прощения у тех лиц, кому пришлось долго ждать ответа. У меня нет уверенности, что мои ответы всех удовлетворят, будут признаны исчерпывающими, что не возникнет новых вопросов, вытекающих из вышеизложенного. Мне не хотелось бы возвращаться к поднятой теме, но если появится необходимость, молчать я не намерен.

И в заключение неприятного разговора о Римском скандале, остановлюсь на обстоятельстве, побудившем меня еще до вынесения Правлением РНО в ФРГ соответствующего решения, с тяжелым сердцем отказаться от сотрудничества Е. А. Вагина в альманахе «Вече» в качестве соредатора. Обстоятельство это – поездка в Советский Союз жены и дочери Е. Вагина.

О поездке, подготовка к которой велась с весны 1984 г., т.е. длилась несколько месяцев, я узнал совершенно случайно, за несколько дней до отъезда г-жи Вагиной. Ошеломленный, немедленно предпринял я все возможное, чтобы убедить Вагина и его супругу в катастрофичности возможных последствий такого путешествия для их политической репутации и предупредил, что если оно состоится, не может быть речи о дальнейшем сотрудничестве Вагина в «Вече». Все мои доводы и увещевания не возымели действия.

Категоричность моего решения вызвала недоумение и даже критику некоторых подписчиков «Вече». Мне говорили и писали – дескать, что с того, что супруга Вагина поехала в СССР. Многие ездят. Ездит супруга видного русскоязычного общественного деятеля Синявского, ездят люди, статьи которых публикуются в антикоммунистических органах печати, не говоря уже о десятках и сотнях „рядовых“ эмигрантов, в антикоммунизме которых не может быть ни малейшего сомнения. Ездят и благополучно возвращаются.

Пусть так – о вкусах не спорят, и не существует знака пробы, которым определяется чистота человеческой совести. Пусть едут, кто желает, и благополучно возвращаются. Было бы глупо подозревать, что каждого обывателя-эмигранта в СССР ловят на кагебистскую удочку. Но основываясь на длительном жиненном опыте, я глубоко убежден и ничто не поколеблет этого убеждения, что русский эмигрант, члены семьи которого совершают поездки в Советский Союз, не может быть соредактором независимого русского национального альманаха «Вече». Он может заниматься чем угодно – преподавать в университетах, выступать по радио, писать статьи любого содержания, занимать любые должности на любых предприятиях, в любом частном или государственном учреждении. Но в «Вече» – ему не место. Есть такое понятие: „фактор риска“. В «Вече» такого фактора быть не может.

Не скрываю – я перенес тяжелый удар, возможно последуют другие. Ведь, когда родилась мысль о создании альманаха «Вече», я принялся за его издание, рассчитывая, что имею достойного преемника. Годы мои уже не те, когда можно планировать на несколько лет вперед, не говоря уже о десятилетиях. Я убежден, что русское дело – это эстафета на длинную дистанцию, и поэтому не начинал бы серьезного и, как до сих пор глубоко уверен, очень нужного русского дела, если бы не было у меня уверенности, что оно меня переживет. Теперь же, к сожалению, могу лишь заверить друзей «Вече» (да и недру-

гов, тоже), что пока я жив и пока меня не оставят физические и умственные силы – будет жить и независимый русский национальный альманах «Вече».

О. Красовский

Возникновение нашего мира не есть следствие случайного взаимодействия физических и химических сил природы, а результат проявления исключительной творческой гениальности.

Размышления на эту тему изложены в брошюре

А. К. ТРОИЦКОГО

„О логическом пути познания первопричины бытия“

Цена брошюры 10 немецких марок

Заказы направлять по адресу:

**„Possev“-Verlag,
Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt/Main, 80**

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

**Альманаха «Вече»
на Австралию**



GATEWAY TRAVEL PTY LTD.

48 The Boulevard, Strathfield N.S.W. 2135 – Telephone: 745 3333

Просьба оформлять подписку на альманах «Вече» для Австралии через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

Стоимость подписки на альманах «Вече» на 1 год:
40 австралийских \$

Цена отдельного экземпляра «Вече»
12 австралийских \$

В стоимость подписки включена
пересылка «Вече» воздушной почтой

В Генеральном Представительстве можно
заказывать отдельные номера «Вече»

Открытое письмо в газету «НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО»*

Уважаемый господин Седых!
Уважаемый господин Бочштейн!
Уважаемые господа редакторы!

В мой адрес поступило официальное сообщение редакции газеты «Новое Русское Слово» следующего содержания:

„Господин А. Тольский!

Ваше сотрудничество с журналом «Вече», систематически допускающим оскорбительные высказывания по адресу нашей газеты и эмигрантов „третьей волны“, составляющих значительную часть наших подписчиков, делает невозможной для Вас дальнейшую публикацию в Новом Русском Слове.

Зместитель главного редактора – Б. Бочштейн.
6 дек. 84 г.“

Смею Вас заверить, уважаемые господа, я не затаил обиды. Я не намериваюсь оспаривать Ваших законных прав решать вопрос: опубликовать или не опубликовать

* Примечание Редакции: Открытое письмо А. Тольского в редакцию газеты «Новое Русское Слово», в этой газете не опубликованное, – знаменательный документ нашего времени. Казалось бы, в США – в стране, которая в нашем сознании ассоциируется с понятиями свободы, уважения человеческих и гражданских прав, терпимостью к инакомыслию, отсутствием национальной дискриминации, немыслима столь откровенно-циничная и абсолютно безнаказная расправа с человеком лишь за то, что когда-то его статья была опубликована в независимом русском альманахе. Оказывается, расправа возможна. Это заставляет с глубокой тревогой задуматься над вопросом: какие тенденции и какие силы определяют политический курс великой страны, выступающей ныне в роли единственного и последнего гаранта свободы западного мира?

того или иного автора. Но не откажите и мне в моем праве внести, в этот неприятный для меня инцидент, ясность, в надежде, что Вы сможете правильно меня понять.

1. Я не причисляю себя ни к каким волнам. Никакая официальная иммиграционная волна не выбрасывала меня на „Западный берег“. Я просто сбежал из СССР, не спросив на то разрешения советских властей. Если Солженицын говорит, что он не в эмиграции, а в ссылке, то о себе могу сказать: „я в бегах“, потому мне на Западе и предоставлено политическое убежище.

2. Я не принадлежу ни к одной из эмигрантских группировок (монархической, религиозной, националистической, плюралистской и т.д. и т.п.). Есть у Киплинга сказка „О кошке, которая гуляла сама по себе“. Так вот я – „кот, который гуляет сам по себе“. Таким я был и в Советском Союзе. Я никогда в своей жизни, – а человек я уже старый, – не занимал штатных должностей, нигде не значился штатным или внештатным сотрудником, а был только **автором**. Само слово „сотрудничество“ предполагает определенные условия и обязательства, которым сотрудник должен подчиняться и которые обязан выполнять. Видимо, я слишком вольнолюбив, что даже в Советском Союзе не связывал себя кабальным сотрудничеством, а являлся только автором на добровольных договорных началах.

3. Мое, так называемое „сотрудничество“, с журналом «Вече» выразилось в единственной публикации в 1983 году небольшой статьи – „На чью мельницу вода льется? (№ 11, стр. 57). Следовательно, речь может идти не о моем „сотрудничестве“ с этим журналом, а непосредственно о моей статье.

Должен заметить: я категорический противник грубости, оскорблений, хамства, а тем более мата на страницах печатных органов. Русский литературный язык достаточно богат, чтобы можно было выразить свои мысли без излишних „эпитетов“. А степень эмоциональности той или иной работы зависит от темперамента автора.

В статье, которая явилась причиной инцидента, я осветил только подлинные факты и дал им объективную оценку. До сих пор эту статью никто не опроверг, не доказал, что я не прав. Стало быть, нет тому оснований. Но, если моя статья вызвала такую острую реакцию, что год спустя её не могут забыть – значит я „попал в цель“, значит в статье есть нечто такое, над чем следует задуматься.

4. Отмахнуться от критики проще всего. Можно отмахнуться и от автора. Но, простите меня, а где логика? Ведь печатные органы существуют не только и не столько для публикаций реклам залежалых товаров, брачных объявлений и скорбных сообщений о усопших, а для общественно-политической информации и полемики, чтобы в спорах рождалась Истина, в которой очень нуждаемся все мы – и находящиеся вдали от родины, и наши соотечественники, оставшиеся „на том берегу“.

К величайшему сожалению приходится констатировать, что на страницах русских печатных органов Зарубежья уделяется непомерно много места и внимания внутриэмигрантским склокам вместо деловой, объективной, честной и конструктивной полемики.

Я не случайно коснулся этого вопроса.

Почему бы в «Новом Русском Слове» не создать специальную дискуссионную рубрику – „Племика: проблемы, взгляды, суждения“ и не предоставить возможность пишущим людям, по-деловому, без взаимных нападок, высказывать свою точку зрения? Какому же другому печатному органу, как не ежедневной газете – самому оперативному средству массовой информации возглавить этот серьезный и важный профиль работы? Создание смелой, острой публицистической рубрики несомненно привлечет внимание читателей. А нужно для этого всего лишь немного терпимости и уважительного отношения к разномнениям людей. Не следует давить на пишущего человека, как это делается в Советском Союзе, а помочь ему раскрепоститься, почувствовать себя свободным человеком, чтобы он, без опаски, открыто и честно, мог

высказывать свои суждения. Разве не в этом задача свободной прессы?

5. Для каждого из нас не секрет, как трудно в Советском Союзе человеку сохранить свое человеческое достоинство. Но даже в самых нечеловеческих условиях, человек всегда может и должен оставаться честным и по отношению к людям, и по отношению к самому себе.

Являясь многие годы автором в ведущих советских средствах массовой информации и пропаганды я отдавал себе отчет в том, что говорить мне разрешают только в пределах „дозволенного“, но и в тех тяжелейших условиях я не кривил душой и не торговал своей совестью. Первейшим доказательством тому является тот факт, что я никогда не состоял в рядах коммунистической партии, в отличие от многих, которые, будучи в Советском Союзе, хранили в своем кармане партбилет, а ныне, на Западе бьют себя в грудь, клянясь в своей неприязни к советскому режиму. Я свою неприязнь доказал побегом, связанным с огромным риском, а не просьбами отпустить меня на „родину моих предков“. Родина моих предков – русская земля, которую я покинул с болью в сердце не в поисках „земли обетованной“, а в поисках возможности говорить правду, чего я был лишен в Советском Союзе. Но, оказывается, и здесь, на свободном Западе сделать это не так-то просто. Яркий пример тому – инцидент, явившийся причиной этого моего „Открытого письма“. Что греха таить, в русских печатных органах Зарубежья учреждена жесточайшая цензура, хлеще советской.* А уж советскую-то цензуру я хорошо знаю, она у меня поперек горла застряла, до сих пор отплеваться не могу. Что же получается? Попал из огня, да в полымя?!

6. Я искренне заинтересован публиковаться в «Новом Русском Слове» (заинтересованность отнюдь не материальная – с двадцати пяти долларов за публикацию я не разбогатею).

* Примечание Ред.: Поскольку А. Тольский имеет в виду лишь газету «НРС», которую русским печатным органом называть недопустимо, с его обобщением согласиться нельзя.

В своем первом письме ко мне господин Бочштейн писал:

„Нью-Йорк, 19 марта 1984.

Глубокоуважаемый господин Тольский!

Ваш материал „Почему люди бегут из Советского Союза?“ опубликован Новым Русским Словом 16 марта... Разрешите надеяться на продолжение нашего удачно начавшегося сотрудничества...

С искренним уважением

Б. М. Бочштейн

отв. секретарь редакции,,.

Оправдал ли я надежды редакции, как автор? Надо полагать – оправдал. Десять публикаций за короткий срок – совсем не плохой показатель.

Очень жаль, что Вы приняли решение, из идеологических соображений, „невозможной... (для меня)... дальнейшую публикацию в «Новом Русском Слове». Но я надеюсь, что мое „Открытое письмо“ будет опубликовано. Иначе это явится грубым нарушением общепринятой журналистической этики и основополагающих принципов свободной прессы.

Я не боюсь „вызвать огонь на себя“ и подвергнуться резкой критике, во имя откровенного разговора, который всем нам очень нужен, если нас, действительно волнует будущее нашей Родины и судьбы народов нашей страны вне зависимости от национальной принадлежности, вероисповедания и политических взглядов.

Хочу верить, что Вы правильно меня поняли.

С искренним уважением –

А. Тольский, журналист.

Кёльн, 25 декабря, 1984 г.

М е д а л ь

в память 1000-летия крещения Руси

В память знаменательной годовщины - 1000-летия крещения Руси - Конгресс русских американцев выпускает сувенирную настольную медаль.

На лицевой стороне медали изображение св. равноапостольного князя Владимира и текст по кругу: сверху по-русски - „Святой равноапостольный князь Владимир“ и снизу по-английски - „Святой Владимир равноапостольный князь Киева“. На оборотной стороне в центре крест и даты: 988 - 1988, а вокруг символы: слева трезуб - герб рода Рюриковичей, справа герб Российской Империи двуглавый орел, сверху - Спас Нерукотворный, снизу - терновый венец, символ страданий русского народа и Православной Церкви под игом безбожной советской власти. Текст по кругу по-русски и по-английски: „Тысячелетие крещения Руси“.

Диаметр медали 77 мм, вес 230 граммов.

Цена бронзовых медалей - 25 ам. долларов за штуку, посеребренных - 30 долларов, а позолоченных - 35 долларов, включая пересылку. Чеки выписывать и посылать по адресу КРА:

CONGRESS OF RUSSIAN AMERICANS, INC.
P.O. Box 818, Nyack, N.Y. 10960

По поводу обращения Л. Бородина к русской эмиграции

Обращение к русской эмиграции (журнал «Вече», Мюнхен, 1984, № 15) писателя Бородина, осужденного недавно режимом на 15 лет – крик души человека, обеспокоенного судьбой своей страны.

Бородин указывает эмиграции на ряд её изъянов:

– утрату органической связи с отечеством,

– безответственное отношение к национальным процессам,

– разобщение, стиль отношений, полемики, борьбы, конкуренции, (производящие на него „удручающее впечатление“),

и в связи с этим спрашивает: „продумали ли вы, наши русские эмигранты, свое собственное право рецептировать вне вас творящуюся русскую историю?“ и свою роль в дальнейших событиях.

Обращение Бородина заслуживает самого вдумчивого и честного ответа эмиграции.

Мой долг ответить на обвинение Бородина, относящееся непосредственно ко мне, суть которых в следующем:

„Дм. Панин претендует на позитивную программу действия: в стране создаются микробратства, которые затем объединяются в силы освобождения, руководимые заграничным центром, располагающим средствами информации. Основная задача эмигрантского центра в подготовительный период, по мнению Панина – распространение правдивой информации, одним из элементов которой является „новая философская система, развивающая в людях великодушие и исключаящая мстительность и

сведение счетов“. Бородин утверждает, что Панин не располагает такой философской системой и, следовательно, противопоставить марксизму ничего не может.

„Мы остановились здесь на программе Дм. Панина столь подробно, – пишет далее Л. Бородин, – лишь потому, что она наиболее позитивна из всех прочих, нам известных, то есть это, по крайней мере, программа, и с ней можно программно спорить. А прочие эмигрантские образования, группирующиеся вокруг журналов и центров, – что они могут предложить нам, кроме пачки симпатий и вороха эмоций? Информацию? Средства? Литературу? Может быть образец подвига? Ну, что может продиктовать нам почтительное отношение к эмиграции?!“

*

Режим располагает всеми средствами невиданного принуждения и бесчеловечной идеологии для закабаления населения. Несмотря на это, запуганное население отлично сопротивляется режиму во всех областях труда, разрушая его экономику.

Мой план освобождения от режима, учитывает особенности жизни подсоветских реальных людей, со всеми их недостатками и пороками, и не требует от них непосильного. Я неслучайно назвал этот план „Революция в умах“, так как он преследует следующие цели:

– Ослабить ряды угнетателей идейным наступлением. Добить и осмеять марксизм, под личиной которого номенклатура прикрывает преступность своего господства;

– Помочь силам освобождения и не до конца одурманенным и искалеченным режимом людям системой взглядов, противостоящей марксизму. Восстановить поправное достоинство подсоветского человека, осознавшего свои собственные значение и силу;

– Использовать могучие мирные средства связи и информации нашего века. Соответственно формировать

силы освобождения в стране с помощью координационного центра, находящегося на западной радиостанции.

Проведя полжизни среди рабочего люда, я хорошо распознал его слабые и сильные стороны, а также подстерегающую его опасность. Опыт зека сталинских лагерей, рабочего и инженера помог мне разработать план для проведения „революции в умах“, основываясь на том, что прочно существует в советской действительности и способно к бурному развитию (например, „микробратства“, перебрасываемые между ними „мостики“, незаинтересованность в работе на режим).

С момента моего приезда в 1972 г. во Францию, идеализируя эмиграцию, я рассчитывал на деловое обсуждение моих предложений и помощь в их реализации. Ведь революцию в умах можно было рассматривать и как подготовительную ступень, не препятствующую рождению лучшего решения, отвечающего происходящим изменениям в мире. Для меня несомненно, что при повышении температуры холодной войны и во избежание мировой войны, будет сделана ставка странами Свободного мира на революцию в умах в Советском Союзе.

Применяя новые формы эксплуатации в стране и расставив сети шпионажа на близоруким и уступчивом Западе, СССР достиг первенства в области вооружения.

Западу придется перейти к новым для него формам защиты – к идейному наступлению, которое так широко применяет режим.

Еще в 1973 г., предлагаемый мною план был издан отдельной брошюрой карманного типа, в 1977 г. он был включен в мою книгу „Мир-маятник“. В журналах и газетах эмиграции план напечатан не был. Скупой отклик на несколько моих статей в защиту плана имел место, затем наступила гробовая тишина. Странность положения заставила меня с помощью французских друзей создать проблемный журнал «Ле шуа» («Выбор»), на страницах которого по-французски, а затем в приложении к нему и по-русски, были опубликованы материалы, необходимые для проведения революции в умах и другие мои работы.

Таким образом, эмиграция обошла молчанием следующие мои работы: „Как провести революцию в умах“ (1977, 1981), „Горе – не беда“ (сборник статей в защиту плана – 1978), „Политэкономия на основе закона сохранения энергии“ (1973, 77), „Постулаты марксизма и законы природы“ (1978), „Арсенал атеизма“ (1979), „Общество независимых“ (1979), „Теория густот“ (Опыт современной философии – 1982), „Созидатели и разрушители“ (1983).

Не моя вина, но моя беда, что моя христианская философия („Теория густот“), первоначальный вариант которой был издан на Западе по-русски еще в 1976 г. под названием „Вселенная глазами современного человека“, не подверглась обсуждению в эмигрантской прессе и не дошла до Бородина. А ведь, на основании предложенной мною теории густот, мне удалось сделать ряд существенных открытий в теории относительности и квантовой механике, которые были опубликованы в специальных западных журналах. При сложившемся положении, Бородин не мог за железным занавесом знать о существовании перечисленных выше моих работ, и мне понятны его недоумение и возмущение.

Обвинение меня Бородиным в копировании большевистской революции я объясняю лишь его полной неосведомленностью.

Революция в умах должна произойти в стране, где все население шарахается от слова „организация“. Поэтому революция в умах, в корне отрицает партийную революцию, совершаемую партией, основанной на уставе, программе, списках членов, их явках, и занимающуюся перевозкой нелегальной литературы. Революция в умах:

- делает ставку на технику современной связи и созданный в эмиграции арсенал идей;

- из радицентра дает силам освобождения в стране информацию и советы по координации их усилий;

- отрицает марксизм, любые виды террора, анархию, основанные на разжигании низменных инстинктов.

Я призывал к праву на забастовки, насущному для людей в любом городе и медвежьем углу, и писал об

этом еще в 1978 г., за три года до „Солидарности“ в Польше. Ибо это право важнее борьбы за отвлеченные „права человека“.

Я рассматриваю свои работы как вклад в общий арсенал, созданный эмиграцией, который даст возможность осуществить революцию в умах.

Вместо сведения счетов следует, наконец, приступить к обсуждению насущных для нашей родины вопросов, и тем достойно ответить на обращение к нам мучеников и борцов за правое дело. И следует начать с планов освобождения нашей страны.

Димитрий Панин

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

Альманах «ВЕЧЕ»
можно купить в Сан Франциско в
книжном магазине „Глобус“

GLOBUS – SLAVIC BOOKSTORE
332 Balboa Street
San Francisco, Ca. 94118, USA

В Лос Анжелесе альманах «ВЕЧЕ» можно приобрести в киоске при Свято-Покровском храме

2041 Argyle Avenue, Los Angeles,
Ca. 90068, USA

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

альманаха «ВЕЧЕ»

в Венесуэле

T. ROTINOV
Artesania Kazbek S.R.L. Apartado 76.184,
El Marques, Zona Postal 1070 A
Caracas

В представительстве можно оформлять подписку и заказывать отдельные номера «ВЕЧЕ».

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера 15 нм
подписка на 4 номера 50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера 9 ам. долл.
подписка на 4 номера 30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе — 24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №.....

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу почтовым переводом
приложенным чеком

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

НАШИ ВЕСТИ

Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным

Редактор Н. Н. Протопопов
Казначей А. А. Пустовойтенко

Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов

Подписку направлять по адресу:

NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VII^A С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**